

ПОСЕВ

D 21 651 E

POSSEV

April 1972

DM 4.- Rbl 2.-

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

- От биполярного к треугольному миру — *Л. Рар*
- Активное отношение к СССР — *Х. Х. Рамм*
- Социализм и диктатура (5) — *А. Федосеев*
- А на что нам социализм? — *В. Ламздорф*
- Иностранцы в русской революции - *И. Курганов*
- Историческая роль Югославии — *М. Михайлов*

Документы борьбы • Суд над Надеждой Емелькиной •

В защиту В. Буковского • «Обозрение» — новый журнал

в Самиздате • Дело Варлама Шаламова и др.

Yearly subscription from Publishers: DM 40.— + air postage (if required). US & Canada \$ 24.— (air). From book-shops: DM 48.— + air postage (if required), US & Canada \$ 27.— (air). Australia A\$ 18.30 (air).

Roubles (2.—) should be accepted everywhere from the USSR.

nkr 8.—
skr 6.—
sfr 4.70
\$ 1.75

Norway
Sweden
Switzerland
US

£ —.45
hfl 4.—
lfr 3.50
Lit 700

Gr. Britain
Holland
Israel
Italy

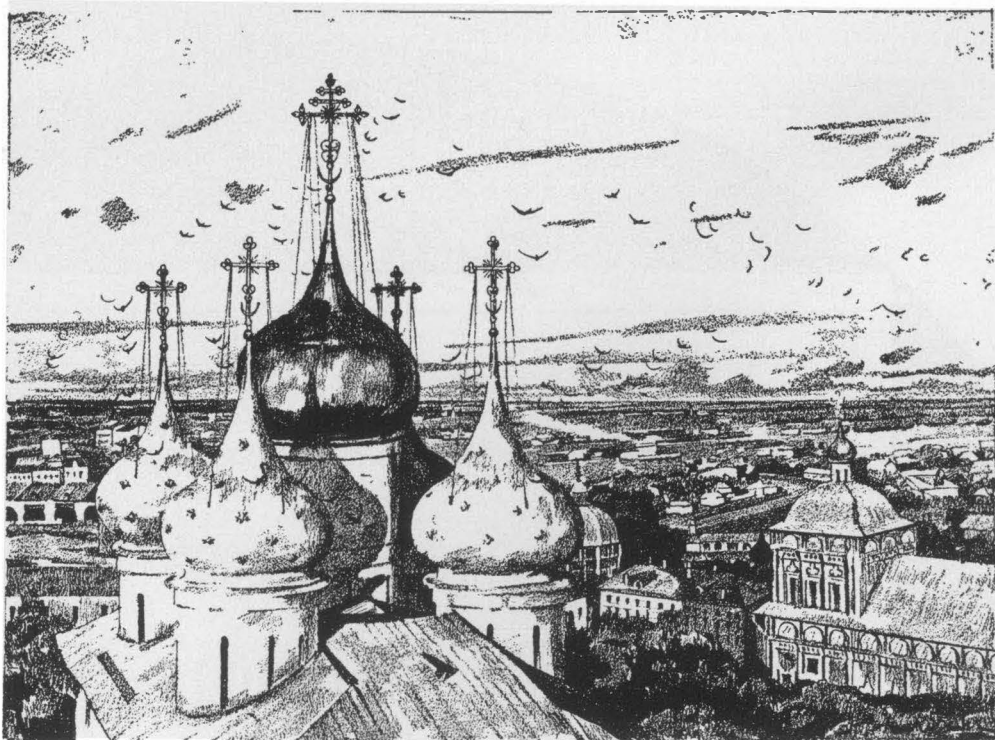
dkr 8.—
Fmk 5.50
FF 6.—
DM 4.—

Denmark
Finland
France
Germany

A\$ 1.60
S\$ 30.—
BF 55.—
C\$ 1.75

Australia
Austria
Belgium
Canada

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ

Пасхальные поздравительные открытки

Репродукции с серии картин «Сергиев посад» известного московского художника К. Юона

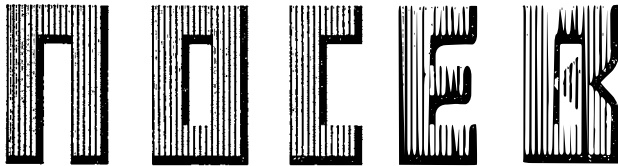
Шесть разных двойных открыток на меловом картоне с конвертами.

Цена комплекта — 3,60 н. м. В США — 1,20 дол.

Требуйте наши каталоги!

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПОСЕВ”

POSSEV-VERLAG, 623 Frankfurt/Main 80, Flurscheideweg 15

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит за рубежом ежемесячно

Год XXVIII	Апрель 1972 г.	№ 4 (1179)
------------	----------------	------------

СОДЕРЖАНИЕ

МОСКВА. По году за минуту демонстрации. Суд над Надеждой Емелькиной (2). — Новый самиздатовский журнал «Обзорение» (3). — Буковскому мстят. Обращение к Курту Вальдхайму (ООН) Инициативной группы защиты прав человека в СССР (4). — Лживый и подлый репортаж. По поводу статьи «Биография подлости». Сергей и Татьяна Ходорович (5). — Письмо в редакцию «Тайме». Юрий Глазов, Юрий Штейн, Юрий Титов, Александр Вольпин, Владимир Гершович (7).

ХРОНИКА ВАЖНЕЙШИХ СОБЫТИЙ (8).

ДЕЛО ШАЛАМОВА. Не тот почерк. В редакцию «Литературной газеты». Варлам Шаламов. — Ответ «Литературной газете». Лев Рар (9). — Последний страшный рассказ. Бродячий актер. — Под письмом стоит Ваша подпись. С. Горянов (10).

С комментариями и без них (11).

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ. «Возвращенцы», не повидавшие свободы (13). — Автоматы или космонавты. — Итоги первого года пятилетки (14).

ИЗ ИНОСТРАННОЙ ПРЕССЫ (15).

ИТАЛИЯ. Ян Влох. Солидарность с В. К. Буковским (17).

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА. Лев Рар. От би-полярного к треугольному миру (19).

НОРВЕГИЯ. Ханс Хенрик Рамм. Об активном отношении к СССР. Позиция норвежских Молодых консерваторов (25).

ПРОБЛЕМЫ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ А. Федосеев. Образование, здравоохранение, наука и техника. Из серии «Социализм и диктатура. Причина и следствие». Статья пятая (29).

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ. Владимир Ламздорф. А на что нам именно социализм? (37).

ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИИ. Проф. И. Курганов. Иностранные участники коммунистической революции в России (43).

ЮГОСЛАВИЯ. Михаил Михайлов. Историческая роль Югославии. Историко-философские, а не политические размышления (51).

КНИГИ. Аркадий Столыпин. Говорит Кув де Мюрвиль (54). — А. Тимофеев. Без руля и без ветрил (58).

ПИСЬМА. В. Молчанов. Кто наши предки. По поводу доклада А. Н. Артемова (60). — А. Артемов. По поводу письма В. Молчанова (61). — И. Агрузов. Против самоубаюживания (62). — Л. Сергеева. По поводу письма И. Агрузова. — Александр Голубов. Не 15, а 72 (63).

ПЕССИМИСТИЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТ

Письмо пятерых к мировой общественности, посланное через редакцию лондонской газеты «Таймс», — страшный, пугающий документ. На наших страницах мы печатали не раз человеческие документы большего героизма, большей силы. Но мы вряд ли когда-либо печатали документ большего пессимизма. А исходит он от людей, ведущих упорную, долгую борьбу.

Документ этот страшен не из-за судьбы, которая грозит подписавшим его. Не может больше власть наказать тех, кого сама выталкивает из страны. Он страшен оттого, что свидетельствует об успехах власти, ибо если эти пятеро поверили, что план ее удастся, то поверят многие, многие другие.

Он страшен образами «умирающего, буквально умирающего» генерала Григоренко, замерзающего А.малырика, страдающих Левитина-Краснова, Габая, Литвинова. Он страшен предвидением тех испытаний, перед которыми стоят Солженицын, Максимов, Якир. Страшен «десятком кандидатов в новые мученики».

Но еще страшнее документ из-за впечатления, которое он произведет на находящихся в тюрьмах, лагерях и психолечебницах, дорого платящих там за свою борьбу.

Еще страшнее он тем, что не может не подорвать силы продолжающих борьбу, что окрылит угнетателей, даст им почувствовать, как начинают добиваться они практических результатов.

Документ страшен своим ужасающим пессимизмом, но пессимистических оценок мы слышали уже немало. Факт же, что на сей раз эту оценку дают активные участники борьбы, действует сильнее, но только пока речь идет о том одном виде борьбы, в котором они участвовали.

Если случится, что пессимизм авторов документа оправдается и тишина действительно спустится на бурное море нашей общественной жизни, то это никак не будет означать, что прекратится борьба.

Но пугает не закрытие «Хроники» само по себе, не сокращение сведений о беззакониях власти, а то, на что намекают авторы письма, бросая свой упрек молчащей интеллигенции и выражая надежду, что не обратится против нее ее молчание.

Страшно это потому, что закроется клапан, выпускающий пары возмущения. Страшно потому, что борьба примет другие формы, не ограниченные рамками законности.

Страшно потому, что польется кровь.

● МОСКВА

По году за минуту демонстрации

СУД НАД НАДЕЖДОЙ ЕМЕЛЬКИНОЙ

(Из «Хроники» № 23)

25 ноября в Москве состоялся суд над Надеждой Павловной Емелькиной (об ее аресте сообщалось, «Хроника» № 20) по обвинению в изготовлении и распространении клеветнических сведений, порочащих советский государственный и общественный строй (ст. 190¹ УК РСФСР).

27 июня 1971 г. в 6 часов вечера Надежда Емелькина вышла на Пушкинскую площадь с плакатом, требующим свободы политическим заключенным в СССР и свободу Владимиру Буковскому. Кроме того, она бросила в толпу пачку листовок со следующим текстом:

«За последние годы в СССР арестованы и осуждены сотни людей за отстаивание своих убеждений, за требование свободы слова, гарантированной Конституцией СССР. Осужденные содержатся в Мордовских лагерях — п/я ЖХ-385, Мордовская АССР (ст. 70 УК РСФСР), в лагерях для уголовников (ст. 190 УК РСФСР); или к осужденным применяются нацистские методы — помещение здоровых людей в специальные психиатрические тюрьмы на принудительное лечение на неопределенный срок.

Граждане! Знайте, что в вашей стране по сей день продолжают арестовывать людей за убеждения, как в страшные сталинские времена.

Надежда Емелькина,
25 лет, рабочая, Москва

27 июня 1971 г.».

В этот вечер был праздник по случаю Дня молодежи и на площади было много народа. Через несколько минут Емелькина была схвачена работниками милиции и отведена в отделение милиции, затем ее перевезли в Бутырскую тюрьму.

Процесс состоялся в нарсуде Бабушкинского района г. Москвы. Председательствовал судья Богданов, обвинение поддерживал прокурор Бирюкова, защищал Емелькину адвокат Ария. Суд продолжался с 11 до 2 часов дня. Почти полтора часа ушло на составление приговора, так что все судебное разбирательство заняло не более полутора часов. По делу было допрошено 7 свидетелей (в том числе 2 сотрудника милиции, задержавших Емелькину), которые подтвердили то, что произошло на Пушкинской площади 27 июня.

Все они опознали транспарант, который держала Емелькина и экземпляры листовки, которую она распространяла. Емелькина подтвердила факты, которые ей инкриминировались, но виновной себя не признала. Она сказала, что факты, изложенные в листовке, соответствуют действительности и не являются клеветническими измышлениями. Она заявила, что право протестовать против нарушения законности является ее конституционным правом. На вопрос прокурора, сожалеет ли она о случившемся, Емелькина ответила отрицательно.

Прокурор Бирюкова в обвинительной речи, в частности, заявила, что в Советском Союзе нет политзаключенных и что этот термин вообще неприменим к советской действительности. Она сказала также, что в Советском Союзе никого не судят за убеждения. Утверждение Емелькиной, что в нашей стране за убеждения заключают в психиатрические тюрьмы, она назвала чудовищной клеветой. В заключение потребовала для Емелькиной в качестве наказания 5 лет ссылки.

Адвокат Ария в защитительной речи сказал, что 5 лет ссылки явились бы явным нарушением закона, так как ст. 190¹ УК РСФСР предусматривает в качестве максимального наказания лишение свободы на 3 года. Ссылка является более мягкой мерой, чем лишение свободы. Если применяется более мягкая мера, то юридически совершенно необоснованно то, что срок ссылки значительно превышает максимальный срок, предусмотренный основным наказанием.

Н. Емелькина сказала, что ее последним словом является текст листовки, которую она распространяла.

Суд приговорил Н. П. Емелькину к 5 годам ссылки.

*

В заявлении друзей Емелькиной, которое было распространено после суда, говорится: «Ратуя за свободу советских политзаключенных, она провела на Пушкинской площади 5 минут. За это она получила 5 лет».

Новый самиздатовский журнал

В октябре прошлого года в Самиздате вышел первый номер еще одного вольного журнала. Журнал называется «Обозрение» и состоит из шести разделов.

Раздел I — «Смерть Н. С. Хрущева». Подчеркивается, что в то время как в СССР сообщение о смерти Хрущева появилось только на третий день и без некролога, в Польше, например, радио прервало программу, чтобы сообщить о кончине бывшего первого секретаря ЦК КПСС и отметило его заслуги в деле десталинизации СССР, послужившей непосредственным толчком к десталинизации Польши.

Отмечается, что Ричард Никсон, Пьетро Ненни, Анвар Садат, Янош Кадар и многие другие, а также большинство газет, в том числе и коммунистические («Борба», «Политика»), откликнулись на смерть Хрущева, вспомнив как о его заслугах, так и о преступлениях.

Указывается, что китайская печать, как и советская, лишь кратко сообщила о смерти бывшего лидера КПСС, а албанская печать назвала его «лидером ревизионистской группы, которая пыталась реставрировать в СССР капитализм».

Дается и описание похорон Хрущева, и мер, принятых КГБ для предотвращения возможной демонстрации во время похорон.

Раздел II — «Интервью Й. Смрковского», данное итальянскому коммунистическому еженедельнику «Джорни — вие нуове» в сентябре 1971 года.

В этом разделе также сообщается, что после опубликования интервью Смрковский был подвергнут допросу в органах государственной безопасности и предупрежден, что в случае повторения подобных актов, против него будет возбуждено уголовное преследование.

Раздел III — «Владимир Буковский». В нем излагается краткая биография Буковского и перечисляются протесты в связи с его последним арестом.

Раздел IV — «Из истории Самиздата». Напоминается, как в первые послевоенные годы возникли подпольные антисталинские организации «Ленинская оппозиция», «Ленинская группа», «Рабочая оппозиция», распространявшие среди населения листовки и прокла-

мации. Перечисляются первые самиздатовские журналы «Синтаксис» (1959 год, редактор А. Гинзбург), «Бумеранг» (1960 год, редактор В. Осипов), «Феникс» (1961 год, редактор Ю. Галансков). Подчеркивается, что деятельность Самиздата усилилась с 1965 года.

Раздел V — «Калейдоскоп». Здесь приводится ряд фактов, скрываемых от советской общественности.

После 1954 года, в связи с делом Берия, генерал армии С. М. Штеменко был снят с должности начальника Генерального штаба и снижен до должности начальника штаба дивизии (соответственно разжалован из генерала армии в генерал-майоры). Всплыл снова на поверхность во второй половине 1965 года.

В августе 1971 года в Казани сотрудниками КГБ были допрошены писатели Юрий Белостоцкий, Леонид Топчий и Аван Такшаш по делу распространения «Хроники текущих событий» и других самиздатовских материалов в казанских литературных кругах.

Дирижер симфонического оркестра Всесоюзного радио и телевидения Ю. Аранович снят с работы за то, что подал заявку на визу в Израиль.

Раздел VI — «Литературная хроника». Аннотированы произведения: «Семь дней творчества» В. Максимова, «Август Четырнадцатого» А. Солженицына, «Милая родня» П. Дудочкина, «Мой папа убил Михоэlsa» (с очерком «И примкнувший к ним Шепилов») В. Гусарова, «Факультет ненужных вещей» (вторая часть изданного в 1964 году, в журнале «Новый мир», романа «Хранитель древностей») Ю. Домбровского.

В разделе также даются биографии авторов. Заканчивается номер аннотацией журнала «Вече», редактируемого Владимиром Осиповым.

Редакция «Обозрения» сообщает также о своих планах ввести новый раздел «Из истории СССР» и обещает в следующем номере рассказать о падении Ягоды, о Ежове, о процессах 1937—38 годов.

Как видим, в ответ на репрессии власти, на ее попытки задушить свободное слово, осво-

Буковскому мстят

ОБРАЩЕНИЕ ИНИЦИАТИВНОЙ ГРУППЫ

Г-ну Курту Вальдхайму, Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций.

Уважаемый господин Генеральный секретарь!

Необоснованный и бесчеловечный приговор Владимиру Буковскому вынуждает нас обратиться к Вам, как мы — хотя, к сожалению, безответно — обращались к Вашему предшественнику на высоком посту Генерального секретаря Организации Объединенных Наций в связи с рядом случаев грубого нарушения прав человека в нашей стране. Обращаясь в ООН, мы исходили из убеждения, что нарушение прав человека где бы то ни было — а особенно в великой державе — затрагивает интересы всего человечества и не является только внутренним делом данной страны.

Обращаясь к Вам, мы исходим также из убеждения, что дело Буковского есть дело исключительной важности. С именем Буковского неразрывно связано разоблачение одного из самых отвратительных проявлений варварства в нашем веке — использование средств современной медицины в репрессивных целях. И приговор Буковскому — очевидная месть за эти разоблачения. Последнее слово Буковского на суде, опубликованное в прессе, лучше нас обрисует его облик мужественного борца за права человека, а также ту пародию на гласное и объективное судопроизводство, в результате которой ему именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики было проштамповано семь лет ли-

шения свободы (два года тюрьмы, пять лет лагерей строгого режима) и пять лет ссылки.

Но дело Буковского, дело защиты прав человека — это дело всех честных людей на земле, дело Организации Объединенных Наций, наше и Ваше дело.

Разумеется, непредвзятое мнение предполагает серьезный анализ материалов дела. Укажем в этой связи, что интервью Буковского корреспондентам американского телевидения о специальных психиатрических больницах, инкриминированное ему судом как клевета на советскую действительность, широко известно и, несомненно, доступно Вашим консультантам. Столь же известны документы о психиатрических экспертизах, посланные Буковским за границу, которые обосновывают критику, содержащуюся в его интервью. Эти документы, как мы знаем, уже изучались видными специалистами, публично высказавшими свое мнение («Таймс», 16. IX. 1971).

Мы надеемся, что Вы найдете способ использовать Ваш высокий авторитет, чтобы помочь Буковскому, чьи действия и пример способствовали внедрению в общественное сознание гуманных принципов Организации, которую Вы возглавляете.

Примите уверения в нашем глубоком уважении.

Инициативная группа защиты прав человека в СССР:

Т. ВЕЛИКАНОВА
С. КОВАЛЕВ
В. КРАСИН
А. ЛАВУТ
Г. ПОДЪЯПОЛЬСКИЙ

Г. ХОДОРОВИЧ
Ю. ШТЕЙН
П. ЯКИР
А. ЯКОВСОН

бодительное движение отвечает дальнейшим расширением деятельности Самиздата.

Выход нового, очередного журнала подчеркивает иллюзорность надежд руководства КПСС, что если ему удастся «закрыть» «Хронику текущих событий», оно сможет заткнуть рот борцам за права и свободу. Поступь свободы на этом этапе террором уже остановить нельзя: вместо разгромленных вольных органов печати будут появляться всё новые и новые, пока зажим и цензура не потеряют свой смысл.

Поддержавшие: В. Бахмин, И. Бегун, И. Белгородская, С. Вайсблат, А. Вольпин, Ю. Вронский, В. Гершович, Ю. Глазов, А. Григоренко, З. Григоренко, В. Делоне, О. Иофе, Ю. Иофе, В. Ильяков, И. Каплун, Л. Кардасевич, Е. Костерина, И. Корсунская, И. Кристи, Е. Кушев, Л. Кушева, М. Ланда, В. Лапин, А. Найденович, В. Осипов, Т. Петрова, А. Полищук, И. Рудаков, В. Савенкова, Е. Строева, А. Топешкина, Л. Терновский, В. Тимачев, Ю. Титов, А. Тушмерман, В. Турианский, Р. Урбан, С. Ходорович, Н. Шатуновская, Ю. Шиханович, А. Штельмах, Г. Штельмах, И. Якир.

Лживый и подлый репортаж

По поводу статьи «Биография подлости»*

Льстецы, льстецы! Старайтесь сохранить
И в подлости осанку благородства.

А. С. Пушкин

5 января 1972 г. в 10 ч. утра в здании Люблинского народного суда прозвучали слова: «Встать! Суд идет!»

На скамье подсудимых — Владимир Буковский. В зале суда — тщательно подобранная публика. Внизу, в коридоре первого этажа, — друзья Буковского. Путь в зал суда друзьям Буковского преграждают деревянный диван и группа молодцов с красными повязками (и без них) на руках.

До 23 часов шел суд, и до 23 часов томились в неведении друзья Буковского, заполняя коридор. В коридоре они не были одиноки: за ними зорко наблюдали работники милиции (чины разные), сотрудники КГБ, дружинники...

Но вот все кончилось. Буковский увезен. Молодцы откидывают диван, освобождая проход... Не глядя по сторонам, спешат пробраться к приготовленным «Волгам» люди, «самоотверженно» заполнявшие весь день, бессменно, зал суда; никто из них не счел возможным для себя ответить на столь естественный вопрос тех, кто не был в зал допущен: «Приговор, какой приговор?» Лишь мать обвиняемого одним дыханием сообщает жестокий приговор: 7 лет лагерей строгого режима, из них два года отбывания в тюрьме, плюс 5 лет ссылки.

А день спустя — статья в газете, с пометкою «Из зала суда». Что ж, может быть, статья преследует определенную цель: дать представление о процессе для тех, кто не был впущен в зал суда? Толково рассказать о составе преступления и сообщить причину, породившую его?

Нет, к сожалению. Статья, как и обычно принято в подобных случаях, призвана очернить личность обвиняемого, возбудить в читателях ненависть и презрение к нему и, заодно, пугнуть людей ему подобных, осмеливающихся говорить открыто о нарушении законов в нашей «подлинно демократической стране».

Для достижения этой цели авторы статьи выбрали принцип: «Меньше фактов, больше эмоций». В статье много говорится об интервью, которое В. Буковский дал американскому телевидению. Говорится о времени, в которое оно транслировалось, какие газеты писали об этой трансляции, кто брал интервью у В. Буковского, при каких обстоятельствах и в каком месте давал В. Буковский это интервью, какие чувства испытывали авторы статьи, просматривая этот телефильм в зале суда, и только о содержании интервью сказано хотя и цветисто, но скупо: «Они старались всю: обливали грязью советский строй», «...столько в этом телеинтервью дешевого желчного вымысла, столько гнусной клеветы на Советский Союз». А между тем речь в телеинтервью шла об использовании спецпсихологических учреждений для содержания в них политических заключенных, об условиях и порядках в них. В данном случае авторы, видимо, понимают, что спецпсихобольницы — это еще не весь Советский Союз, но также понимают они, видимо, что обвинение: «Обливал грязью наши советские спецпсихобольницы, гнусно клеветал на условия содержания политических заключенных в спецпсихобольницах», будет выглядеть нелепо и едва ли родит в читателях чувства «возмущения и отвращения» к личности Буковского. Вот и приходится слегка передергивать и отождествлять Советский Союз со спецпсихобольницами. Впрочем, нам неизвестен основной род занятий авторов. Возможно, что, так как они видят мир через призму основных своих обязанностей, упомянутое выше тождество не вызывает у них сомнения.

Но далее в статье их вновь возникает целенаправленная неясность. Неясность и замалчивание некоторых, явно достойных упоминания фактов из биографии В. Буковского. Пишут авторы: «В свои неполные тридцать лет его трудовой стаж исчисляется полутора годами». (Здесь, надо заметить, не совсем ясно, коверкают ли русский язык авторы, преследуя какую-то цель, или единственно по неграмотности?) Столь относительно малый стаж авторы объясняют нежеланием В. Буковского работать, но не усматривают связи между малым стажем и тем обстоятельством, что в свои неполные тридцать лет В. Буковский успел провести более двух лет, в об-

* Статья под таким названием была опубликована в газете «Вечерняя Москва» № 4 от 6 января 1972 г. (сноска авторов. — Ред.).

щей сложности, в психиатрических лечебницах и три года в лагерях и, если о трех годах, проведенных Буковским в лагерях, авторы находят возможность упомянуть, сообщая, что такая кара была назначена Буковскому за нарушение общественного порядка (традиция и здесь не нарушается, и авторы умалчивают, что нарушением общественного порядка была названа организованная В. Буковским демонстрация протеста против ареста П. Радзиевского, Ю. Галанскова, А. Добровольского, В. Лашковой). А вот придумать, за что бы такое можно было здорового человека более двух лет держать в психиатрических больницах, авторы, видимо, не могли, потому и не упомянули, что факт этот имел место в биографии В. Буковского: один раз — 8 месяцев за намерение участвовать в демонстрации, требовавший гласности суда над писателями Ю. Даниэлем и А. Синявским; и второй раз — полтора года за то, что у Буковского была найдена книга М. Джиласа «Новый класс».

Не упоминают авторы и другие интересные и необходимые для прояснения картины суда факты. «Зачитываются показания бельгийского подданного Себрехтса Хуго...», — пишут авторы, но не пишут они, что Себрехтс Хуго отказался от своих показаний, зачитанных в суде, заявив, что следствие вынудило его дать показания путем физического и психологического давления. Не совсем ясно, из каких соображений авторы умалчивают, что свидетель А., показавший, что Буковский будто бы просил его помочь провезти из-за границы оборудование для подпольной типографии, является офицером КГБ, работающим в таможне Шереметьевского аэропорта А. Никитинским и что В. Буковский знал это. Умалчивают они также и о том, что мать В. Буковского, выступавшая в суде единственным свидетелем по этому пункту обвинения, показала, что все было как раз наоборот: в ее присутствии А. Никитинский уговаривал В. Буковского организовать подпольную типографию и что на это предложение В. Буковский ответил категорическим отказом.

Не сообщают авторы также и о том, что адвокат, убедительно доказав несостоятельность обвинения, просил суд вынести оправдательный приговор его подзащитному. Не пишут они и о том, что ни один из свидетелей, заявленных адвокатом и обвиняемым, в суд вызван не был; что из 9 ходатайств,

предъявленных В. Буковским суду и подержанных адвокатом, 8 были отклонены; что, как сказал В. Буковский, следствие велось с грубыми нарушениями УПК, вплоть до подсадки в камеру к В. Буковскому провокатора Трофимова, которому было обещано досрочное освобождение и который сам признался во всем Буковскому; что адвокат (один из нескольких, которому В. Буковский согласен был вверить свою защиту) был утвержден для участия в процессе только после жалобы В. Буковского Генеральному прокурору СССР, в Президиум ЦК КПСС, двенадцатидневной голодовки В. Буковского и активного вмешательства общественности.

Очень скупо авторы пишут о давлении, которому подвергался В. Буковский до ареста, за открыто распространяемые им сведения (факты) о бесчеловечных условиях содержания политических заключенных в советских специальных психиатрических больницах (тюрьмах). По словам авторов, кампания эта сводится к вызовам в прокуратуру, беседам, увещаниям, предупреждениям. Видимо, не существенными считают они постоянную открытую слежку агентов КГБ за В. Буковским, угрозы этих людей убить его, случай, когда один из них угрожал Буковскому своим служебным оружием.

Обо всем этом В. Буковский заявлял во время следствия в разные инстанции, указывая номера служебных автомашин и приметы следивших за ним людей, но ответа на заявления не получил. Не упоминают авторы и о том, что в зал суда не были допущены иностранные корреспонденты и ни один из пришедших 70 друзей В. Буковского, горячо желавших попасть туда (что, кстати, совпадало с желанием подсудимого, специально заявившим об этом ходатайство) и проводивших в бесплодном ожидании тринадцать часов в коридоре здания суда, этажом ниже помещения, в котором проходил процесс.

Но зато авторы сочли, ой как нужным, присоединить к имени В. Буковского множество эпитетов и определений, призванных вызвать отрицательные эмоции у читателей. Вот эти эпитеты и определения: «бездельник», «заврававшийся сплетник», «провокатор», «уголовник», «закоренелый подлец», «враг нашего строя» и просто «злостный враг», «продажный, ядовитый политический спекулянт», «ничтожное орудие в грязных руках антисоветизма», «отщепенец», кроме того ему при-

суща «тщеславная страсть во что бы то ни стало любым путем выделиться чем-то из среды сверстников». И «предал страну», «стал врагом народа».

Совсем как в старые недобрые времена: «враг народа». Лаконично и значимо. А что делать, если приводить содержание названных клеветническими документов — бессмысленно, т. к. в них нет клеветы, а только тщательно проверенные факты, очевидцем или жертвой которых был обвиняемый; если в обвинительной речи прокурора преданные В. Буковским гласности факты помещения здоровых людей в спец. психиатрические больницы и условия содержания заключенных в этих больницах клеветническими назывались голословно, если контакты (в том числе и дача интервью) с иностранцами, допущенными к тому же в нашу страну именно для сбора информации, не запрещены законами нашей страны? Если приведенные в статье показания свидетеля А. и свидетелей Р.* и Т.*, которым В. Буковский предлагал записать №№ телефонов иностранных корреспондентов «для последующей передачи по этим номерам информации в зарубежные газеты» (но по словам авторов статьи и, очевидно, самих свидетелей, не уточнил, какой информации) — недостаточны для обвинения? Остается собрать все мерзкие эпитеты, известные авторам статьи, и присоединить их к имени В. Буковского, имени, которое сейчас одно из самых популярных имен в мире, поскольку исключительные честность, мужество и целеустремленность, присущие ему, не могут не восхищать людей, за благо почитающих качества такие в человеке.

Но что до этого суда и авторам статьи нечистоплотной? Человек, столкнувшись с беззаконием, не захотел молчать, и суд выносит жестокий изощренный приговор, а авторы восторженно приветствуют его. Их не волнует, что приговором своим суд прикрыл творящиеся беззакония, против которых выступал Буковский. Суд вынес приговор именем Республики!

Однако авторы не без оснований, видимо, опасались, что читатели не разделят их восторгов и в статье своей смягчили (т. е. привели не в полном виде) приговор — не указали, что по приговору судебные издержки относятся на счет В. Буковского и что два года из семи он должен отбывать в тюрьме. Нагро-

мождение всех мыслимых видов наказаний сразу, как видно, даже им излишним показалось. И хочется еще одну отметить малоприятную деталь: у авторов язык не повернулся напомнить читателям, как обычно в подобных статьях делается, что суд наш истинно гуманный.

Но это действительно очень мелкая деталь. Не деталь даже, а так — нюансик. В целом статья выдержана в традициях, испытанных временем; читаешь ее и всплывают в памяти слова бывшей очень популярной, в свое время, песни: «И смотрит с улыбкою Сталин, советский простой человек». Воистину: «Все течет и помаленьку возвращается»!

Вот, пожалуй, и все, что хотелось нам сказать по поводу статьи в газете, с пометкою: «Из зала суда».

*Сергей Ходорович, Крым,
с. Малый Маяк, ул. Морская, д. 2.*

(Будучи во время отпуска в Москве, 5-ое января провел в здании, где проходил суд над В. Буковским.)

*Татьяна Ходорович, Москва,
И-41, проспект Мира, д. 68, кв. 156.*

Письмо в редакцию «Таймс»

Сэр,

Возможно, что каждый из нас, с визой в руках, скоро поднимется по трапу самолета и покинет пределы России. Накануне таких перемен в нашей жизни наш внутренний долг — выразить наше отношение к происходящему.

На русское море, с его недавним общественным бурлением, начинает опускаться тишина. На смену прилива прошлого високосного года, с его бурями и трагедиями, этот високосный год приносит отлив, вызывающий апатию, усталость и необходимость переоценки ценностей. Увенчанные славой — Андрей Синявский, Юлий Даниэль, Лариса Богораз, Константин Бабицкий, Александр Гинзбург, Наталья Горбаневская — возвращаются из своего заключения и, может быть, не смогут сразу понять, что происходит с тем обществом, на алтарь которого они не раз приносили свои священные дары.

Возвращая некоторых людей обществу, власти неумолимо преследуют других, все вспышки — возможные очаги волнений —

* Имеются в виду Тарасов и Бычков. — Р е д.

неминуемо затаптываются. Подогревается новая кампания против Солженицына. Академику Сахарову перестали милостиво разрешать присутствовать при судебных разбирательствах. Спешно сорвали все регалии с Галича, который прикован к постели в результате нового сердечного припадка, серьезно угрожающего его жизни. Суровая опала грозит талантливейшему автору — Максиму.

В то же время, в Черняховской психиатрической лечебнице умирает, буквально умирает, генерал Григоренко. Благородный Анатолий Левитин-Краснов сколачивает ящики в трудовом лагере для уголовников в Смоленске. Андрей Амальрик замерзает где-то за Магаданом. Илья Габай и Павел Литвинов считают дни, оставшиеся до того, как их выпустят на «свободу». Матери Владимира Буковского обещали встречу с сыном во Владимирской тюрьме, к заключению в которой он вновь приговорен, — бросая этим живой упрек всем нам. А из следовательских кабинетов в Лефортовской тюрьме, куда вызывается десяток новых кандидатов в мученики, звучит упорная, страшная угроза, что Петр Якир, представший перед миром как человек, которого не сломили сталинские репрессии, «плохо кончит».

Образованные люди, которых в обиходе принято считать интеллигенцией, осторожно хранят молчание, в глубине души надеясь, что опасность их минует. И это в то время, как одних сажают в тюрьмы, других — насилуют и лишают чести, а третьих — буквально выставляют за пределы страны. В дни, когда свыше пришел приказ закрыть «Хронику текущих событий», в течение четырех лет беспристрастно регистрировавшую беззакония, надо молить Бога, чтобы это — совершенно понятное — молчание интеллигенции в будущем не обратилось против неё.

Моральные побуждения заставляют нас выразить свою солидарность с жертвами последних репрессий и наше самое глубокое беспокойство по поводу угрожающего поворота руля во внутренней политике. Мы оставляем здесь, вместе с нашими друзьями, часть наших сердец.

Юрий ГЛАЗОВ
Юрий ШТЕЙН
Юрий ТИТОВ
Александр ВОЛЬПИН
Владимир ГЕРШОВИЧ

Москва

● ХРОНИКА ВАЖНЕЙШИХ СОБЫТИЙ

16. 2 — Чрезвычайная сессия Всеобщего национального конгресса Арабского социалистического союза, правящей партии Египта (по 19. 2).

18. 2 — Дало присягу новое, однопартийное итальянское правительство (из христианских демократов) премьер-министра Джулио Андреотти.

19. 2 — Урегулирован социальный конфликт в угольной промышленности Англии. — Установлены дипломатические отношения между Японией и Монголией.

21. 2 — Визит президента США Никсона в КНР (по 28. 2).

23. 2 — Образовано новое, социал-демократическое правительство Финляндии во главе с Р. Паасио. — С Луны к Земле стартовала ракета с возвращаемым аппаратом автоматической станции «Луна-20» (аппарат приземлился 25. 2).

25. 2 — Развернутые операции израильских войск против арабских партизан в южном Ливане (по 28. 2).

26. 2 — Поражение в сенате и отставка итальянского правительства Андреотти.

27. 2 — Соглашение в Аддис-Абебе между суданским правительством и южносуданскими повстанцами об автономии Южного Судана.

28. 2 — Итальянский президент Леоне распустил парламент и назначил новые выборы. — В Сан-Хосе (Калифорния) начался суд над американской коммунисткой-негритянкой Анджелой Дэвис.

29. 2 — В Женеве возобновил работу Комитет по разоружению.

1. 3 — Визит в СССР премьер-министра республики Бангладеш Муджибура Рахмана (по 5. 3). — Референдумом утверждена новая конституция Марокко.

3. 3 — В США запущена к Юпитеру автоматическая космическая станция, «Пионер-10».

4. 3 — Взрыв бомбы, подложенной террористами, в одном из ресторанов Белфаста (Северная Ирландия): две женщины убиты, 136 человек ранено (включая многих детей).

5. 3 — Генерал Ж. Б. Бокасса объявлен «пожизненным президентом» Центрально-Африканской Республики.

6. 3 — Поездка Генерального секретаря ООН Вальдхайма в Южно-Африканскую Республику по делу о подмандатной территории Намибии (по 10. 3).

9. 3 — Группа ирландских террористов подорвалась на собственной взрывчатке: трое убитых, четверо раненых.

10. 3 — Маршал Лон Нол объявлен президентом Камбоджи, парламент распущен.

11. 3 — В Вашингтоне объявлено, что Париж избран пунктом регулярных контактов между послами США и КНР.

12. 3 — Закончился отвод индийских войск с территории республики Бангладеш.

13. 3 — Первая встреча послов США и КНР в Париже. — XIII съезд Итальянской компартии в Милане (по 17. 3): Энрико Берлингуэр избран генеральным секретарем, Луиджи Лонго — председателем партии.

15. 3 — Иорданский король Хусейн огласил план создания «Объединенного арабского королевства» как федерации из Иордании и арабской Палестины.

● ДЕЛО ШАЛАМОВА

Не тот почерк

На опубликованное в «Литературной газете» «Письмо в редакцию Варлама Шаламова» мы послали туда же свой ответ, «Литературной газетой», конечно, не напечатанный. Кроме того, мы получили для опубликования два письма — одно от друга Варлама Шаламова, а другое от его почитателя. Мы публикуем ниже все эти документы для сведения наших читателей, а также в надежде, что увидит этот материал и сам Варлам Шаламов. Можно было бы воздержаться от дальнейших комментариев. Но встает вопрос: почему понадобилась публикация протеста и всей связанной с ним дезинформации именно сегодня, через пять лет после опубликования рассказов Варлама Шаламова в «Посеве»? Ясно, что это — один из элементов общей кампании нажима на писателей, попытка лишить их отвоєванного уже права печататься в Самиздате и за границей. Мы знаем о кампании против Солженицына и Галича, слышим о давлении на Максимова. Мы утверждаем: когда поддается давлению один, положение других становится более трудным. Из-за этого мы верим, что прав «Бродячий актер», кончающий свое письмо словами: «Прощай, Варлам! А, может быть, еще — до свидания?» — Р е д.

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Мне стало известно, что издающийся в Западной Германии антисоветский журнальчик на русском языке «Посев», а также антисоветский эмигрантский «Новый журнал» в Нью-Йорке решили воспользоваться моим честным именем советского писателя и советского гражданина и публикуют в своих клеветнических изданиях мои «Колымские рассказы».

Считаю необходимым заявить, что я никогда не вступал в сотрудничество с антисоветским журналом «Посев» или «Новым журналом», а также и с другими зарубежными изданиями, ведущими постыдную антисоветскую деятельность.

Никаких рукописей я им не предоставлял, ни в какие контакты не вступал и, разумеется, вступать не собираюсь.

Я — честный советский писатель. Инвалидность моя не дает мне возможности принимать активное участие в общественной деятельности.

Я — честный советский гражданин, хорошо отдающий себе отчет в значении XX съезда Коммунистической партии в моей личной жизни и в жизни своей страны.

Подлый способ публикации, применяемый редакцией этих зловонных журнальчиков — по рассказу два в номере — имеет целью создать впечатление, что я — их постоянный сотрудник.

Эта омерзительная змеиная практика господ из «Посева» и «Нового журнала» требует бича, клейма.

Я отдаю себе полный отчет в том, какие грязные цели преследуют подобными издательскими маневрами господа из «Посева» и их так же хорошо известные хозяева. Многолетняя антисоветская практика журнала «Посев» и его издателей имеет совершенно ясное объяснение.

Эти господа, пышущие ненавистью к нашей великой стране, ее народу, ее литературе, идут на любую провокацию, на любой шантаж, на любую клевету, чтобы опорочить, запятнать любое имя.

И в прошлые годы, и сейчас «Посев» был, есть и остается изданием, глубоко враждебным нашему строю, нашему народу.

Ни один уважающий себя советский писатель не уронит своего достоинства, не запятнает чести публикацией в этом зловонном антисоветском листке своих произведений.

Все сказанное относится к любым другим белогвардейским изданиям за границей.

Зачем же им понадобился я в свои шестьдесят пять лет?

Проблематика «Колымских рассказов» давно снята жизнью, и представлять меня миру в роли подпольного антисоветчика, «внутреннего эмигранта» господам из «Посева» и «Нового журнала» и их хозяевам не удастся!

С уважением

Варлам ШАЛАМОВ

Москва

15 февраля 1972 года

ОТВЕТ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЕ»

Гражданин редактор!

В выпуске от 23 февраля Вы напечатали письмо в редакцию, под которым поставлена подпись Варлама Шаламова.

Принимая во внимание, что редактируемый мною журнал упоминается в этом письме семь раз, Вам следует напечатать мои поправки к нему.

Автор письма утверждает, что знаком с «Посевом» уже многие годы, так как говорит, что «и в прошлые годы, и сейчас «Посев» был, есть и остается изданием, глубоко враждебным нашему строю, нашему народу».

Я не собираюсь ввязываться в споры об отношении «Посева» к строю и народу, а также об отношении, которое он встречает в стране. Но если автор письма действительно уже давно и хорошо знаком с «Посевом», то он должен был заметить, что рассказы Варлама Шаламова мы печатали всего один-единственный раз, в выпуске от 7 января 1967 года («Почерк» и «Калигула»). Он заметил бы тогда, что мы печатали рассказы с оговоркой, что получили их из страны, где они ходят в списках по рукам.

Таким образом, это выдумка автора письма, будто мы печатали «по рассказу-два в номере», чтобы «создать у читателя впечатление, что я (подразумевается Варлам Шаламов. — Л. Р.) их постоянный сотрудник».

Рассказы Шаламова печатал также литературный журнал «Грани», выходящий в нашем издательстве. Тут в двух выпусках — в июле и октябре 1970 года — было напечатано 15 рассказов, причем опять-

таки редакция подчеркнула, что рассказы «распространяются почитателями его таланта в списках» и таким образом попадают за границу.

Первый напечатанный нами рассказ Варлама Шаламова (а таким образом и вообще первый напечатанный его рассказ, ибо в России его проза не печатается) назывался «Почерк». И мы обратили внимание именно на почерк, опубликованного Вами «письма в редакцию», под которым стоит подпись Варлама Шаламова. Необходимо отметить, что почерк этот совсем не тот!

Лев Рар,

главный редактор «Посева»

Франкфурт/Майн,
8 марта 1972 года

ПОСЛЕДНИЙ СТРАШНЫЙ РАССКАЗ

Письмо в редакцию «Посева»

Шаламов страшный писатель. Вот уж, действительно, жестокий талант. Его «Колымские рассказы» — это жуткий парад лагерных доходяг: цинготники, дистрофики, калеки, обезумевшие от голода и холода, теряющие последние силы в борьбе за свое жалкое существование. А над ними — свирепое лагерное начальство и безучастные паразиты: «вольняжки». Именно такой была жизнь политзаключенных на Колыме в конце тридцатых годов.

Прииски, лесозаготовки, лагерные больницы, «исторические» персонажи вроде доктора Доктора, сцены звериной беспощадности — всё это изображено Шаламовым потрясающе. Прошедший в те же годы все круги колымского ада, свидетельствую: в этих кошмарных рассказах — всё правда. Эта же лагерная правда у Солженицына как-то выше, светлей. Ну, что ж! Шаламову не привелось побывать в круге первом. У него такой угол зрения. И всё же, как бытописатель советских концлагерей, Варлам Шаламов идёт сразу за нашим живым классиком. Конечно, от одного до другого дистанция огромного размера, но между ними поставить некого. Е. Гинзбург и А. Марченко это всё же «хроника» и «показание». Л. Гроссман тоже стоит особняком. Он пишет о лагерях удивительно верно, а всё же чувствуется, что — с чужих слов.

О достоверности описаний Шаламова сужу уже по тому, как он изобразил в рассказе «Эсперанто» моё с ним знакомство за кулисами лагерного театра. В основном всё верно. Всё правда.

Но вот, в днях, я прочел в «Литературной газете» последний страшный рассказ Шаламова — «письмо в редакцию»: я — честный советский гражданин, я — честный советский писатель... антисоветский журнальчик «Посев» публикует в своем клеветническом издании мои «Колымские рассказы»... Зловонный антисоветский листок... Господа из «Посева» и их хозяева, пышущие ненавистью к нашему народу, и так далее и тому подобное.

Автор этого письма — личный друг Варлама Шаламова. Если Шаламов прочтет это письмо — он узнает автора. Узнает — по когтям — и КГБ. Особые соображения, однако, не дают возможности раскрыть его псевдоним и для читателей журнала. — Ред.

Я ахнул. — Да что это ему (опять!) пальцы двумя прищемили? Ни один писатель Самиздата — коль скоро его не печатают дома — не «отмежевываясь» от своих произведений, появившихся в Тамиздате «без ведома и согласия автора».

Явно ощущается все же, что Шаламов только соавтор этого письма. Небось, махнул своей костлявой, дрожащей рукой: Э! чем хуже, тем лучше... Люди поймут и простят меня шестидесятипятилетнего инвалида. Неужели не почувствуют, что этот «протест» у меня вырвали?

Со временем станет известно, как добились своего организаторы этого письма. Наверно, действовали пряником, а больше — кнутом. Могли так или иначе сыграть на близких людях старика. Это они умеют... А, может быть, приложил руку лунцеподобный врач-палач...

Самое чудовищное в этом самоотречении писателя — утверждение, будто «проблематика «Колымских рассказов» давно снята жизнью». Ох, если бы! А что скажут Марченко, Буковский и тысячи других политзаключенных? Восемь лет назад Леонид Леонов предрёк, что у нас о лагерях будут писать еще лет восемьдесят. Да, писать будут. Надо писать.

Литературные надзиратели остановили перо Шаламова. Но он навсегда останется в истории русской литературы, как автор жутких рассказов о «нашей счастливой эпохе».

Прощай, Варлам!

А, может быть, еще — до свидания?

Бродячий актёр

9. 3. 1972 г.

ПОД ПИСЬМОМ СТОИТ ВАША ПОДПИСЬ

Открытое письмо Варламу Шаламову

Варлам Тихонович!

Трудно поверить, что Вы могли написать подобный пасквиль или хотя бы дать согласие на его опубликование. Суконный язык, словно бы из райкинских скетчей, неуёмная злоба и беспардонная ложь с головою выдают подлинных авторов.

Достаточно упомянуть, что Ваши рассказы в «Новом журнале» сопровождались специальным примечанием о том, что печатаются они без ведома и согласия автора, а «Посев» (тоже с упоминанием: «получены нами из России... ходят в списках по стране») напечатал только два Ваших рассказа в одном номере, да и то пять лет тому назад.

Замысел кагебистской провокации по отношению к Вам прост: показать, что поэт Шаламов, «человек трудной судьбы», потерявший здоровье и годы жизни в сталинских лагерях, не в пример иным «упрямым» собратьям по перу, дорожит своей честью советского писателя и гневно клеймит проишки закордонных идеологических диверсантов. Или, говоря поглубже и попроще: показать, что Шаламов ссучился.

Я уверен, что провокация была осуществлена без Вашего ведома. Но под письмом в «Литературной газете» стоит Ваша подпись. И если Вы во всеулышанье не откажетесь от приписываемой Вам подлой роли, Вы перечеркнете всю Вашу жизнь поэта и человека.

Вспомните Ваши гордые строки:

«Меня застрелят на границе,
Границе совести моей,
И кровь моя зальет страницы,
Что так тревожили друзей».

Увы! КГБ уготовил Вам куда более прозаическую роль стукача. И всего-то от Вас ожидают маленькой бескровной сделки с совестью. Вам достаточно просто промолчать.

Но как расценят Ваше молчание Ваши друзья и читатели? Как посмотрите Вы в глаза Надежде Яковлевне Мандельштам, которой посвятили стихотворение, и что скажет Александр Галич, посвятивший Вам одну из лучших своих песен?

Как будущий историк русской литературы объяснит, что одна и та же подпись стоит под фразой «Проблематика «Колымских рассказов» давно снята жизнью...» и стихотворением:

Стихи — это стигматы,
Чужих страданий след,
Свидетельство расплаты
За всех людей, поэт.

Искать спасенья будут
Или поверят в рай,
Простят или забудут...
А ты — не забывай.

Ты должен вечно видеть
Чужих страданий свет,
Любить и ненавидеть
За всех людей, поэт.

Ну, а если Вы все же промолчите? В конце концов Вам 65 лет, Вы — инвалид. После всего пережитого нелегко рисковать немногими оставшимися годами спокойствия. Кто решится бросить в Вас камень?

Но Вы-то знаете, что в полдень 25 августа 1968 года вышли на Красную площадь семь человек. Семеро из многих миллионов.

Но рядом с Вами живет академик Сахаров, презревший покой и почести, ставший адвокатом рабов, героев и молчаливых.

Но из психотюрем и спецлагерей доходят до нас голоса Буковского, Григоренко, Галанскова...

В борьбе за свободу надо знать самому (и чтоб другие знали!), на чьей стороне находишься.

Для совести алиби не существует, как не существует скидок на старость и инвалидность. Право выбора позиции сегодня — моральный долг. По крайней мере для тех, кто понимает, что это не отвлеченный вопрос, а насущная потребность. Вы понимаете. Вы сказали в замечательном стихотворении об Аввакуме:

Наш спор — не церковный
О возрасте книг,
Наш спор — не духовный
О пользе вериг.

Наш спор — о свободе,
О праве дышать,
О воле Господней
Вязать и решать.

Каждое малое действие (и бездействие!) любого из нас ложится сегодня на ту или иную чашу весов. Когда больного Твардовского уговаривали ехать в Калугу вызволять из психобольницы Жореса Медведева, ему ехать не хотелось. Позже он рассказывал: «Но я вспомнил библейское: «Если не я, то кто же, и если не сейчас, то когда же?» — и мои сомнения отпали».

Если не сейчас, то когда же?

С. Горянов

12. 3. 1972 г.

С комментариями и без них

ВИКТОР ФАЙНБЕРГ И ВЛАДИМИР БОРИСОВ в первых числах марта переведены из Ленинградской психотюрьмы на Арсенальной в Институт имени Сербского в Москве для переосвидетельствования. Как сообщают из Москвы, они согласились прервать свою голодовку по настоянию родственников, которым за это и было обещано их переосвидетельствование. Как мы сообщали в прошлом выпуске «Посева» («Виктор Файнберг стоит насмерть»), Виктор Файнберг пытался покончить жизнь самоубийством. По полученным теперь сведениям, свою демонстрацию они начали 26 декабря, а не 10 (как мы сообщали), когда они заявили, что начнут снова

голодовку, если их дело не будет пересмотрено в течение двух недель.

Перевод с Арсенальной в Институт имени Сербского — еще не победа. Борьба за Файнберга и Борисова должна продолжаться. Столь же необходимо требовать, чтобы наконец доставили в Москву и генерала Григоренко.

ОСУДЯТ ЛИ СПЕЦПСИХОБОЛЬНИЦЫ американские психиатры? В начале мая в Далласе состоится конгресс Американской психиатрической ассоциации, на котором группа молодых американских психиатров во главе с Ричардом Грином (Глен Окс, штат Нью-Йорк) сделает еще одну попытку добиться

публичного осуждения советской практики преследования инакомыслящих в спецпсихобольницах американской ассоциацией.

В распоряжении Грина документация Буковского и другие документы, в частности, список 33-х советских психиатров, занимающихся «полицейской психиатрией» в 22-х психиатрических больницах.

Группу Грина активно поддерживает известный левый журналист И. Ф. Стон, выдержки из статьи которого в «Нью-Йорк ревью оф букс» мы даем в разделе «Из иностранной прессы».

КАГЕБИСТСКОЕ ТОЛКОВАНИЕ ДЕЛА СОЛЖЕНИЦЫНА попробовал просунуть в западную печать редактор «Литературной газеты» Чаковский, дав интервью обществу бельгийско-советской дружбы в Брюсселе. Кроме бюллетеня общества никто, однако, его словами не заинтересовался.

Чаковский утверждал, что Солженицын беспрепятственно может съездить в Стокгольм для получения премии, что Солженицын сам превратил литературу в «полицейское приключение», написав письмо четвертому съезду писателей. Хотя это письмо поддержало более ста писателей, а изъятие рукописей у Солженицына обсуждалось на заседаниях секретариата Союза писателей СССР (см. в частности: Александр Солженицын. Собрание сочинений, т. 6, стр. 36, Изд. «Посев», 1970), Чаковский выдвигает новую, ни на каком обсуждении или следствии не упоминавшуюся версию, будто рукописи были изъяты не у знакомого Солженицына Теуша, а таможен на границе, в пакете с антисоветскими материалами, «адресованными НТС»!

Это чистейшей воды ложь — провокация, с целью приписать Солженицыну связь с политической антисоветской организацией. Продолжая клеветать, свою дальнейшую аргументацию Чаковский основывает на том, что Союз писателей-де не мог допустить печатания «Пира победителей». Однако известно, что Солженицын никогда не собирался печатать своего «Пира победителей», рукопись которого была у него выкрадена КГБ и подброшена на Запад.

НАПАДКИ НА СОЛЖЕНИЦЫНА продолжают. «Литературная газета» опубликовала 23 февраля две статьи с нападками на его «Август Четырнадцатого». При этом снова используется старый прием: статьи перепечата-

ны якобы из западной печати. На самом деле речь идет в одном случае (статья финна Мартти Ларни «Когда историю ставят в угол») о маленькой шведской коммунистической газетенке «Норшенфламман», а в другом (статья Марины Штюц «В кривом зеркале») — о совершенно неизвестной в Западной Германии, тоже коммунистической, «Дойче фольксцайтунг».

ВЛАДИМИРУ МАКСИМОВУ ГРОЗИТ СУД — сообщают западные газеты по данным из кругов освободительного движения Москвы. Известно, что от автора «Семи дней творения» уже не раз требовали, чтобы он выступил с осуждением издания его романа на Западе. (По некоторым слухам, он на это ответил, что немедленно отречется от заграничного издания, как только роман выйдет в СССР!). Во время суда над Буковским Максимов (у которого Буковский работал секретарем) требовал, чтобы его вызвали в суд в качестве свидетеля. Однако, как известно, суд отклонил вызов всех свидетелей защиты, мотивируя это тем, что они — сами сумасшедшие. По поступившим теперь сведениям, Максимов в конце января подвергся освидетельствованию в Институте им. Сербского, но был признан здоровым. После этого и поползли слухи, что когда не удалось превратить его в сумасшедшего, — начали готовить против него «дело».

Принимая во внимание, что роман Максимова в этом году выходит на всех главных языках мира, можно надеяться, что Максимов стал уже достаточно известным за границей и что взять его будет трудно.

РАДИО «СВОБОДА» и радио «Свободная Европа» находятся под угрозой закрытия. Существующие с 1950 года радиостанции передают на языках народов Советского Союза («Свобода») и Восточной Европы («Свободная Европа») и играют самую существенную роль в нарушении монополии информации коммунистических властей этих стран. Примерно год тому назад, Комитет по иностранным делам при сенате США раскрыл секрет полишинеля, что станции финансировались главным образом из фондов ЦРУ, и с тех пор председатель Комитета сенатор Фулбрайт ведет непрерывную борьбу против этих станций. Комитет блокирует предложение президента Никсона создать независимую корпорацию, через которую правительство США могло бы финансировать стан-

ции. 22 февраля Фулбрайту удалось приостановить всякое финансирование, но вмешательством президента оно восстановлено до 30 июня.

За сохранение станций вступились буквально все серьезные газеты западного мира, широкие круги мировой общественности. Печатались передовые, письма в редакции, информация. Единственное замеченное нами выступление за закрытие станций — письмо в редакцию «Таймса», написанное... лондонским корреспондентом АПН Алексеевым.

«ЛЕНИН, АХ ОБМАНЩИК!» — Так названа кинокомедия, вышедшая на экраны Копенгагена. Советское посольство дважды протестовало в датском министерстве иностранных дел против этого фильма, утверждая, что он злобно искажает облик Ленина и таким образом оскорбляет советский народ. Однако в Дании, как известно, нет цензуры, и хотя датскому правительству такие трения с советским посольством, вероятно, ни к чему, у него нет никакой возможности пресечь демонстрацию фильма.

Понять, что протест бессмыслен и только привлекает внимание к фильму, советским дипломатам не дано.

«ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В СССР» называется информационный бюллетень, выходящий ежемесячно с января этого года в Бельгии, одновременно на английском и французском языках. Издает бюллетень «Международный комитет по положению меньшинств и правам человека в СССР» в Брюсселе, 28 place Flageu. Судя по первым двум номерам, бюллетень дает хорошо подобранную информацию, и его следует рекомендовать всем нуждающимся в этой информации на французском и английском языках.

В ЗАЩИТУ ВЛАДИМИРА БУКОВСКОГО

К этому номеру «Посева» подписчикам прилагается фотооткрытка В. К. Буковского с русским текстом, предназначенная для распространения среди русских за границей и в СССР.

Для распространения на Западе имеются такие же открытки с французским, английским и немецким текстами.

Желающие получить открытки для распространения на любом из этих языков могут обращаться по адресу, указанному на открытке, или выписать их через нашу редакцию.

● ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

«Возвращенцы», не повидавшие свободы

27 октября 1970 года в Турцию был уведен советский спортивно-учебный самолет, летевший из Керчи в Краснодар. На нем находились пилот, один молодой рабочий и два студента. Студенты отстранили пилота от управления, увели машину через Черное море в Синоп и там запросили у турецких властей политического убежища (см. «Посев» № 11, 1970, стр. 27).

Через 14 месяцев, 20 декабря 1971 года, как сообщило тогда американское информационное агентство Ассошиэйтед пресс из Анкары, эти студенты «по собственному желанию» вернулись в СССР. Они, мол, месяц тому назад связались с советским консульством в Стамбуле, всё там урегулировали, и вот турецкие власти отвезли их на советскую границу в районе Карса. Кстати, советское консульство, как лепетало американское агентство, искренно заверило, что хотя оба предстанут перед советским судом, но «обвинение, скорее всего, не будет слишком строгим».

Те же ягнята из Ассошиэйтед пресс поведали далее, что студенты просили разрешения уехать в США, но вот, видите ли, не дождались решения, затосковали и вернулись домой, хотя... «им не было, в принципе, отказано в переезде в США» и «не все возможности для этого были исчерпаны».

Итак, виноваты нетерпеливые беглецы. По мнению туполобых американских бюрократов, ничего не значит просидеть у турок под замком в ожидании конца канцелярской волокиты каких-нибудь тринадцать месяцев (ведь не тринадцать же лет!). И вот, очередная схватка между миром свободы и миром диктатуры за души людей проиграна с треском: целеустремленные и хитроумные политические негодяи легко и просто переиграли простодушных и благонамеренных демократических недорослей.

Как и следовало ожидать, советские коммунистические власти умно подали информацию о происшедшем, но как именно? А вот что было напечатано в газетах («Правда» 30. 12. 1971 г.):

«Сообщение ТАСС. В октябре 1970 года советские граждане Гилев Н. Ф., 1949 года рождения, и Поздеев В. М., 1950 года рождения, совершили захват и угон в Турцию пятиместного самолета Аэрофлота «Л-200». По дого-

воренности с турецкими властями Гилев и Поздеев 20 декабря с. г. возвращены в Советский Союз».

Итак, не «вернулись» (да еще «по собственному желанию»), а «возвращены» (да еще «по договоренности с властями»). Пусть весь советский народ знает, как «свободный мир» встречает безумцев, «избирающих свободу»: матроса Кудирку выдали силком, студентов «возвратили»... Кто следующий?

Американским чинушам, в таком случае, может быть, и выгоднее выглядеть такими простофилями. Но на деле это не совсем так.

3 октября прошлого года чекист Анатолий Чеботарев, числившийся при советской торговой миссии в Бельгии, явился в американское посольство и попросил убежища. И уже 7 октября он был доставлен в Вашингтон в Центральное разведывательное управление, где что-то поведал важное (а кстати, и сам осмотрелся). — Это не «простой матрос» и не «рядовые студенты», и надо полагать, что американские чиновники ковром расстилались перед «коллегой».

Коллега это оценил по достоинству и, поболтавшись по кабинетам ЦРУ и по квартирам его работников, смачно плюнул на всё и на всех: 23 декабря уехал в советское посольство, а 25 декабря сел в московский самолет «в веселом настроении» (как пишут газеты). Облапошенным чиновникам ЦРУ ничего не оставалось, как заявить, что всё поведенное им Чеботаревым теперь «подвергнется проверке».

Думается, однако, что лучше ошибиться с чекистом, чем отказывать в убежище любому избирающему свободу. И можно лишь приветствовать принятые в январе правительством США новые правила, облегчающие предоставление политического убежища.

Автоматы или космонавты

В феврале была послана на Луну советская автоматическая станция «Луна-20». Она опустилась в гористой местности лунного пейзажа, произвела бурение грунта и взяла пробы. Через двое суток с Луны к Земле отправилась ракета с возвращаемым аппаратом, который еще через двое суток приземлился с некоторым количеством лунной породы.

Как водится, никаких данных о программе работы станции заранее не сообщалось. После же завершения эксперимента в советской прессе появились описания, как приземлился

аппарат, как изъяли на каком-то заводе контейнер с грунтом, как потом отправили его в какую-то лабораторию Академии наук СССР (всё строго засекречено).

Затем появились статьи ученых (скорее пропагандные, чем научные): академика А. Михайлова «Космические руки землян» («Правда» 29. 2), академика А. Благонравова «Новый шаг вперед» («Лит. газета» 1. 3) и др. В этих статьях довольно основательно развивается мысль о том, насколько надежней и безопасней посылать в космос автоматы, а не людей, тем более что предстоит исследование далеких небесных тел (впрочем, «Правда» не удержалась и во вступлении к статье А. Михайлова отметила-таки, что «первым на космическую трассу вышел гражданин СССР Юрий Гагарин», умолчав, разумеется, о каких-то там американцах на Луне).

Эта смесь подлинно научных достижений с мелкотравчатыми «партийно-государственными соображениями» производит жалкое впечатление. Разве не общеизвестно, что на Луну давно уже летают живые люди, а к далеким планетам вместо них посылают автоматы? Посылали к Венере, к Марсу, а 3 марта американцы послали автоматическую станцию «Пионер-10» к Юпитеру за миллиард километров. Так что дилеммы тут нет.

Но удивительно другое: как это американцам удастся возить на Луну и обратно троих человек и привозить десятки килограммов разных камней (вместо выгружаемых на Луне приборов), а наши, при блестящей технике, без лишней нагрузки, перебрасывают неизвестные величины, о которых стесняются говорить и которые, по слухам из Москвы, исчисляются сотнями граммов?

Когда же, наконец, нашим ученым удастся преодолеть примитивные комплексы партийных бюрократов и выйти перед мировой научной общественностью с открытым забралом, спокойно и суверенно излагая программы и итоги космических операций?

Итоги первого года пятилетки

23 января было опубликовано Сообщение ЦСУ СССР «Об итогах выполнения Государственного плана развития народного хозяйства СССР в 1971 году».

По этому Сообщению, продукция промышленности выросла за год на 7,8%. Причем, производство средств производства выросло

на 7,7⁰%, а производство предметов потребления — на 7,9⁰%. А раз среднее получилось по середине (7,8⁰%), то выходит, будто объем обоих видов производства одинаков. В это трудно поверить: скорее всего, произведено излюбленное косыгинское манипулирование в классификации выработанного.

Продукция сельского хозяйства, по сравнению с предыдущим годом, показана в круглых 100%, то есть без прироста и ущерба. В прошлом году, сообщая итоги 1970 года, ЦСУ вообще промолчало о том, сколько же было собрано зерна. Теперь сказано: «Валовой сбор зерна в истекшем году составил 181 миллион тонн», а это значит, что и в 1970 году было примерно столько же. Так что пока «огромные капиталовложения» в сельское хозяйство, которыми похвастается Брежнев (в 1971 году они выросли на 10%), особых результатов не дают.

17 февраля Брежнев собрал при ЦК КПСС совещание первых секретарей ЦК компартий и председателей советов министров союзных республик, а 23 февраля — совещание первых секретарей обкомов и крайкомов партии, председателей советов министров АССР, председателей крайисполкомов и облисполкомов со всей РСФСР по вопросам сельского хозяйства (главным образом, насчет весеннего сева и ухода за скотом), где выступал с речами.

Речи его и весь материал совещаний не опубликованы. Но из страны сообщают, что минувшей зимой погибли многие озимые посевы на Украине и на Северном Кавказе, их пришлось пересевать. При всей новой технике, снегозадержание не сумели наладить, и чувствуется недостаток влаги. Правительство уже закупило в Канаде пшеницу на 330 млн. долларов (в полтора раза больше, чем на 1970 год — заключительный год прошлой пятилетки).

По всем данным, в этом году, как и в прошлые годы, опять будет проводиться всесоюзный аврал и городское население мобилизуют на «битву за урожай». Уборка сельскохозяйственной продукции опять потребует колоссальных затрат финансов, материальных средств и человеческих трудовых ресурсов, которых в избытке отнюдь нет.

Кстати, Сообщение ЦСУ заканчивается тем, что приводит численность населения СССР на 1. 1. 1972, которое составило 246,3 миллиона человек. За год оно выросло на 2,4 миллиона, то есть менее чем на один процент.

● ИЗ ИНОСТРАННОЙ ПРЕССЫ

«НОВЫЙ ПЕРИОД СОВЕТСКОЙ ОППОЗИЦИИ»

Статья Георгия Гейера в январском номере «Прогрессив»

В статье, посвященной развитию оппозиционного движения в СССР, автор описывает двух человек, с которыми ему удалось встретиться в Москве.

Первый — Валерий Чалидзе, тридцатидвухлетний советский физик и оппозиционер.

«Как случилось, что русский ученый заинтересовался проблемой прав человека? — спросил я этого красивого bruneta — полурусского, полугрузина, близкого сподвижника знаменитого физика и оппозиционера среди ученых — Сахарова», — пишет Гейер.

«Наука подчинена точным правилам логики, — ответил Чалидзе, — и мы почувствовали, что изучение проблемы прав человека тоже требует наличия точной логики... Все мы — члены комитета убеждены, что закон должен строго соблюдаться и не подвергаться идеологическим влияниям. Если человек подвергается гонениям за его политические убеждения, это означает, что права человека не ограждены надлежащим образом».

Далее автор переходит от частного случая «Комитета защиты прав человека» ко всему демократическому движению, которое, по его словам, приняло за последние пять лет внушительные размеры.

Один из его представителей — Петр Якир, «ставший в настоящее время лидером демократического координационного центра».

«Самое существенное, это перевоспитать самого себя и своих друзей, — сказал мне Якир однажды ночью, когда мы шли по набережной Москва-реки, — пишет Гейер. — Я патологический оптимист. Я убежден, что в течение какого-то отрезка времени наше общество преобразуется».

Почему? — спросил я. — При помощи каких методов?

«Во времена Сталина, — сказал Якир, — существовало то, что мы называли «железным занавесом». Но теперь положение изменилось. Теперь главная задача КГБ по отношению к оппозиционерам — следить за тем, чтобы информация не просачивалась из СССР на Запад...»

На нынешнем этапе истории нашей страны правительство стремится воздвигнуть фасад, который должен создать впечатление подлинной демократии и свободы печати... Прави-

тельству кажется опасным все, что рассеивает эту иллюзию».

В этом ночном разговоре Якир сравнил демократическое движение с айсбергом, только незначительная часть которого видна над водной поверхностью. Таково мнение и автора статьи. Он пишет:

«Советологи, присматривающиеся к движению, считают, что у него имеются несомненно десятки тысяч сочувствующих, преимущественно из молодежи, которые тоже хотят иметь возможность свободно читать, познавать и высказываться... Многие из оппозиционеров принадлежат к абсолютно новому типу людей, зародившемуся в Советском Союзе. Они отправляются отбывать наказание в Сибирь, затем возвращаются домой и снова вступают в ряды движения... Многие из них преисполнены радостной жертвенности, и создается впечатление, что они полностью освободились от того чувства страха, которое в прошлом парализовало русских людей».

Петр Якир, в глазах автора, тому пример.

«Мне было 14 лет, когда они меня арестовали в 1937 году, — рассказал мне Якир в ту ночь, когда мы ходили с ним по набережной, — сообщает Гейер. — Я долгое время просидел в концлагере... видел много ужасного. Много хороших и честных людей там умирало. Они гибли не потому, что совершили что-либо плохое, а из-за произвола правительства».

Вслед за этими зарисовками автор статьи переходит к описанию деятельности оппозиции. Он говорит о Самиздате, о «Хронике», о «Политическом дневнике».

«Западные наблюдатели оппозиционного движения в СССР, — пишет он, — приходят к выводу, что эти издания, несомненно, осуществляются людьми, принадлежащими к привилегированной среде и занимающими в ней крупное положение. Другим людям просто не могли бы быть известны приводимые в этих изданиях факты. Существует даже подозрение, что все это пускает в обращение сам КГБ для того, чтобы установить, кто этим чтением интересуется. Но при тщательном анализе становится ясно, что такое предположение абсурдно, так как эта литература причиняет правительству и КГБ много вреда и хлопот».

По мнению автора, можно безошибочно определить, к какой среде принадлежат оппозиционеры, занимающие в советском обществе привилегированное положение.

«Без сомнения, — пишет он, — ученые

представляют собой самую интересную и самую влиятельную группу оппозиционеров. Всего ученых в СССР около четырех сот тысяч. Согласно объективным оценкам специалистов, около 60% из числа ученых — либо оппозиционеры, либо лица, сочувствующие им. Ученые пользуются уважением, и они нужны. Их невозможно обзывать «хулиганами», поскольку они хорошо служат своей стране».

Далее автор ставит под сомнение высказывания, которые бытуют на Западе и согласно которым оппозиция обречена на неудачу и на исчезновение, так как тоталитарное государство всесильно.

«Более вероятно, — пишет он, — иной ход событий. Есть основания утверждать, что оппозиционное движение достигнет больших успехов... Якир рассказал мне, что за последние пять лет произошли значительные перемены. Прежде людей арестовывали только за то, что они стояли перед зданием суда во время политических процессов. Теперь даже ТАСС принужден давать информацию о некоторых таких процессах. Как подчеркнул Якир, многие иностранцы, воспитанные в иных традициях, не могут понять значения манифестации семи человек на Красной площади. «Но для нас этот факт был необыкновенно важен» — добавил он».

Статья И. Ф. Стона в «Нью-Йорк ревью оф букс» от 10. 2. 1972

В начале статьи автор отдает должное борцам против психиатрических больниц-тюрем: Владимиру Буковскому, братьям Медведевым.

«Они, — заявляет он, — пишут одну из великих глав истории борьбы за свободу, а их конечный успех или их конечное поражение будут иметь последствия мирового масштаба. Интеллектуалы Запада могут и должны прийти им на помощь».

Далее автор подчеркивает страшную ответственность психиатров, ставших слугами КГБ, а в частности личную ответственность Снежневского — главного организатора психиатрических тюрем и Петровского — советского министра здравоохранения. Из книги братьев Медведевых «Кто же сумасшедший?» автор цитирует строки о том, что в самом начале 1953 года, незадолго до смерти Сталина, Петровский обратился к группе молодых врачей с призывом отречься от «отживших идей» социальной роли врача и проникнуться идеалом «сталинского гуманизма».

«Никто на конгрессе в Мехико, — пишет он далее, — не был столь осведомленным в этих вопросах как сам Снежневский. Никто не мог бы лучше, чем он, оправдать Советский Союз, — если возведенные против него обвинения были в самом деле клеветой холодной войны».

Каково было на конгрессе в Мехико поведение Снежневского? Он уклонился от дискуссии по поводу брошюры на английском, испанском и французском языках (розданной семи тысячам делегатов, присутствовавшим на конгрессе), в которой были приведены заключения сорока четырех английских психиатров о специальных психолечебницах. Вместо этого в интервью, данном газете «Эксельсиор», Снежневский уклонился от ответов, касающихся заключения политических инакомыслящих в психобольницы. Он ограничился указанием на то, что не только американские психиатры, но и юристы имели возможность ознакомиться с вопросами советской психиатрии, и сослался на вышедшую в 1969 году в США книгу: «Доклад первой миссии США о душевнобольных в СССР».

«Но, — как пишет далее автор, — доклад членов службы здравоохранения нигде даже не упоминает о том, что с оппозиционерами обращаются как с душевнобольными. Визит американцев происходил в сентябре 1967 года, когда на Западе еще мало было известно об этом методе репрессирования оппозиции. С того времени сотни психически здоровых рабочих, студентов, артистов и интеллектуалов, — согласно недавним сообщениям из Москвы, — были заключены в психиатрические больницы «за несогласие с официальной доктриной».

Когда один из членов делегации посетил Институт имени Сербского, то, по всей видимости, он не имел ни малейшего представления о том, что, по сообщению оппозиционеров, именно это заведение находится в ведении КГБ.

Теперь, по мнению автора, судья Базелон, входивший в состав этой делегации, и другие ее члены обязаны в корне пересмотреть вопрос и исправить сделанные ими в 1967 году неправильные выводы».

«Судья Базелон и его коллеги, — пишет автор статьи, — обязаны перед своей совестью и во имя справедливости рассмотреть диагнозы и другие документы, полученные в Англии от Буковского, и опубликовать сделанные ими выводы».

Таким образом, в какой-то мере, по мнению

автора, может быть исправлена ошибка, совершенная на конгрессе в Мехико, где ...«бюрократический подход к делу со стороны мировой организации и американской ассоциации психиатров фактически помог советской бюрократии положить протесты под сукно. Ведь они заявили, что всемирный конгресс не располагает процедурным основанием для того, чтобы высказаться».

«Самым трагическим последствием конгресса в Мехико был жестокий приговор, вынесенный против Владимира Буковского, пославшего за границу психиатрические документы, о которых конгресс не решился высказаться», — говорит автор статьи.

«Можно еще понять, — пишет он в заключение, — что советские психиатры принуждены были в Мехико исполнять грязную работу КГБ. Иначе им вряд ли было бы разрешено снова выехать за границу, и они могли опасаться, что сами в один прекрасный день будут помещены в сумасшедшие дома... Но для психиатров свободных стран нельзя найти подобных смягчающих обстоятельств... Преступное молчание о том, что происходит в Советском Союзе, ничем не может быть оправдано, особенно теперь, когда ослабление холодной войны сопровождается усилением зажима инакомыслящих в СССР и в советском блоке в его совокупности».

● ИТАЛИЯ

Солидарность с В. К. Буковским

От собственного корреспондента «Посева»

Рим, март

В журнале «Листы» (№ 1 за 1972 г.), выходящем за рубежом под редакцией видных деятелей «пражской весны», покинувших ЧССР после оккупации 1968 года, как «журнал социалистической оппозиции», опубликовано заявление редакции под заголовком «Мы — с советской оппозицией». В нем, между прочим, говорится:

«Несомненно все еще помнят, какое моральное воодушевление вызвал у нас поступок маленькой группы советских граждан, которые осмелились устроить демонстрацию 25 августа 1968 года на Красной площади в Москве за свободу Чехословакии и против советской интервенции. Конечно, их было мало, как капля в море безразличия, но, следовательно, тем большую отвзугу они должны были проявить. Поэтому мы всем сердцем были солидарны с ними, когда они предста-

ли перед судом и опять твердо и открыто защищали свой поступок, не дав себя сломить даже осуждением на тюрьму и ссылку. Это были настоящие интернационалисты и друзья».

Затем в заявлении упоминается, что среди участников демонстрации на Красной площади была и Лариса Богораз-Даниэль, жена уже ранее осужденного писателя Юлия Даниэля. Вкратце рассказывается о судьбе обоих до их недавнего освобождения, после чего даются сведения об А. А. Амальрике, о его осуждении и о тяжелой болезни, которая постигла его в лагере. В связи с этим упоминается и о деятельности Комитета прав человека, возглавляемого видными учеными Сахаровым и Чалидзе.

Далее в редакционном заявлении говорится:

«На новом политическом процессе 5 января, — точно через год после ленинградского процесса, — московский суд приговорил советского поэта Владимира Буковского к самому длинному сроку изо всех, вынесенных за последнее время советскими судами: 7 лет лишения свободы и 5 лет ссылки, то есть всего на 12 лет жизни «вне закона». Буковский осужден за несогласие с нынешней политикой советского руководства. Конституция это допускает, но партийное руководство — не терпит».

Жестокая расправа, продолжает заявление, несомненно должна служить предостережением и устрашением для всей советской оппозиции. Десятки, сотни и тысячи ее деятелей сидят в тюрьмах и психиатрических больницах. Но они не дали себя сломить. Они продолжают свою борьбу, которая тесно связана с нашей борьбой за свободу и независимость. Ведь они борются за Советский Союз и Россию для того, чтобы он предоставил подлинную свободу и социальную справедливость своим гражданам и не угнетал другие народы.

Владимир Буковский сказал в своем последнем слове перед московским судом: «Наше общество больно страхом, который сохраняется со сталинской эпохи. Но процесс духовного выздоровления нашего общества уже начался и никто не может его остановить».

«Буковский и все его друзья и товарищи, — говорится дальше в заявлении «Листы», — которые продолжают эту борьбу и не дали себя сломить ни репрессиями, ни обещаниями, показывают всем нам пример и вливают новые силы во всех нас. В то же время они

обличают слабость тех, кто отказывается от борьбы под предлогом, что, мол, ничего сделать невозможно».

В заключение редакция «Листы» заявляет:

«Выражаем нашу искреннюю солидарность с Буковским и другими деятелями советской оппозиции и протестуем против их преследования точно так же, как протестуем против ареста Прхлика, Шабаты, Гюбля, Кинцля, Шкутины, Угля, Кубы, Мюллера, Личко, Тесаржа, Мравца и всех других жертв оккупационного режима Гусака у нас. Наша борьба — общая. Общей будет и наша победа».

Это заявление показывает, что редакция «Листы» правильно понимает задачи борьбы за права и свободу в международном масштабе. Демократические круги чехословацкой оппозиции не подменяют борьбу с оккупационным режимом борьбой с Россией и с русским народом. Они правильно понимают, что к чему, и отдают себе отчет в том, что Чехословакия не может быть свободной, пока Россия в рабстве. Такое понимание встречается не всегда и нас особенно радует. Пример «пражской весны» воодушевлял у нас многих. Подавление ростков чехословацкой свободы частями Советской армии и армий четырех стран-сателлитов вызвало в России гораздо больший отклик и большее возмущение, чем многие за границей думают.

Обвинение в «выступлении против интернациональной помощи братскому чехословацкому народу» мелькало во многих политических процессах последних трех лет. Режим, который воцарился в Москве, Праге, Варшаве, Будапеште и т. д. — один и тот же. Это интернациональная диктатура коммунизма. Она может быть побеждена только объединенными усилиями здоровых сил во всех странах, ставших ее жертвами. И это независимо от идеологических расхождений, которые неизбежно существуют между различными оппозиционными силами (например, у группы чехословацких деятелей вокруг «Листы» несколько иное, чем у нас, отношение к социализму как идее). Поэтому заявление «Листы» мы приветствуем от всего сердца.

В то же время мы хотели бы указать на некоторые неточности в заявлении «Листы», которые, однако, никак не умаляют его политического значения. Во-первых, Буковский скорее публицист и общественник, чем поэт (это в западных источниках его не по праву называли «поэтом» и «писателем»); во-вторых, неверно, что советская Конституция гарантирует какие-то права, которые попи-

● МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА

От биполярного к треугольному миру

Лев РАР

Слова о том, что восемь дней, которые президент Никсон провел с Чжоу Энь-лаем и Мао Цзэ-дуном в Китае, изменили мир, неправильны не оттого, что мир не изменился, а только оттого, что изменился он раньше — когда эта поездка была сговорена. Сама поездка была лишь внешним оформлением курса, который был уже сговорен и который мир, действительно, изменил. Она была нужна, чтобы мир поверил, что его изменили, чтобы он стал считаться с имевшим место изменением. Этому и только этому служили рукопожатия, улыбки, торжественные банкеты. Чисто теоретически, самих разговоров «на высшем уровне» могло и не быть, и вряд ли они сыграли какую-то существенную, а тем более решающую роль.

В чем же, однако, мир изменился? В самом своем существе. Из биполярного он превратился в треугольный. И произошло это не в результате приема коммунистического Китая в ООН, не в результате его признания большинством стран мира, а в результате того, что Соединенные Штаты своими действиями показали, что впредь будут строить свою политику на свершившемся факте — на треугольном состоянии мира. Ибо биполярность мира не нарушалась, пока, смотря из своего центра или полюса, каждая из двух сил видела против себя один-единственный полюс. Но в тот момент, когда из одного из полюсов видны две точки, создается треугольник. В треугольнике же, как известно из самых основ геометрии, сумма двух сторон всегда больше третьей, и полное равно-

весие создается только, когда все три стороны равны и когда ни одна из них не связана с другой, или все три тесно связаны воедино.

Ну, а так как мы далеки от предположения, что стороны треугольника равны и могут быть тесно связаны воедино, то и видим историческое изменение мира в том, что он впредь не может строиться на равновесии сил, так как достигнуть его больше невозможно.

Сказанное выше — наше понимание событий, констатация фактов, не содержащая в себе ни похвалы, ни осуждения ни одного из действующих государственных факторов и лиц, не содержащая даже нашего отношения к этим факторам, нашего удовлетворения или огорчения по поводу того, что они наступили, наших прогнозов на будущее мира и нашей страны в новой обстановке.

Цель данной статьи — во всех этих вопросах разобраться. Мы беремся за эту задачу потому, что не могли бы играть роль незаинтересованного, стороннего наблюдателя, даже если бы не были ничем больше, как жителями и гражданами нашего изменившегося мира. Мы тем паче не можем оставаться в стороне, так как наша страна волею судеб до сих пор занимала один из двух полюсов, а впредь будет одной из сторон треугольника. И факт, что лично мы — наш журнал и сгруппированные вокруг него люди — песчинка между жерновами истории, не меняет положения и не снимает с нас ответственности за наши суждения и дела. Мы — свободный русский голос, который сейчас обязан звучать.

Что же произошло и по чьей воле? Какую роль сыграли властители нашей страны? Предал ли Никсон своих союзников? Какова этическая, моральная оценка событий? Мудро или неумно поступил Никсон? Что ждет в будущем наш многострадальный мир и нашу, еще более многострадальную страну? Присутствуем ли мы при заложении основ более прочного мира на Земле, или наступит предвиденная гениальным Орвеллом эра непрекращающейся войны с непрерывно меняющейся комбинацией двух партнеров, вступающих против третьего?

Займемся же разбором этих вопросов.

раются якобы только по злой воле партийного руководства. Это заблуждение широко распространено за границей и даже среди некоторой части советских инакомыслящих. На самом деле советская Конституция, статьями 125 (которая гарантирует права и свободы «в целях укрепления социалистического строя») и 126 (которая санкционирует привилегированное положение КПСС), дает полное основание власти преследовать и подавлять любое проявление инакомыслия.

Ян ВЛОХ

*

Президент Никсон, бесспорно, — инициатор происшедших изменений мира. События раз-
вернулись по его инициативе. Это, однако, не-
значит, что он их создал. Волею своего на-
рода он поставлен на пост, на котором ему
дано решать его судьбы. Конstellляция же
послевоенного мира такова, что одновремен-
но он решает и судьбы мира. Исходя из своей
ответственности, Никсон оценил положение
так, что дальше не представлялось возмож-
ным закрывать глаза на появление в мире
третьего компонента. И он решил, что при-
знаёт наличие третьей силы как существую-
щий факт.

Разные причины побудили его к такой
оценке. Нарастание мощи коммунистического
Китая сыграло, конечно, главную роль. Но,
может быть, для принятия решения именно
сейчас, не меньшую роль играла и политика
руководителей Советского Союза. На ней при-
дется вкратце остановиться.

Не говоря о меньших или периферийных
событиях, берлинские кризисы пятидесятых
годов, а затем — в качестве апогея — кри-
зис кубинский, были, по-видимому, последни-
ми открыто провокационными попытками со-
ветских руководителей занять наиболее вы-
годное положение для «последнего и реше-
тельного боя», или, как со всё большим упор-
ством начинали верить в Кремле, для пос-
леднего и решительного ультиматума.

С тех пор руководство КПСС пришло к за-
ключению, что таким путем конечной цели не
достичь. Произошло окончательное разделе-
ние мира на сферы влияния, была выделена
безвластная или бессильная сфера «третьего
мира» и окончательно установился период
«мирного сосуществования», цель которого с
точки зрения КПСС абсолютный «статус кво»
в своей сфере (Чехословакия, Польша, окри-
ки по адресу Румынии), расчет на постепен-
ное разложение противника («жаркое лето»,
черные пантеры, ультралевые, выход де Гол-
ля из НАТО) и постепенное, «мирное» (без
атомных головок, как на Кубе) проникнове-
ние в третий мир и удаление из него против-
ника. Это вооружение (себя и союзников)
конвенциональным оружием в масштабах,
которые дадут возможность пойти на полное
запрещение (и действительный контроль это-
го запрещения) атомного оружия с тем, чтобы
обойтись без него в «последнем и решитель-
ном».

Что план этот начал давать положитель-
ные, с советской точки зрения, результаты,
можно показать на десятках примеров, и
факты, например, что мирный переход Чили
в социалистический лагерь не мог повести за
собой немедленную организацию там совет-
ских баз, равно как уход англичан с Маль-
ты не будет означать немедленного прихода
туда советского флота, свидетельствуют
только о том, что из игры изъяты прямо про-
вокационные действия. Но, как и всегда слу-
чается с советскими руководителями, — ап-
петит приходит во время еды, и, научившись
считаться с недопустимостью прямой прово-
кации, они забывают, что другая сторона пой-
дет на любые уступки, но нарушения равно-
весия допустить не сможет. А дело шло имен-
но к такому нарушению равновесия, когда
Советский Союз начал успешно осуществлять
свое «движение на Юг».

Разыгрывая всерьез (думается, однако, что
не обязательно надолго!) мирную карту в Ев-
ропе, за короткий срок создали колоссальный
военно-морской флот, который стал укреп-
ляться в первую очередь в Средиземном мо-
ре и Индийском океане. Ближневосточный
конфликт раздувался и использовался для
окончательного присутствия (не только фло-
та) в Египте, а междоусобицу в Пакистане
удалось разыграть так, что был заключен
союз с Индией. Искусно удерживая Америку
во Вьетнаме (ибо совершенно ясно, что если
бы Советский Союз этого захотел, американ-
ские войска давно были бы дома), советская
политика шла к превращению всего «третье-
го мира» в своего, скажем, «полусателлита»,
который бы постепенно вооружался и во всё
большей мере подпадал под советское влия-
ние.

Это развитие не могло не быть соответ-
ственно оценено в Вашингтоне и не сыграть су-
щественной роли при принятии решения из-
менить картину мира, введя в игру комму-
нистический Китай.

*

Но, простите, скажут нам. В ваших словах
звучит уже оправдание американской поли-
тики. А как же с предательством Тайваня и
других союзников? Как с рукопожатиями и
улыбками с угнетателями китайского народа?
Как с... Не стоит опять перечислять все контр-
доводы. Займемся лучше их разбором.

Конечно, мы не знаем, о чем говорили Ник-
сон с Чжоу Энь-лаем и Мао Цзэ-дун, но

думается нам, что никаких договоренностей за счет третьих стран они, действительно, не заключали и никого не предавали.

В биполярном мире, покуда отстраивались два противостоящие блока, можно было противопоставлять дивизии Тайваня дивизиям Индии. Так сейчас больше вопрос не стоял. Сейчас речь шла (в вопросе Тайваня) о нахождении формулы, которая, с одной стороны, сохраняла бы «статус кво» в смысле признания Тайваня китайской территорией, а с другой, обеспечила бы ему мирное существование. Вне зависимости от громких слов, Соединенные Штаты уже давным-давно не признавали Тайвань за форпост, с которого освободительные армии сделают прыжок на материковый Китай. Американский флот в Тайваньском проливе лишь формально защищал Тайвань от коммунистического Китая. На самом деле он гарантировал, что Чан Кай-ши не попытается начать освобождение материка. В Тайбэе это знали лучше, чем где бы то ни было.

Теперь Никсон зафиксировал, что взаимоотношения Пекина и Тайбэя — внутренние китайские дела, в которые другие не должны вмешиваться. Он обещал вывести американские войска с Тайваня, когда в этом районе мира создастся достаточно мирная обстановка. Желаящие могут понимать это как требование прекращения войны во Вьетнаме, но они не могут не видеть, что в первую очередь это означает требование уверенности, что за выводом войск не последуют военные действия на «внутренне-китайском» фронте — что коммунистический Китай не сделает попытки оккупировать Тайвань силой. И следует признать, что если США добьются такой уверенности, то это будет лучшей гарантией для Тайваня, чем Седьмой американский флот. Иллюзий же, что американцы разрешат и помогут Чан Кай-ши вторгнуться на материк, в Тайбэе, как мы уже сказали, давно не питали.

✱

Отсюда мы естественно переходим к вопросу о моральной, этической стороне поездки Никсона, этой «грязной сделки», как говорят и коммунисты в Москве, и антикоммунисты на Западе. Ведь факт остается фактом, что, вместо сотрудничества с приличными людьми на Тайване, президент Никсон пожимал руки нелюдям, по воле и вине которых пролилась кровь миллионов людей.

Мы сами — политики и никогда не признаем, что всякая политика — грязное дело. Мы служим делу, которое написало на своих знаменах, помимо очищения политики внутренней, ведение принципиальной и честной политики внешней. Из-за этого мы не можем отмахнуться от вопроса об этической стороне дела, говоря, что мораль и реальная политика — вещи несовместимые. Нет, мы за принципиальную политику, мы с горечью и осуждением отмечаем аморальность и беспринципность, царствующую в сорокаэтажной коробке на Ист-Ривер. Однако больше всего нас возмущает там лицемерие, разговоры о великих принципах, которые нарушаются каждый день, осуждение маленького Смита и низкопоклонство перед великаном Брежневым, делание вида, что одинаково за судьбы мира отвечают Мальта и Соединенные Штаты, Люксембург и СССР.

Чтобы очистить политику от аморальности, мало осуждать Смита или греческих полководцев и не замечать крови миллионов на поднятых руках голосующих за эти осуждения. А разница между малыми и великими, к тому же, — в ответственности перед всем миром. И пока наш мир — такой, как он есть, а не лучше, принципиального и морального подхода надо требовать как раз от тех малых, кто кроме своей деревни этой ответственности ни за что не несет.

Из старых времен во взаимоотношениях между странами сохранился термин «признание». Он имел смысл, когда Бурбонам было важно, чтобы Габсбурги признали их претензии на мадридский престол. Сегодня упомянутый уже Смит спокойно властвует в Родезии без чьего бы то ни было официального признания. Сегодня признание на самом деле означает, что одна сторона считается с тем, что другая осуществляет власть на какой-то территории. Если бы все согласились так пользоваться «признанием», то в какой-то мере политика стала бы честнее и моральнее. Тогда «признание», визит для деловых разговоров, даже рукопожатия глав государств перестали бы иметь то значение, которое им неоправданно приписывается сейчас. Тогда свободные страны могли бы заключать договоры о подлинной дружбе на принципиальных, этических основах, вне зависимости от того, с кем приходится говорить, чтобы сохранить в мире мир.

Совершенно не преуменьшая роль и число благородных поступков в политике в прошлом, мы утверждаем, что эгоизм почти всегда

играл в ней решающую роль. Знаменитые слова Ллойд Джорджа, что торговать можно и с людоедами (о которых историки спорят, были ли они действительно сказаны), — лучше чем торговля с ними и одновременное утверждение, что это недопустимо.

Никсон положил конец этому лицемерию, хотя, к сожалению, он прямо этого не сказал. Он признал факты и заявил, что будет с ними считаться. Мы воспринимаем это не как предательство высоких принципов, а как отказ от лицемерия, как шаг на пути к оздоровлению политики. Мы — за такие шаги.

Морально, с нашей точки зрения, не то, что называется красивыми словами, а то, что делается для действительной защиты мира. Эти принципы морали поездкой Никсона в Пекин нарушены не были.

*

Мы постарались уже показать, что от Никсона всерьез зависел только срок, когда признать существующий факт. Простое же откладывание решения никогда особой мудростью не блистало. Но если уж сомневаться в мудрости принятого решения, то гораздо более веско утверждение, что коммунистический Китай сделает всё от него зависящее, чтобы обмануть Соединенные Штаты, и что преследовать он будет только свои, сугубо эгоистические цели. Против этого мы спорить не станем, но выразим сомнение в том, что Никсон рассчитывал на благородство и альтруизм китайского коммунистического руководства. Думається, что расчет строился на чем-то совсем другом.

Если в биполярном мире еще можно, а иногда и нужно было полагаться хоть в какой-то мере на обещания противника, то при треугольнике (в его сегодняшнем составе) можно в гораздо большей мере, чем на добрую волю, полагаться на то, что партнеру будет выгодно выполнять взятые на себя обязательства. В большей мере потому, что, при отсутствии постоянного сговора и дружбы двух сторон, в каждом отдельном вопросе можно рассчитывать на искреннюю поддержку одной стороны против действий другой. Это, по-видимому, и есть то, что должно заменить равновесие сил, на котором держался старый, биполярный мир. Переговоры Никсона в Пекине (или, вернее, переговоры Киссинджера об организации поездки в Пекин) касались, в таком случае, только вопроса, согласен ли коммунистический Китай принять участие в политической международной игре?

За это согласие Америка заплатила признанием Китая одной из сторон треугольника.

Надо сказать, что и Мао Цзэ-дун заплатил немало за американское признание. Нас невозможно убедить, что китайский народ телом и душой поддерживает и любит свое коммунистическое руководство, своих угнетателей. В частности всё, что в этом плане демонстрировалось Никсону, свидетельствовало лишь о подчинении, но никак не о доброй воле. С другой стороны, «новая левая» на Западе, тысячи и тысячи активных студентов и другой молодежи добровольно поднимают Мао на свои знамена. Делают они это не потому, что знают как живет китайский народ, и не потому, что действительно приходят в восторг от гениальных выражений «великого кормчего» в красных книжках. Они делали это потому, что они — за бунт и против всякой системы, а Мао — в их мире — всякую систему отвергал, ни на какие сговоры ни с какими империалистами не шел, он всегда был принципиально-революционен.

Мы не случайно внезапно перешли в наших рассуждениях с настоящего времени на прошедшее. Прием Никсона Мао поставил на карту это свое положение единственного настоящего революционного вождя. И если коммунистический Китай впредь будет участвовать в политической игре, если он действительно станет стороной треугольника, то о роли Мао среди революционной молодежи можно говорить только в прошедшем времени.

Больше того, этот выход Китая на арену большой международной политики кладет конец последовательной агрессивности его руководителей. Ибо в тот момент, когда начинается сговор об одном или другом шаге, невозможно быть всегда одинаково агрессивно-революционным, придется делать уступки, когда это тактически выгодно.

*

Из сказанного до сих пор создается впечатление, что мы высоко оцениваем принятое Никсоном решение и без особого беспокойства смотрим на будущее человечества, считая, что впредь опасное равновесие между двумя будет заменено положением, при котором двое будут объединяться, чтобы одернуть зарывающегося и угрожающего миру третьего. К сожалению, дальнейшая часть нашего анализа покажет, что никакого спокойствия мы не ощущаем — ни по отношению к судьбам

мира, ни, тем паче, по отношению к судьбам нашей страны.

Мы уже говорили о том, что политика руководителей КПСС сыграла большую роль в решении США вырвать коммунистический Китай из изоляции. Но если в канун этого американского решения международное положение СССР могло вызывать у Америки оправданное беспокойство, то сразу после происшедших перемен забеспокоиться пришлось в Кремле. Успешное продвижение на Юг в новой конstellации сил потеряло и видимость угрозы. Если только на один момент представить себе противостояние сил расширенного на Юг советского блока Соединенным Штатам и Китаю вместе, то сразу выясняется, что никакой пользы от новых южных союзников — арабов и индусов — ожидать нельзя. Они становятся обузой. Их придется вооружать, учить, финансировать и всячески поддерживать, а они не отвлекут большого числа китайских дивизий и лишь кое-как будут противостоять не самим американцам, а их союзникам.

Если вспомнить крупные советские провокации пятидесятых годов, вспомнить, как, перестроившись и отказавшись от грубых приемов, всеми силами добивалось осуществления своего превосходства руководство КПСС до сих пор, то можно сомневаться в том, что оно в новой обстановке проявит сдержанность и осторожность. Искать действительных союзников, чтобы восстановить равновесие, считая Китай и Америку находящимися постоянно в другом лагере, поздно. От Европы уступками можно добиваться разоружения, но не дружбы и союза. Для создания хоть в какой-то мере благоприятной атмосферы в Японии пожалели даже части Южных Курильских островов. Вряд ли поймут брежневцы новую обстановку. Они будут пыжиться и напрягать народные силы, чтобы создавать хоть видимость равновесия там, где его быть не может.

А отсюда — плачевный вывод, что Америка будет всё чаще оказываться в одном лагере с Китаем, ибо нехватку силы наши вожди будут возмещать барабанным боем и рискованным, вызывающим поведением. Ибо можно ожидать, что выход из положения они будут искать не в попытке сближения с Соединенными Штатами, в более мягком, уступчивом и действительно миролюбивом курсе внешней (а в результате, естественно, и внутренней) политики, которая одна могла бы хоть время от времени бросать их в один

лагерь с Америкой, не в том, чтобы продемонстрировать, что и они могут играть по-новому, что и они приноровились к обстановке. Нет, с достойным лучшим применением упорством они уже пытаются прочнее сколотить свой блок (т. е. больше поджать под себя восточноевропейские страны). Эта тенденция ярко проявилась на январской конференции стран Варшавского пакта в Праге, но особенно сильно ее подчеркнула «Правда» (18 февраля). В Белграде («Политика») поговаривают о советских попытках создать новый Коммунистический интернационал.

Откуда расчет, что таким образом можно усилить свою военную мощь? Не говоря уж об Америке, и Китай для Восточной Европы — не пугало, страх перед которым заставил бы поляков, чехов, венгров, болгар и восточных немцев поддержать свои правительства, если они начнут уступать остатки своего суверенитета Москве. Чем больше давить, тем труднее будет полагаться на этих союзников.

Уже гораздо вернее расчет КПСС на то, что во внутренней политике более решительное противостояние Китаю сблизит «партию и правительство» с народом. Действительно, отношения с Китаем, по-видимому, представляют собой единственный вопрос, в котором партия и народ — едины. Конечно, не из-за идеологических расхождений КПСС и КПК резко антикитайски настроены сейчас народные массы в России. Невероятная численность китайского населения не пугала бы как раз русских, не будь в Китае тотальной коммунистической власти. Но эта власть осуществляет всё то самое худшее, что знают о своем коммунизме, о сталинизме по памяти. Резкую неприязнь вызывает коммунистический Китай, так как считают, что обращенная теперь против нас китайская сила достигнута с нашей помощью, на наши деньги, построенная на нашей технике. И наконец его боятся и, может быть, даже ненавидят, потому что ощущают, что действительная угроза существует только с его стороны, что никто, кроме Китая, войной на нас не пойдет, атомного оружия не применит, миллионов людей в атаку не бросит.

Руководство КПСС хочет пользоваться этой народной ненавистью, но опять-таки не естественным сближением с народом путем уступок, а новым зажимом, считая, что из-за китайской угрозы деться ему некуда. На мудрость брежневых и в этом вопросе рассчитывать не приходится!

*

Из коммюнике, опубликованного после поездки Никсона в Китай, видно, что одним из принципов, на котором должны зиждиться отношения в новом, треугольном мире, вместо попыток договориться по всем спорным вопросам, будет выяснение и четкое определение того, что стороны разделяет. Что Америка всерьез намерена встать на этот путь, свидетельствует второй годичный отчет о внешней политике, опубликованный и представленный прессе американским государственным секретарем Роджерсом в начале марта. Этот шестисотстраничный документ касается в большой мере предстоящей поездки Никсона в Москву. Отмечая, что в общем напряженность между США и СССР снизилась, документ подчеркивает все различные разногласия и непонимание. Только в вопросе атомного вооружения видит Роджерс еще сохранение биполярности мира и говорит, что в этом вопросе необходимо достигнуть соглашений. От поездки президента Никсона в Москву он ждет не решения всех проблем, а именно сговора, как жить в новом мире, выяснения, в чем позиции США и СССР расходятся.

Первый советский отклик на этот документ — заявление ТАСС — не свидетельствует о том, что в Москве положение понято и принято. ТАСС сравнительно доброжелательно откликается на заверение Роджерса, что положение улучшилось, но, вместо анализа советско-американских расхождений, утверждает, что Америка продолжает стоять «на старых, нереалистичных позициях».

*

Таким образом, мы приходим к выводу, что Америка признала изменение состояния мира и будет соответственно вести свою политику. Новый, третий партнер, — коммунистический Китай, — будет (конечно, в своих интересах) делать примерно то же. Поездка Никсона в Китай положила основы для этого нового развития. Его поездка в Москву задумана для укрепления этих основ. В Москве Никсон хочет сблизить ряд позиций и, главное, выявить, в чем разногласия. В результате такого решения стало бы ясно, в каких вопросах США блокируется с Китаем, а в каких — с СССР.

Не выглядит, что руководство КПСС на это пойдет. Создается впечатление, что, ос-

таваясь «на старых, нереалистичных позициях», оно будет стремиться к достижению равновесия с США и Китаем вместе, будет упорно загонять их в один лагерь, к чему Америка, по нашему убеждению, не стремится.

Такое положение грозит трагедией. Но еще большей трагедией грозит оно оттого, что мы не видим в Америке признаков понимания величины грозящей трагедии. Судя по сегодняшним впечатлениям, в Америке видят и на этом пути, как и на старом, угрозу войны. Но отвести ее хотят только расчетом на большую силу двух сторон треугольника. Незаметно, чтобы в Америке отдавали себе отчет в невероятном, не подлежащем никакому математическому учету росте силы Советского Союза в случае, если его угнетенный народ всецело поддержит свое, хотя и коммунистическое, правительство. Вооруженное же противостояние СССР коммунистическому Китаю, несмотря ни на какие симпатии населения нашей страны к Америке, именно к этому и поведет.

Может быть, беспокоиться еще рано. Америка, по нашей оценке, к союзу с Китаем не стремится, и натолкнуть ее на этот союз могут только бездарные брежневцы. Но много шансов за то, что они ее натолкнут.

*

Мы не беспросветные пессимисты и видим выход из угрожающего положения. Путь к этому выходу труден и сложен. В заключение к этой статье мы можем его только наметить.

Когда мы говорили о моральной стороне вопроса и отмечали начавшееся оздоровление политики в результате снятия личины моральности, мы говорили, что свободные страны могут заключать договоры о подлинной дружбе на принципиальных, этических основах. Это, однако, касается только, или почти только, стран свободных, неугнетенных. Но в нашем современном мире, наряду с правительствами великих держав, есть еще одна мощная, всё время растущая сила. Это — общественное мнение. Оно может и должно противостоять правительствам — не в плане срыва их деловых отношений с тоталитарными правительствами, а в плане такой поддержки угнетенных народов, которая положит основы подлинной дружбы между народами и заставит даже самые тоталитарные правительства действовать осмотрительно.

● НОРВЕГИЯ

Об активном отношении к СССР

ПОЗИЦИЯ НОРВЕЖСКИХ МОЛОДЫХ КОНСЕРВАТОРОВ

Ханс Хенрик РАММ

Автор этой статьи — второй вице-председатель Центрального правления норвежской организации Молодые консерваторы, самой крупной в Норвегии молодежной организации, насчитывающей около сорока тысяч членов. Эта организация состоит при Консервативной партии, которая вместе с тремя малыми партиями составляла правительство страны с 1965 года по март 1971 года. Коалиция распалась из-за того, что одна из малых партий голосовала против вступления Норвегии в сообщество европейского Общего рынка. Организация Молодые консерваторы состоит из 20 областных и примерно 200 местных организаций.

Х. Рамму 22 года. Ранее он участвовал в работе Норвежского комитета СМОГ. 16 января 1970 года он демонстрировал в Афинах в защиту арестованного тогда Теодоракиса, был задержан и выслан из Греции.

В этой статье он обсуждает возможность активной поддержки освободительного движения в нашей стране Молодыми консерваторами Норвегии и подчеркивает общность между идеалами норвежского консерватизма и русского солидаризма. — Р е д.

С усилением деятельности демократов в России и постепенным ознакомлением с этой деятельностью Запада увеличивается и интерес норвежцев к судьбе русского народа. Даже традиционно левые газеты и организации протестовали (хотя иногда и не очень решительно) против преследований инакомыслящих в СССР тайной полицией. Некоторые неполитические объединения — например, объединение психиатров Норвегии — начали проявлять интерес ко вмешательству коммунистической диктатуры в России в их область деятельности. Однако самую решительную и активную поддержку оппозиционным силам в России оказывали Молодые консерваторы Норвегии. Консерваторы заинтересовались советскими делами раньше большинства других политических кругов Норвегии, но и интерес их видоизменился соответственно с поразительными переменами в российском подполье.

В середине и конце пятидесятых годов споры об отношениях Норвегии к Советскому Союзу происходили при отсутствии каких бы то ни было данных об оппозиционных группах в России. Норвежская политика по отношению к Советскому Союзу могла тогда исходить исключительно из своих, норвежских интересов. Советский строй был для нас единственной реальностью, и слова «коммунистический» и «русский» употреблялись почти как синонимы. В то время все наши политические партии считали (а большинство считает и теперь), что советская военная мощь представляет серьезную угрозу безопасности Норвегии и что относится к Совет-

скому Союзу надо так, чтобы не вызвать советского нападения. Норвегия — член НАТО, и ее отношения с Советским Союзом должны были, естественно, согласовываться и с пожеланиями ее союзников (это действительно и по сей день).

И тогда, и в начале шестидесятых годов среди норвежцев, — в частности и консерваторов, — были разногласия по поводу того, что уменьшит опасность войны: политика ли силы, связанная с антикоммунистической линией и отгораживанием от Советского Союза, или политика задабривания и связей?

Социал-демократическое правительство тех лет считало (и считает сегодня), что контакты — личные и экономические — поведут к большему взаимопониманию и большей взаимозависимости между Востоком и Западом и сделают войну менее вероятной. Молодое поколение консерваторов бывало этим часто недовольно и иногда резко реагировало, когда официальные представители Норвегии пожимали руки и мило беседовали с людьми, которые на самом деле — жестокие диктаторы. Некоторые из нас настаивали на сокращении официальных связей и требовали решительного осуждения Норвегией советской военной угрозы и распространения советского владычества на Центральную Европу в послевоенные годы.

Но имейте в виду, это не был протест против угнетения русского народа, о котором мы знали очень мало. Такая реакция в большой мере была вызвана боязнью, что в будущем и нас ждет судьба, постигшая Центральную и Восточную Европу.

*

В 1966 году было дело Синявского и Даниэля, а затем мы узнали, что в России создались небольшие группы СМОГ и что они обратились к Западу со своим, ставшим уже историческим, призывом. Гуннар Му и несколько других молодых норвежцев — в большинстве своем консерваторы — откликнулись тогда сразу на этот призыв и создали Норвежский комитет СМОГ.

Эти события сильно повлияли на Молодых консерваторов. Узнав о существовании оппозиционных групп в России, мы начали совсем по-новому смотреть на наши взаимоотношения с Востоком.

Если до сих пор большинству представлялось, что Советский Союз населен однообразной массой более или менее агрессивно настроенных коммунистов, то теперь стало известно о том, что существует возможность (пусть малая) давить на диктатуру изнутри страны.

Я хочу подчеркнуть, что старшее поколение всех политических партий продолжает мыслить в прежних категориях и спорит только о том, усиливать ли военную мощь или стремиться к обоюдному разоружению, — для того, чтобы обеспечить европейскую безопасность и сохранить мир и благосостояние в нашей части Европы. Новый метод мышления проник главным образом в среду молодежи, хотя и среди нее есть нежелающие знать того, что происходит в России, и интресующиеся только проблемой американских негров и фашистскими режимами на южных окраинах Европы.

Я берусь утверждать, что Молодые консерваторы Норвегии опередили других в своей политике по отношению к Востоку, хотя и мы не нашли еще ответов на все сложные проблемы.

Концепция, разработанная комитетом СМОГа, а главным образом Гуннаром Му, вкратце следующая.

Наличие активных оппозиционных групп в Советском Союзе должно положить у нас конец спорам приверженцев контактов и задабривания, с одной стороны, и стоящих за сильную оборону и отгораживание — с другой. Вместо этого на вооружение должна быть взята стратегия, базирующаяся на призывах этих групп и рассчитанная на освобождение и, в конечном счете, на свободу в России. Эта стратегия не только исходит из моральной ответственности народов Запада за

свободу в России, но и предусматривает окончательное решение проблемы безопасности Европы путем ликвидации первопричины этой проблемы — коммунистической диктатуры.

Создатели этой концепции понимают, что советская оппозиция действует в очень трудных условиях. Оппозиционные группы активно стремятся к демократизации русского общества, но без моральной поддержки извне им трудно осуществить свои планы. Какую-то долю работы в этом направлении должен проделывать Запад. Русские оппозиционеры показали, что революция, к которой они стремятся, осуществляется ими мыслью и словом, а не оружием, и нам ясно, что помощь им следует оказывать, распространяя идеи и надежды на свободу. Западная Европа должна стать огромным арсеналом печатных изданий и центром связи для оппозиционных групп.

Однако доставлять эти опасные для диктатуры материалы в Советский Союз можно не при всех обстоятельствах. Исходя из этого, взаимоотношения с Советским Союзом следует перестроить так, чтобы строгий контроль связей между СССР и Западом не нарушал другие советские интересы, в первую очередь экономические. Таким образом, политика вооруженной конфронтации и отгораживания была бы серьезным препятствием на пути к поставленной цели — демократии в России. Для того, чтобы не лишиться возможности оказывать оппозиции практическую помощь, мы должны будем терпеть (и даже приветствовать) официальные сказки о «дружбе» между правительствами обеих сторон. Только так можно обеспечить увеличение торговли, туризма, посещений спортсменов, художников и артистов, рабочих групп и т. д. Эти контакты должны расширяться, чтобы и через них просачивалась помощь, которую мы хотим оказывать. В свою очередь, чем больше западных посетителей направится в Советский Союз, тем больше мы будем находить на Западе людей, готовых участвовать в нашей работе. Мы знаем, что честный турист часто возвращается из СССР в ужасе от увиденного, так как его представления о жизни там, как правило, гораздо лучше той действительности, с которой он сталкивается.

Сегодня эта концепция принята в рядах большой организации Молодые консерваторы обеими сторонами бывших спорщиков. Распространяется она и на другие политические

группы. Так, молодежная организация Христианской народной партии начала работать над политическими вопросами, поднятыми оппозицией в России. Вопросами этими занимается большая часть норвежской печати. Процесс движется еще медленно, но следует отметить, что надежды возросли в результате событий в Чехословакии перед ее оккупацией в 1968 году: возможность демократического развития при коммунистической диктатуре до этих событий многие считали нереальной.

*

Однако все это заставило нас задуматься над серьезной проблемой. Для нас ясно, что не станет, например, норвежское правительство открыто поддерживать операции организаций типа комитета СМОГ. Это привело бы к возврату холодной войны, к сокращению дипломатических и других отношений и сделало бы невозможным, несмотря на официальную защиту, дальнейшее проведение намеченных операций. Частные лица и организации, подобные комитету СМОГ, могут делать что хотят (и правительство не может остановить их), но официальные учреждения их поддерживать не должны.

Другими словами, нужно строгое деление между официальными и общественными организациями. И встает вопрос: как должны держать себя в данном случае Молодые консерваторы, как организация? Члены организации, естественно, могут сотрудничать с комитетом СМОГ, что они и делают, но как должно поступать Центральное правление организации?

Молодые консерваторы — не официальная и не частная организация. На нижних уровнях деятельность групп Молодых консерваторов в принципе трудно отличить от деятельности любых других групп людей. Однако на верхнем уровне деятельность Молодых консерваторов влияет на политику Консервативной партии и через нее на официальную государственную политику. Можно сказать, что граница между официальными ответственными политическими деятелями (которые обязаны считаться с советской реакцией) и свободными частными лицами проходит прямо посередине организационной пирамиды Молодых консерваторов.

Таким образом, мы должны считать, что местные организации могут проводить действия в поддержку демократической оппозиции в России. На самом деле — они вообще

не обязаны считаться с указаниями Центрального правления. Например, местная организация города Осло сделала немало полезной работы, о которой читатели «Посева» уже слышали. Но мы не уверены, что Центральное правление может и должно участвовать в этих делах непосредственно.

До сих пор Центральное правление ограничивалось принятием, от времени до времени, резолюций и протестов против советского угнетения инакомыслящих. На съезде 1971 года, например, была единогласно принята резолюция о поддержке демократических оппозиционных движений в Советском Союзе, а позднее мы обратились к норвежскому правительству с просьбой поднять вопрос о преследованиях при разговорах с Косыгиным. Таким образом, наша принципиальная позиция определяется совершенно ясно, но можем ли мы идти дальше и оказывать активную помощь или открыто сотрудничать, например, с НТС? Мы сомневаемся в этом. Самые «ответственные» из нас скажут, что мы должны концентрироваться на вопросах европейской безопасности и неофициально поддерживать действия СМОГ. По-видимому, так и будет наша официальная политика в ближайшее время. Можно утверждать, например, что наша деятельность, направленная на европейское единство в рамках Европейского сообщества, тоже идет на пользу оппозиционному движению в Советском Союзе.

*

Я, со своей стороны, думаю, что есть что-то, что могло бы более тесно связать нас с советской оппозицией: это признание наличия общей идеологической платформы. Большинство норвежцев, пожалуй, считает, что советская оппозиция идеологически разнообразна и даже разнородна — от монархистов до социал-демократов. И царизм, и социализм далеки от нашего образа мышления, а потому большинство норвежцев скажет, что у нас очень мало общего с советской оппозицией, за исключением активного желания покончить с коммунизмом.

Конечно, правы те, кто говорит о разнообразии оппозиции. Насколько я знаю, в оппозиции живы и царизм, и социал-демократия, и даже марксизм. Но я был глубоко поражен, когда познакомился с идеологией солидаризма, который, по моим данным, всё время расширяет круг своих сторонников. Самое поразительное заключается в том, что наш нор-

вежский современный консерватизм почти во всех важных вопросах совпадает с солидаризмом!

Как и солидаризм, наш консерватизм считает, что классовую борьбу должна заменить мирная солидарная кооперация. Главный лозунг программы Консервативной партии говорит об «обществе сотрудничества».

Солидаристы — прагматики и осуждают стремления к созданию теоретического общества, органы которого определены раз и навсегда. На той же позиции стоят и норвежские консерваторы, которые в течение долгих лет искали практических решений по любому вопросу в каждодневной работе парламента, где партийные группы на самом деле не отличаются друг от друга в основных принципах защиты демократии и свободы.

Солидаристы хотят, чтобы собственность на орудия производства принадлежала лицам, или группам лиц, которые добьются наилучших результатов — будь то частник, торговое предприятие, кооператив, местное самоуправление или само правительство. Теоретическое положение солидаристических идеологов применяется на практике в Норвегии уже много лет. В Англии сталелитейная промышленность то национализируется, то переходит снова в частные руки, в зависимости от того, какая партия находится у власти, а норвежская Консервативная партия признаёт все виды собственности. Практически на той же позиции стоит и норвежская Рабочая партия, хотя теоретически она делает больший упор на национализацию и продолжает выдвигать свои предложения о национализации, чтобы удовлетворить левое крыло партии.

Взаимоотношения труда и капитала в Норвегии установились неплохие: каждые два года происходят центральные переговоры о зарплатах, а в промежутке зарботки заморожены. Промышленная демократия быстро развивается: пока, главным образом, благодаря инициативе на местах, но вскоре это будет подкреплено законами. Принятие соответственных законов — вот где имеет место сегодня главный политический конфликт. Рабочая партия требует собраний, на которых треть голосов принадлежала бы трудящимся. Консерваторы вместо этого хотят непосредственного представительства в правлениях — для каждодневного сотрудничества, а не конфронтаций на собраниях.

Следует подчеркнуть, что норвежский консерватизм очень сильно отличается от того, что известно под этим названием в других

странах. Американские консерваторы, например, гораздо правее наших. В некоторых странах консерваторами называют даже ортодоксальных коммунистов, но это я считаю абсурдным. Я слышал, что примерно по нашему пути во внутренней политике идет австрийская консервативная партия, но точных данных об этом у меня нет. Конечно, австрийцы отличаются от нас тем, что во внешней политике придерживаются нейтралитета.

Немногие норвежцы вообще знают о солидаризме. Огромное большинство, вероятно, никогда не слышало даже этого слова из-за того, что материалы о солидаризме никогда не переводились на норвежский язык. Когда это будет сделано, то, я уверен, в среде молодых норвежских консерваторов начнутся интересные идеологические дискуссии; они, в свою очередь, поведут к более широкому пониманию современной русской оппозиционной мысли и к более ясному видению перспектив действительного европейского единства, которое сможет осуществиться, когда оппозиционные силы России освободят свою родину.

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

Самиздат * Избранное

Документальная серия

128 страниц текста. Выходит шесть раз в год

Вышел из печати Сборник № 1

Содержание:

Хроника текущих событий. Выпуск № 21
Меморандум Демократического движения
Советского Союза
Верховному совету СССР

Цена 6.00 н. м.

В США и Канаде 2.00 дол.

Готовится к печати Сборник № 2

Содержание:

Хроника текущих событий. Выпуск № 22
Брошюра В. Н. Чалидзе
«Ко мне пришел иностранец»

При заказе годовой серии —
пересылка за счет издательства

**Подписчики «ПОСЕВА» могут получать
сборники «ВОЛЬНОЕ СЛОВО»
по льготной цене**

Общая подписка с «Посевом» на год 60.00 н. м.
В США и Канаде (возд. почта) 36.00 дол.

● ПРОБЛЕМЫ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ

Образование, здравоохранение, наука и техника

Из серии «Социализм и диктатура. Причина и следствие»

А. ФЕДОСЕЕВ

ОБРАЗОВАНИЕ

В течение большей части своей жизни я был уверен в том, что СССР если не по качественным, то по количественным показателям в области образования движется очень большими шагами вперед и находится на очень высоком уровне по образованности населения. Постепенно, однако, в результате общения с людьми на работе у меня зародились сомнения: образовательный и культурный ценз трудящихся как-то находился в противоречии с моим представлением. Впечатление усилилось, когда мне пришлось организовывать на новопостроенном научно-исследовательском институте в Москве большое научно-исследовательское подразделение. Нам с заместителем нужно было подобрать около 300 человек рабочих разных специальностей. Для этого мне пришлось беседовать, примерно, с полутора-двумя тысячами кандидатов. При всем моем оптимизме я вынужден был установить, что средний культурный уровень был весьма низким. Многие имели меньше 7 классов.

Особенно чувствовалась низкая грамотность и развитие. Причем во многих случаях было явное противоречие между документом об образовании и развитием. Многие имели аттестаты об общем образовании из вечерних школ. Трудно, конечно, получать образование после рабочего дня. Образование прежде всего сказывается на языке людей, построении фраз, их содержании. Пищу для размышлений мне дали разговоры, услышанные на улице, в магазинах, в кино... Я стал специально прислушиваться, и меня поразило преобладание языка явно необразованного, малообразованного, или, скажем, малокультурного человека. Матерную ругань или матерные слова, бессмысленно вставляемые в фразы, у нас слышно ежедневно и ежечасно в любом месте. Эти слова, как правило, не появляются в результате ссоры, когда имели бы какое-то оправдание, а употребляются в обычном разговоре между друзьями или знакомыми, мирно беседующими, идя по улице.

Любопытно, что присутствие девушек лишь незначительно улучшает положение. Часто и девицы участвуют в применении матерщины.

Я не могу сказать, что родился особенным или по-особенному воспитывался, но эти, без всякого смысла применяемые грязные слова, неприятно резали ухо, и до конца жизни в СССР я к ним так и не привык. Я знаю, что многие, вполне образованные люди, подделываясь под простых людей, под рабочий класс, применяют матерщину безо всякого стеснения, нисколько не заботясь о смысле этого действия. Академик А. Н. Туполев известен и как матерщинник. Был у меня и хороший знакомый, который не мог двух фраз сказать без матерщины. Однако в этих последних случаях это имело какой-то смысл, было «искусством». То же, что приходилось слушать каждый день в жизни, представляет собой абсолютно бессмысленное чередование матерщины и обычных слов вроде: «Я пошел, ..., а она, ..., уже, ..., ушла. Оставил, ..., ей, ..., записку. Должна, ..., прийти».

Конечно, между говором и образованием не всегда можно установить прямую связь, но то, что я слышал и с чем сталкивался, заставило меня исследовать советскую статистику для выяснения — хоть прикрашенного и официального — положения с образованием. Кстати, за последние годы стали появляться статистические сборники. Из обилия обследованных справочников ограничусь уже цитированным.

Оказалось, что на 240 млн. населения СССР на 1968 год приходится:

научных работников	0,34 %
с высшим образованием	2,67 %
с полным общим образованием	6,1 %
с семиклассным и меньше (практически необразованные)	20,3 %
К этому я присчитал:	
учащихся в вузах	1,85 %
учащихся в различных школах	20,5 %
прибл. детей дошкольного возраста	10,00 %
	61,76 %

Таким образом, после 50 лет советской власти (огромный срок) около 40% населения не имеет никакого образования и не учится!

Очевидно, отсутствие в справочнике распределения населения по возрастам и «баланса образования» не случайно, но пройдет для большинства незамеченным. Я был крайне поражен, получив такой результат. Он, конечно, полностью подтвердил мои жизненные наблюдения: 7 лет школы еще недостаточно для того, чтобы быть образованным человеком. Следовательно, образованных людей в СССР меньше чем один на 10 человек. Поэтому, конечно, на улице их просто можно и не заметить. Раскрылось также вопиющее противоречие между разговорами о высшем образовании («скоро за станки встанут высокообразованные инженеры») и реальной жизнью. Прием в вузы представляет собой ничтожную цифру 0,37%, а выпуск окончивших еще меньшую — 0,2% населения СССР.

Когда эти цифры доходят до сознания, становится ясным, что и ругань, и грубость, так сильно распространенные в СССР, и низкий средний культурно-образовательный уровень рабочего класса и колхозников — прямое следствие недостаточности образования.

Так для меня провалился миф о высочайшем уровне образования в СССР. Если сопоставить число так называемых «почтовых ящиков», работающих на войну, с количеством школ и учебных заведений в той же Москве, то счет будет не в пользу последних, что теперь, конечно, и не удивляет.

Таким образом, социализм не привел и не приведет к обществу, в котором все его граждане — образованные люди (не будем говорить высокообразованные).

Эффективность (производительность труда) социализма явно недостаточна, чтобы содержать много людей, получающих образование за счет работающих.

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

Медицинское обслуживание в СССР бесплатное и составляет предмет особой гордости официальных лиц, хотя средства на это, конечно, не валятся с неба, а идут из одного и того же кармана — кармана работающих. Правда, в СССР сознательно замалчивают факт, что и в ряде капиталистических стран медицинское обслуживание тоже бесплатное. Население СССР совершенно искренне считает, что это возможно только при социализ-

ме. Поэтому для заболевших туристов устраиваются часто настоящие спектакли с бесплатной медицинской помощью.

Наша семья до революции вся лечилась у хорошего «домашнего врача» Ольшанецкого, несмотря на то, что отец был простым электромонтером, а мать — домашней хозяйкой. Это продолжалось до тридцатых годов, когда Ольшанецкого ликвидировали (расстреляли) неизвестно за что.

Из домашних разговоров у меня сохранилось впечатление, что эта медицинская помощь была весьма и весьма удовлетворительной.

В настоящее время нет врачей, как-то связанных с вашим личным здоровьем. Медицинская помощь обезличена, и вы каждый раз сталкиваетесь с новым врачом, который вас не знает и не знает особенностей вашего организма. Единственная «ниточка» — это ваша медицинская карта — история болезни, составленная из записей разных врачей, в результате ваших посещений поликлиники, к которой вы прикреплены. Как легко понять, это сразу создает атмосферу определенной безответственности в отношении заботы о вашем здоровье.

Если прием у Ольшанецкого или его визит не требовали стояния в очереди, то сейчас нужно выстоять две очереди: одну для того, чтобы записаться, другую — в приемной. Поэтому лечение сейчас связано с большими потерями времени. Кроме того, с «популярной» болезнью часто за один раз и вообще не попадешь на прием.

«Нагрузка» врачей настолько велика (до десятка и более пациентов в час), а зарплата настолько низка (приходится по совместительству работать), что у врача практически нет времени и сил достаточно хорошо ознакомиться с вашей болезнью. А что касается его интереса, то это и вообще чрезвычайно редко.

Это положение, конечно, находится в вопиющем противоречии с официальными данными о количестве врачей на 1 000 человек населения. Либо население больше, чем положено, болеет, либо, фактически, врачей меньше, чем показано, либо эти врачи не занимаются лечением (известно и такое: мне приходилось беседовать с лицами медицинской профессии (сестры), которые хотели у нас работать откатчицами, контролерами, испытателями). Очевидная причина — тяжелые условия работы: зарплата, на которую даже один человек прожить толком не может, тре-

бывательные пациенты, недостаток времени и возможностей для нормальной медицинской практики и, конечно, нервное перенапряжение. Многие медики идут в исследовательские институты. Врачами работают либо идеалисты (в общем, их не так мало), либо люди привыкшие, втянувшиеся.

«Бесплатная медицинская помощь», в результате, породила: хозрасчетные медицинские учреждения (довольно много), которые лечат за деньги, и многочисленные специальные (закрытые для обычного населения) поликлиники, которые лечат привилегированных людей. Платные медицинские учреждения пользуются очень большой популярностью (отчего бы?!), так как более внимательны к пациентам. Что касается специальных, привилегированных поликлиник, то там, конечно, медицинская помощь значительно лучше и может даже сравниваться иногда с западноевропейским уровнем обслуживания. Что касается партийно-правительственной аристократии, то у нее бывают даже личные врачи и ей обеспечивается высший уровень медицинской техники и внимания.

Я думаю, читателю понятно, что такое «бесплатная медицинская помощь», которой все, кто в состоянии, предпочитают не пользоваться. В частности, и я был прикреплен к специальной Центральной поликлинике № 1 Министерства здравоохранения РСФСР, обслуживавшей научных работников. Я не скажу, чтобы это было что-то особенное, но, конечно, ни в какое сравнение не шло с обычным.

В 1969 году у меня произошло обострение аденомы предстательной железы и волею судеб я попал на операцию в урологическую клинику знаменитого профессора Лопаткина, действительно крупного специалиста и ученого — главного уролога СССР. Эта клиника — одновременно и учебное заведение, в котором обучаются студенты 1-го Медицинского института. Она не относится к специальным закрытым медицинским учреждениям для привилегированных, но имеет, по исторически сложившимся обстоятельствам, как часть медицинского учебного института, более высококвалифицированных хирургов. Поэтому в нее, в известных случаях, может попасть каждый гражданин.

Я, конечно, мог просить направить меня в привилегированную Центральную больницу в системе моей поликлиники, но, во-первых, мне было плохо и я думал лишь о том, чтобы скорее получить помощь, а, во-вторых, я знал о знаменитом Лопаткине. И я решил

«не сопротивляться судьбе». Жизненный опыт, который я получил в результате пребывания в клинике заслуживает внимания.

Сначала мне сказали снять всю свою одежду и дали серую, невыглаженную пару белья (кальсоны и рубашку), с завязками вместо пуговиц, страшные, мышинного цвета заношенные штаны не моего размера и такую же куртку. Потом мне удалось вместо этого получить более удобный в моем состоянии халат. Халат тоже был не по размеру, тоже страшно изношен и сначала вызывал во мне чувство безглаголивости (как и все белье), но в нем было удобнее. Затем меня поместили в «палату», где стояло шесть кроватей у одной стены, шесть — у другой и еще две в проходе, всего 14. Запах в таком переполненном помещении не оставлял никакого сомнения в том, что это было урологическое отделение. Главный врач палаты (было еще два врача-практиканта) Элана Константиновна — красивая, молодая женщина (правда, с характером злобного фельдфебеля царской армии), как только входила набрасывалась на всех с бранью и требовала открыть окна и дверь в коридор (специальной вентиляции не было). Была зима, и слабые и уже простуженные больные пытались возражать, но безуспешно.

Необходимой оснастки было настолько мало, что больные покупали сами или пользовались пивными и винными бутылками, устраивали себе всякие самодельные приспособления. На всем оборудовании клиники, за исключением нескольких специальных аппаратов, лежала печать глубокой старости, изношенности, недостаточности и запущенности. Кислородный баллон, которым пользовались в тяжелых случаях, был промышленным баллоном полутора метров высоты и весом килограммов в сто, да еще, как всегда, с плохо работающим редуктором. При неосторожном обращении можно было просто задушить больного или порвать ему легкие. К тому же и обращаться с ним никто не умел и мне пришлось помогать с ним управляться.

На нашу палату и на трех докторов была одна сестра, которая работала в одну смену и грозила совсем уволиться. На весь наш коридор была еще одна сменная дежурная сестра. Больные, конечно, приучались справляться со своими затруднениями сами, так как и няня была тоже одна на весь коридор с четырьмя палатами.

Ночью сестра и няня, как правило, спали, спрятавшись в каком-либо укромном месте.

Дозваться ночью их было невозможно, так как сигнализация почти отсутствовала, да и ничему не помогала.

Когда сделали операцию, меня положили в палату на двоих. В коридоре было четыре палаты, которые обслуживались одной сестрой и няней. Ночью я сбросил с себя всю «сбрую» и во сне начал бродить по коридорам, по лестнице, пока не попал в освещенное помещение, где находилась сестра другого отделения. Она-то и вернула меня обратно.

По мере того как действие наркоза исчезало, я стал испытывать страшные боли из-за «амуниции» или «сбруи», которая в пору была бы лошадям, а не людям. Мой хирург — Элана Константиновна (не сомневаюсь, превосходный хирург) не позволяла ничем облегчить мое положение. Наконец, я уже не был в состоянии терпеть и сбросил амуницию сам (оказалось, что очень многие были вынуждены так поступать), за что и был Эланою Константиновной изруган самыми отборными ругательствами. К сожалению, этот стиль обращения с больными, как с объектами операции, а не людьми, был общим явлением и только особенно ярко проявлялся в ее поведении, от которого мне и в остальное время пришлось немало пострадать. Однажды ночью (в коридоре для послеоперационных больных) мне стало совсем плохо, и я стал звать на помощь разными способами, но безуспешно. Мои крики о помощи оставались безрезультатными, а когда больше чем через полчаса явился злобный «милосердный брат», то он пригрозил задать мне трепку, если я не угомонюсь, и ушел, не оказав помощи.

Ночью при таких обстоятельствах умер один, правда, 70-летний старик (и сам доктор). Обнаружили его мертвым только утром.

Если хирургия была в известной мере на высоте («школа Лопаткина»), то лечение после операции было совершенно неумелое. У большинства были осложнения, мало связанные с сутью операции, а в результате простуды или инфекции. Условия антисептики были настолько безобразны, что и говорить о стерильности не приходится. Вместо сушильных шкафов, как правило пользовались батареями центрального отопления. Стерилизация инструмента и материалов производилась примитивно и без должного контроля.

Нечего было удивляться, что у меня, который никогда в жизни не пользовался до

операции антибиотиками, обнаружили бактерии, уже привыкшие и не реагирующие на весь ряд имевшихся антибиотиков. Сын моего товарища, лечившийся в такой урологической клинике от болезни почек, был заражен крайне опасной болезнью Боткина (болезнь печени), по-видимому, через плохо стерилизованный шприц.

После операции я тоже подхватил инфекцию и переболел уретральной лихорадкой и затем воспалением легких. Температура была выше 40° и я уже приготовился умирать. Но, очевидно, «русский человек выздоровеет, так и так выздоровеет, а помрет, так и так помрет». И я выздоровел. Гоголя приходилось все время вспоминать. И главная причина несомненно, как и при Гоголе, одна: на каждого больного отпускается в десятки раз меньше («бесплатная помощь»), чем нужно для нормального лечения. В «кремлевских» больницах на больного отпускается почти в 100 раз больше, чем, скажем, в клинике Лопаткина или других обычных больницах. Сестры и няни получают такую мизерную зарплату (60-80 руб. в месяц), что никто не идет работать. Как и при Гоголе, взятки — как натурой, так и деньгами — поэтому широко распространены.

Я задержался на этом описании для того, чтобы было яснее, что кроется под названием «бесплатная медицинская помощь в СССР». Я почти уверен, что в капиталистических странах такую бесплатную помощь получают только нищие и бродяги.

Таким образом, эффективность (производительность труда) социализма оказывается недостаточной и для обеспечения порядочной медицинской помощи среднему человеку. Если, как я уже говорил, средства, отпускаемые на обычного и привилегированного больных, относятся как один к ста, то средняя статистическая цифра медицинского обслуживания может быть хорошо показана, особенно ловко жонглируя статистикой.

РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. НАУКА И ТЕХНИКА

Еще в начале своей жизненной карьеры я был свидетелем и даже участником технического обновления электронной промышленности (тогда она называлась электровакуумной). СССР заключил с крупнейшей и передовой фирмой США RCA договор о технической помощи. По этому договору RCA

строила в СССР ряд заводов для производства электронных ламп, радиоприемников и т. д. Кроме того, поставлялось современное оборудование, материалы, образцы, техническая документация, а наши люди обучались на предприятиях RCA. Этот договор безусловно способствовал развитию электронной промышленности и техники в СССР. Это было в тридцатых и начале сороковых годов. После этого было заключено еще много договоров с различными фирмами по всему миру, но уже значительно меньшего масштаба.

Что же мы имеем сейчас? Электронная промышленность безусловно выросла и развилась. Построено много заводов, научно-исследовательских институтов, КБ, ОКБ, СКБ и так далее. Некоторые научно-исследовательские комплексы достигают огромной величины — порядка десяти-пятнадцати тысяч работающих. По ряду электронных устройств мы находимся (в части их характеристик) на уровне современной техники и даже превышаем его. Со времени договора с RCA прошло 30 лет — срок огромный. Что, однако, является характерным?

1. Главные достижения касаются военных приборов и военной техники.

2. Ни продукция в целом, ни часть ее не могут конкурировать с продукцией внешнего мира на нормальной базе: определенные качества и количество за определенную цену. (Это, конечно, не значит, что нельзя применять демпинг).

3. Техническая база даже первоклассных, построенных в течение последнего десятилетия исследовательских институтов и заводов уже устарела.

4. Больше того, эта техническая база была уже устаревшей в самих проектах и в самом строительстве.

5. Отсутствуют механизм и организация и необходимые средства для обновления технической базы.

6. Успехи происходят там, где есть энергичные, настойчивые, изобретательные и творческие люди, не боящиеся наказаний за свою инициативу. К счастью, такие люди еще не перевелись.

Точно та же картина имеет место, насколько мне известно, и в автомобильной промышленности, и в химической, и во всех остальных. Больше того, СССР уже лишился преимуществ страны, начинающей строить промышленность заново. На ногах уже груз огромной стареющей промышленности, которую

нельзя сбросить со счетов и начать создавать современную заново.

В чем же дело? Почему промышленность СССР не может быть самой передовой в мире? Почему лозунг: «догнать и перегнать» невыполним?

Причина все та же. В консерватизме и негибкости социализма. Начну со строительства. Я участвовал в проектировании и строительстве нашего института. Я надеюсь, что читателю ясно, что я делал это со всем желанием и со всеми своими силами (ведь и работать там предстояло мне). Однако...

Здание было спроектировано без учета возможности изменений внутренних помещений. Тогда уже было известно, что надо строить, собственно, каркасы, которые можно начинать и переназначать. Но сменяемые перегородки, дверные проемы, элементы сменных разводок энергетики в СССР не производились. Они и не были предусмотрены в пятилетнем и годовых планах. Кроме того, институт строился гигантом на пять тысяч человек по государственной концепции: большие предприятия экономичнее и производительнее, и более способны к созданию сложной современной техники. Конечно, это было заблуждение, в особенности в данном конкретном случае, но заблуждение государственное. Ни я, ни мои коллеги не были самостоятельными предпринимателями и могли только подчиниться. В связи с этим здание окончательно потеряло способность легко приспосабливаться к необходимым будущим изменениям.

Чего стоила, например, необычайно громоздкая и дорогая централизованная система кондиционирования воздуха и обеспыливания, оказавшаяся впоследствии совершенно негодной. Люди в огромных закрытых помещениях задыхались и болели от недостатка кислорода. Энергетические разводки, для которых не было ничего стандартного (промышленность не производит, а Госплан не предусматривает), за исключением грубых и примитивных фитингов, на уровне техники прошлого столетия. Этот чепуховый, по сравнению со зданием, элемент внес потом страшную дезорганизацию в работу. Ни замена, ни ремонт оборудования не были возможны без остановки целых участков. Вода все время шла такая грязная, что оборудование ежедневно выходило из строя из-за засорения. Азот содержал огромные количества воды и кислорода, а сжатый воздух — минерального масла и грязи. Таким образом, и сейчас, после

колоссального труда, вложенного в отладку энергетики, ведение более или менее точных технологических процессов практически невозможно.

Валюты на оборудование было отпущено крайне мало. Нужно было размещать заказы на предприятиях внутри страны. Что же могли мы получить? С трудом были размещены заказы на менее важные, примитивные и устаревшие, но производившиеся элементы оборудования. Новое современное оборудование никто делать не брался по уже известным вам причинам. Размещались заказы под нажимом министерства с длинными и неудовлетворительными сроками исполнения и, главное, на совсем не современное, еще сырое, не отработанное конструктивно и технологически оборудование.

Главными вопросами, определяющими уровень технической базы, оказались «мелочи»: краны, регуляторы давления, печи, измерительные устройства и приборы и так далее. Это были именно те элементы, которые в Госплане записываются «чохом», на сумму стольких-то миллионов. Не может же Госплан заботиться о современности и адекватности такой «ерунды», как водяной или газовый кран, болты и гайки? И требовать этого от него, как вы понимаете, нельзя. И, тем не менее, при социалистической централизации без Госплана не обойтись.

То, что я рассказал, с теми или другими вариациями повторяется везде. Госплан не может смотреть за «мелочами», а без Госплана их не сделаешь.

Таким образом, любой не очень опытный посетитель наших новых предприятий безусловно получит большое впечатление от их внешнего вида, от вида внутренних помещений и даже от вида оборудования. Но он, конечно, не заметит тех определяющих «мелочей», о которых я говорил.

Можно вполне понять положение планирующих организаций в их явном стремлении планировать конечный продукт, а не почву, так сказать, на которой этот продукт растет. Во-первых, это много легче. Во-вторых, это именно то, что требуют управители (краны и гайки их тоже не интересуют). В-третьих, почва, на которой «растет» продукция, уж очень неопределенна и ее пропагандистски выгодно в планах никак не представишь.

Поэтому как началось 50 лет тому назад, так и сейчас делается. Строятся огромные предприятия по замкнутому циклу, как на-

туральные хозяйства. Завод радиоприемников сам же и делает большую часть деталей, и не потому, что это экономически выгодно, а потому, что нет отдельного производства этих частей. Поэтому завод прекрасно выглядит, доставляет членам правительства удовольствие при визитах и, тем не менее, он уже обречен на слишком быструю устарелость и неспособность к быстрому и экономичному обновлению. Нужны огромные вложения в развитие промышленности всяких массовых деталей, инструментов, измерителей и т. д. Нужны огромные вложения в организацию для их разработки. Нужно вкладывать огромные средства во всю сложную, разветвленную систему разработки и производства отдельных массовых элементов — кирпичиков, из которых строится, собственно говоря, вся современная техника. Однако проще и, главное, дешевле на коротких отрезках времени делать все вместе, а не по элементам. Ни один самый разумный работник Госплана не сможет добиться выделения необходимых крупных средств для чего-то, что не является конечным продуктом. А если и добьется, то для чего-то одного, создающего особенно большие неприятности в масштабе государства.

Таким образом, и в этом вопросе централизованное плановое хозяйство, органически, чрезвычайно неэкономично по сравнению с «хаотическим планированием» сотен тысяч и даже миллионов индивидуальных предпринимателей.

У знаменитого физика Шредингера есть прекрасная написанная книжка «Что такое жизнь». Он в ней говорит о целесообразности наших органов чувств. Если бы наши глаза могли реагировать на каждый квант световой энергии, а мозг соответственно действовал бы, мы не вели бы себя целесообразно. Для этого целесообразного поведения жизненно необходимо интегрировать по множеству квантовых воздействий. Это интегрирование целесообразно происходит, примерно, за 0, 1 секунды.

С другой стороны, представим себе, что интегрирование было бы еще больше и соответствовало бы одному, скажем, часу. Ездить в автомашине уже было бы невозможно: пока мы проинтегрировали бы события, произошло бы много катастроф. Не потому ли очень чувствительные люди (с малой постоянной времени) очень хаотичны и непредсказуемы, а малочувствительные — малоэффективны в своих действиях.

Так и Госплан, естественно, с очень большой постоянной времени интегрирования, приводит к хозяйственным катастрофам раньше, чем замечает их приближение.

Человеческому обществу нужна, конечно, система со значительно меньшим временем интегрирования, чем у централизованного планового хозяйства, но для социализма это неосуществимо.

Ну, а социалистическая наука? Беды ее, конечно, те же самые.

Ученый хочет исследовать, скажем, структуру глаза мухи, или, допустим, как она удерживается на потолке и не падает. Из этого исследования могут появиться новая очень широкоугольная оптика или средства хождения по вертикальным стенам. Но у него нет аппаратуры для проведения таких исследований, кроме, скажем, микроскопа или обычного электронного микроскопа. Превосходный же инструмент для этого — сканирующий электронный микроскоп, о котором ученый, конечно, знает, ему недоступен. Самое быстрое — купить у капиталистов, но один уже купили (МГУ) и на него очередь желающих на много месяцев вперед. Кроме того, раз уже один есть, нужно (согласно концепции Госплана) самим воспроизводить и пускать в производство. Организация, которая согласится взяться за разработку (копирование), конечно, с трудом найдет за большие деньги и на большой срок, но о производстве говорить уже не приходится.

Так как наука вынуждена при уже известной производимой капиталистами, современной технике пользоваться более примитивными средствами и, естественно, с более скромными результатами.

Последние годы в Академии наук и в различных организациях, включая Госплан, обсуждается вопрос, как быть с исследованиями, которые требуют всё новых и всё более сложных технических средств. Их освоение тянется годами и всегда запаздывает. В условиях централизованного планового хозяйства этот вопрос решить нельзя — велика постоянная времени.

Поэтому наша наука зависит, в основном, от изобретательности ученого, его энергии и случайных обстоятельств или, конечно, от связи с военной техникой.

Я могу, без опасения соврать, сказать, что все ученые чувствуют и знают это положение. Всем также известно, что в нашей стране очень много научных сведений или изобретений используются впервые после реализации

их производства американцами. Объясняется это просто: «американцы — они богатые». Ничего удивительного в этом нет. Изобретение, новые научные сведения больше зависят от людей и меньше от социалистического государства и стоят значительно меньше. Реализация же и широкое применение стоят всегда больших денег и невозможны без социалистического государства.

Таким образом, наука в СССР либо работает на войну и тогда с грехом пополам обеспечивается, либо влечит жалкое существование из-за недостатка средств и отсутствия «кирпичиков», из которых складывается любая исследовательская аппаратура в наше время. Фасад науки, конечно, поддерживается так, как я уже говорил о новых предприятиях.

ВОЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ТЕХНИКА

Военно-промышленный комплекс СССР — это совершенно уникальное по своим масштабам явление в мировой практике. В СССР по сути дела нет чисто гражданской, достаточно развитой промышленности. Немногочисленные предприятия гражданской промышленности, в среднем, характеризуются тремя чертами. Во-первых, усталостью и запущенностью. Во-вторых, доведенной до предела эксплуатацией работников. Скорость конвейеров, скажем, швейных предприятий такова, что выматывает человека физически и душевно до предела. Работница, например, на текстильных фабриках, работая в условиях высокой влажности и страшного шума, за день делает не менее 20 км, обслуживая много станков. В то же время зарплата на гражданских предприятиях значительно меньше, чем на военных. Наконец, в-третьих, снятием максимальных доходов в бюджет государства.

Качество гражданской продукции, как я уже говорил, отвратительное, что естественно, так как гражданская промышленность служит главным образом выкачиванию денег из населения, а не его обслуживанию. Но гражданская промышленность не справляется и с этой задачей, и тогда Госплан прибегает к быстродействующей мере — к строительству пивных и винных заводов или к увеличению программы существующих, с целью выкачать из населения недостающие миллиарды рублей. По этой же причине, как я уже говорил, приходится понуждать военные

промышленные и военные научно-исследовательские предприятия к выпуску ширпотреба, так как иначе даже бесшумное и непрерывное повышение цен на потребительские товары оказывается недостаточным и сумма потребительских товаров не покрывает в должной мере выданную населению зарплату.

Я был очень удивлен (по неопытности), когда выяснилось, что даже закупки потребительских товаров за рубежом могут быть выгодны для ограбления населения с целью обеспечения гигантской военной промышленности. А произошло вот что. Моя знакомая купила австрийские дамские высокие сапожки за 50 рублей и обнаружила в них существенный брак. В магазине, продавшем сапожки, естественно, ничего не могли сделать, так как все сапожки были очень быстро распроданы и заменить было нечем. В магазине ей, видимо, в шутку, сказали написать в Австрию и потребовать от фирмы возмещения убытков. Моя знакомая — энергичный и бойкий человек — так и сделала и получила ответ, из которого выходило, что можно послать сапожки обратно и получить за них 5 рублей (вместо 50). Так выяснилось, что на австрийских сапожках советское государство наживает около 900% прибыли.

Управители СССР идут на все, чтобы поддерживать военную промышленность, составляющую около 80 — 90% всех производственных средств. Их замысел прост: в мирное время выуживать деньги у населения за счет потребительских товаров, закупаемых у стран-сателлитов и у других стран, а в военное время — грабить население и без них, пользуясь «законами» военного времени.

Централизованное, диктаторское управление дает возможность колоссально развить военный потенциал и военную технику, несмотря даже на невысокую организационную и техническую эффективность военной промышленности. Тем более, что эта техническая эффективность все же значительно выше, чем в гражданской промышленности. Читатель легко догадается, что это возможно только в социалистическом государстве. Ни одному капиталистическому (недиктаторскому) государству такой грабёж населения и такое раздувание военного потенциала просто недоступны. Последние четверть века управители СССР, опять-таки за счет населения, стараются создать себе военные базы и

ячейки по всему миру под флагом помощи угнетенным народам. Это нужно по многим причинам: престиж; торговля оружием, необходимая для развития военной техники в СССР; желание распространить по всему миру свое влияние хотя бы военными средствами, если не удалось идеологическими и революционными; проверка военной техники в действии, как на полигонах.

Мечта о завоевании мира любыми средствами, безусловно, остается в умах главных управителей СССР, хотя, конечно, вслух об этом никто не скажет. Экономические неудачи, невозможность обеспечить высокую эффективность организации и управления — нанесли сильный удар этой мечте. Однако спросим себя, читатель, для чего же другого нужно такое раздувание военной мощи и колоссальные траты на «помощь» угнетенным? Ведь ни одна из капиталистических стран (о Китае мы не говорим) сейчас не нападает и не сможет напасть на СССР. Тем не менее, именно сейчас «военное присутствие» СССР распространяется по всему миру.

Таким образом 240-миллионный народ СССР, хотя и прикован не по своей воле к военно-промышленному комплексу, но в своей массе вкладывает в этот комплекс свои силы, знания и труд, которые, конечно, нельзя сбросить со счетов. Именно эта огромная сила (при всей неэффективности социалистического государства) поражает мир новой военной техникой и приводит в трепет наиболее чувствительных врагов и в восторг малоосведомленных друзей.

Однако колоссально раздутый военный потенциал заключает в себе самом и свою гибель. В 1917 — 19 годах победил не военный потенциал, а люди. Сейчас именно опыт социалистического государства приводит к тому, что люди — население СССР — становятся все меньше и меньше похожими на тех, кто завоевал победу в 1917 — 19 годах. Крушение социалистических идей в умах населения СССР не может быть скомпенсировано никакой военной техникой. Именно это всегда подчеркивалось (и правильно) всеми крупнейшими деятелями СССР: «воюет не техника, а солдат». Военная техника СССР представляет собой, так сказать, парадокс: с одной стороны — огромная, впечатляющая сила, а с другой — гниющая сердцевина, свидетельствующая о неэффективности социализма и в этом вопросе.

● СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

А на что нам именно социализм?

Владимир ЛАМЗДОРФ

У нас в стране все еще широко распространено мнение, что «социализм» — вещь хорошая, а «капитализм» — плохая. Причем, имеется представление, будто «социализм» существует именно у нас, в СССР, и в Восточной Европе, а «капитализм» — на Западе. Подобное мнение, конечно, чисто теоретического порядка. На практике (скажем, когда речь заходит о заграничных путевках) сравнительная оценка обеих «общественных систем» резко меняется. Но даже в этом состоянии отвлеченной теории такая идея играет известную роль: она сковывает творческие поиски российской общественности в области как раз политической теории. Внутрirosсийская оппозиция в своем программном творчестве часто пребывает еще в плену этого основного положения официальной пропаганды. Самыми известными примерами (не говоря уже о всяких группировках «истинно-ленинского» толка) являются Меморандум акад. Сахарова и «Ленинградская программа» Зорина и Алексеева. Акад. Сахаров открыто ратует за социализм¹⁾. Зорин и Алексеев осторожнее: они слова «социализм» в программной части своей статьи избегают, но зато исключают «восстановление капитализма», то есть косвенно приходят к той же защите «хорошего» социализма²⁾.

Ввиду этого, кажется, настало время серьезно задать себе вопрос: а на что нам именно социализм?

ЧТО ТАКОЕ СОЦИАЛИЗМ?

Движений, претендующих на имя «социалистическое», на Востоке и на Западе великое множество. Хотя фактически и исчезли доведенные «национал-социализмы», все-таки остаются социал-демократы, лейбористы, коммунисты, маоисты и многие другие. Каждое из них делает все возможное, чтобы представить себя публике в наиболее привлекательном свете, что сильно усложняет задачу разобраться в самой сути социализма, потому что

самоопределения социалистов, как правило, слишком торжественно-пустозвонны или слишком расплывчаты.

Нам говорят, например, что социализм — это движение за освобождение трудящихся. Но в таком случае, чего нет, это «антисоциалистов». В все политические движения желают освободить трудящихся от всякого гнета. Думаю, что нельзя найти никого столь циничного, кто хотел бы их «поработить».

Или нам повторяют, что социализм обеспечивает «всестороннее развитие личности». Опять-таки, этого добиваются все. А когда специальный термин становится применим ко всем, то отпадает всякая надобность его употреблять.

В последнее время модно — главным образом на Западе — определять социализм как «гуманизм». Этого тоже недостаточно: ни Эразм, ни Петрарка, ни Вивес, насколько известно, социалистами не были.

Наш «Философский словарь» определяет социализм как «социальный строй... основанный на общественной собственности на средства производства, существующей в двух формах — государственной (общенародной) и кооперативно-колхозной»³⁾. С Запада ему отвечают другие социалисты (тоже философы, как Б. Рассел), что государственная собственность на средства производства, сама по себе, ничего не означает: если какой-нибудь восточный деспот присвоит себе — как глава государства — все средства производства своей страны, то никакого социализма из этого все равно не получится⁴⁾.

А все-таки, несмотря на всю неразбериху с его определением, социализм узнаваем. Когда несоциалист соприкасается с социалистическими тезисами, идеями или личностями, он их, как правило, узнает даже без соответствующего ярлыка из-за основной идеи, вокруг которой они группируются. Попробуем ее определить.

¹⁾ Меморандум академика А. Сахарова. Изд. «Посев», Франкфурт, 1970. См. стр. 42.

²⁾ С. Зорин и Н. Алексеев. *Время не ждет*. Изд. «Посев», Франкфурт, 1970. См. стр. 39.

³⁾ *Философский словарь* под ред. М. М. Розенталя и П. Ф. Юдина, 2-е издание, Политиздат, М., 1968, ст. «Социализм», стр. 330-331.

⁴⁾ Б. Рассел. «Конъюнктура социализма» (пользуюсь испанским переводом, в сборнике *Elogio de la ociosidad y otros ensayos*, Nguilar, Madrid, 1953, стр. 119).

НЕМНОГО ИСТОРИИ

Оставим пока в стороне тех, которые видят «социалистов» в Платоне, в Кампанелле или в Томасе Море. Источники социализма в современном его понимании, пренебрегая второстепенными личностями, — это линия Бабёфа, Сен-Симона, Оуэна, Фурье, Бланки, Прудона, Маркса — Энгельса.

Программы четырех первых просто смешотворны: сейчас фаланстеры, кооперативные параллелограммы или новые Икарии рассматриваются скорее с психопатологической точки зрения.

Но все они считали, что общество разделено на классы, один из которых эксплуатирует и притесняет другой.

Мысль эта еще очень примитивна у Бабёфа: люди разделяются на богатых и бедных, следовательно надо отнять у первых их богатства и разделить их. Западные социалисты его считают предвестником социализма, а не настоящим социалистом. И хорошо делают. Его утверждения еще очень традиционны, но связаны только с традицией разбойников.

Единственная вещь Сен-Симона, которую сегодня еще можно читать, — его «Притча» (Parabole). В общем ее смысл таков: если вдруг исчезнут первые 3 000 фабрикантов, ремесленников и земледельцев Франции, то страну постигнет катастрофа. Но если исчезнут короли, князья, дворяне, министры, судьи, генералы и епископы вплоть до 30 000, то не произойдет ничего. Отсюда вывод: существует «бездельный класс», который эксплуатирует и притесняет «промышленный класс», то есть всех занятых в производстве материальных благ. Нет надобности особенно настаивать на алогичности и абсурдности всего этого. И несмотря на это Сен-Симона на Западе считают основателем не только социализма (Джеймс Рамсей Макдональд), но даже научной социологии (Г. Д. Гурвич).

Кульминацию этих мыслей находим у Маркса и Энгельса. История представляется им как классовая борьба, которая кончится диктатурой пролетариата, после чего наступит бесклассовое общество... Но это читателю прекрасно известно.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ КЛАССЫ

С тех пор идея «общественных классов» прошла долгий путь. Ее постоянно употребляют в социологии, и ее соответственно видоизменили. Появились новые «классы»: «сред-

ний класс», «интеллигенция» и др. Появились новые критерии различия между классами: уровень доходов, социальное положение, типичные жизненные цели, исповедуемая система ценностей и даже мнение самого субъекта о его классовой принадлежности. Это, естественно, дела не упрощает.

Но попробуем поставить самим себе вопрос: «А к какому классу я принадлежу?» «Бесклассовых» обществ пока официально нигде нет, и я не знаю, что на этот вопрос ответит читатель. Зато я сам принадлежу ко многим «классам», в зависимости от критерия, употребляемого, чтобы их различать:

— Если судить по собственности на средства производства, то я принадлежу к «пролетариату», благо средств этих у меня нет («Эрика»-то есть, но говорят умные люди, что это — «предмет потребления»).

— Если судить по происхождению, то я принадлежу к дворянству.

— Если судить по образованию, то я, с моей кандидатской степенью, принадлежу к высшему классу.

— Если судить по полю деятельности, то я принадлежу к интеллигенции.

— Если судить по профессии, то я принадлежу к чиновничеству, в подразряде университетских преподавателей.

— Но если судить по доходам, то я принадлежу (к великому сожалению) лишь к скромному «среднему классу».

— Если судить по росту, то я принадлежу к «высокому классу».

— Если судить по весу, то я принадлежу к «худому классу».

— А уж если судить по моему «классовому сознанию», то я принадлежу, в силу вышесказанного, ко всем этим «классам» вместе.

Значит ли это, что «общественные классы» вообще не существуют? Совсем наоборот. Они существуют в каждой стране в том количестве, сколько **классификаций** могут придумать ее жители. Но, конечно, они «существуют» лишь в уме того, кто занимается классификацией. «Класс» — вещь чисто умозрительная, *ens rationis*. На самом деле, в нашем мире существуют лишь индивиды, из которых классы состоят, и их объединения (нации, государства, армии, семьи, общества, союзы и пр.)

Из этого вытекает, что приписывать «общественным классам» какую-либо деятельность — не имеет смысла. Говорить, что какой-нибудь «класс» эксплуатирует другой, или господствует над другим, — это то же самое, что утверждать, что вид «кот» поедает вид

«мышь». Максимум, что можно допустить, — это что определенное лицо эксплуатирует или притесняет других, так же как определенный кот ест определенных мышей.

То же с «классовой борьбой». Классы борются лишь в уме того, кто их устанавливает. На практике существуют определенные, конкретные столкновения: между конкретным фабрикантом и его конкурентами, между конкретными рабочими и их работодателем, между конкретными покупателями и продавцом, между нанимателем квартиры и хозяином... Но ни один из этих конфликтов не необходим и не неотвратим. В других конкретных случаях они отсутствуют.

По той же причине не может быть и речи ни о каком «классовом интересе». Впрочем, «классовый интерес» в большинстве случаев совпадает с личным интересом того, кто о нем разглагольствует. И это вполне логично: «общественные классы» — произвольное творение собственной мысли. Следовательно, ничто не мешает любому политикану «создать» себе «класс», интересы которого совпадут с его личными. А тогда спокойно можно «посвятить себя его защите».

Так и у нас. Не исключено, что наши власти убеждены, будто действительно служат интересам «трудящихся классов» (или, как говорится с хрущевских времен, «всего народа», что сути дела не меняет). Только «народ» у них выходит весьма своеобразный: послушный, терпеливый, трудолюбивый, довольствующийся малым, самоотверженный, искренне преданный идеям коммунизма, но органически не способный самостоятельно мыслить, а потому нуждающийся в постоянной опеке, в руководстве и в «воспитании» со стороны «партии и правительства». Каждый же человек, у которого отсутствует любое из этих качеств, должен рассматриваться как «антинародный элемент». Ну, а раз в этом положении находится подавляющее большинство реальных граждан нашей страны, то выходит, что в Советском Союзе существует некий «антинародный» народ. Фикции и недоговорки во всей нашей официальной печати царствуют безраздельно как раз, чтобы в какой-то мере представить народ «народным».

Столь же бессмысленно ожидать возникновения «бесклассового общества». Допустим, что возможно устранить один из признаков, по которому можно делить людей на классы. Но первый умник, которому вздумается де-

лить классы по другому признаку, опять их создаст.

Класс — мысленное построение, которое не может действовать вне мышления. Реального действия — вроде свершения «пролетарской революции» — от него ждать не придется. Оттого-то абсолютно все социалисты провозглашают необходимость «воспитать» пролетариат, как условие для осуществления их программы. Иными словами: для того, чтобы «пролетариат освободился от эксплуататоров», его надо убедить в том, что они его эксплуатируют. Нет классовой борьбы, если не убедить стороны, что они должны бороться. Социалисты называют это «воспитанием». Я же говорю о подстрекательстве или провокации.

Воспитание — дело длительное, и самые нетерпеливые из социалистов, большевики Ленина, подменили в своих программах революцию, совершенную классом, революцией, совершенной партией. Партия же, действительно, — вещь реальная и ощутимая. Она — добровольный союз людей, группирующихся вокруг политической программы, в силу чего она способна организоваться, вводить в свои ряды дисциплину и эффективно действовать. Но таким образом большевизм стал «сорелизмом» скорее, чем «марксизмом».

Мы, конечно, не станем упрекать Ленина за то, что он пополнил пробелы марксизма крупинками из Сореля. Об этом приходится только сожалеть. Без этого народы Восточной Европы, русские в первую очередь, избежали бы массы неприятностей, так как благодаря этому ленинская партия захватила власть и держит ее по сей день. Некоторые неомарксисты (первый из них Милован Джилас) пытались представить старших членов компартий как «новый класс», что я считаю неправильным. Компартия у власти остается тем же, чем была до прихода к ней: добровольным союзом людей, ставящих себе общие политические цели. Разница лишь в том, что сейчас карьерные возможности определяют принятие ее идеологии, а не наоборот.

Но это еще не превращает партию в «класс», хотя бы потому, что — как мы определили — классов вообще не существует. И если история социализма — идея классов, то тогда это история громадного софизма. Как забавный пример, я недавно прочел, как два западных социолога совершенно серьезно доказывали в одном и том же сборнике: один —

что власть в Латинской Америке находится в руках среднего класса, а другой — что среднего класса в Латинской Америке вообще нет⁵). Но самое интересное в том, что, орудя различными критериями классификации, они оба были правы!

СОФИЗМЫ ЗА СОФИЗМАМИ

Разумеется, что за основным софизмом следуют производные «подсофизмы». Возьмем, например, тезис о том, что в капиталистических странах государство и право — исключительно на службе буржуазии: гражданские кодексы регулируют буржуазную собственность; закон, понижающий рабочим зарплату, выражает интерес буржуазии, так как увеличивает ее прибыль; закон, повышающий рабочим зарплату, тоже выражает интерес буржуазии, поскольку он уменьшает недовольство и, тем самым, возможность революции; кодекс правил дорожного движения выражает интерес буржуазии, у которой больше машин, чем у работников наемного труда, а если, наоборот, машин больше у трудящихся, то правила обеспечивают сохранение нужной рабочей силы при катастрофах...

Приводимые доводы иногда очень хитроумны и могут показаться убедительными. Но чувствуется и софизм: ведь если закон, повышающий мой заработок, укрепляет буржуазию, то пусть она себе укрепляется на здоровье!

По тому же принципу можно развить «социальную теорию» на той основе, что в СССР два класса: худые и толстые. Причем толстые угнетают и эксплуатируют худых (возможно, впрочем, и наоборот).

Ведь бывали все-таки вещи еще абсурднее, например, во времена арийской теории. Если над моей теорией еще поработать, то и она может показаться убедительной.

А разрешение парадокса очень простое: на Западе действительно большая часть законодательства выражает интересы буржуазии. (И толстяков!) Дело в том, что обычный законодатель, в здоровом обществе, пытается служить, как правило, *общему благу*. В нормальных обстоятельствах он эту цель достигает. Следовательно, он работает столь же в пользу буржуазии, сколько в пользу любого другого «класса».

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ОТВЕТЫ

Социалист ответит мне примерно так:

— «Все это очень остроумно, но это — игра слов. Язвите сколько угодно по поводу классов, но это не снимает реального факта, что есть люди, действительно эксплуатируемые, рабочие, действительно бедные. И только социализм способен ликвидировать эксплуатацию и обеспечить трудящимся участие в жизни их предприятий, собственность над плодами их труда...»

Но если цель социализма именно такова, то надо иметь в виду, что хоть в какой-то мере она достигнута, или достигается, как раз в капиталистических странах!

Посмотрим, как обстоит дело с эксплуатацией. Промышленное предприятие создается владельцем, который покупает помещение, машины, сырье и нанимает рабочих. Оно производит и продает продукцию. Деньги от продажи образуют доход предприятия. Этот доход распределяется: часть пускается опять в обращение (для закупки нового сырья, машин, на рекламу и т. п.); другая выплачивается рабочим, причем следует отметить, что им гарантируется постоянная сумма, независимо от торгового успеха предприятия; третью, наконец, получают владельцы, в качестве дохода от их капитала.

На этих фактах Маркс построил сложнейшую и довольно метафизическую теорию как бы нарочно для того, чтобы затуманить простое. Например, зарплата рабочих у него называется, с одной стороны, «переменным капиталом», а с другой, «оборотным капиталом», будто чтобы скрыть, что речь идет просто-напросто о распределении доходов. Каждому ведь ясно, что предприятие, чья продукция не продается, остается без «оборотного» и «переменного» капиталов — то есть без доходов! Зачем же тогда искать диковинные имена для простых вещей?

На самом деле при Марксе распределение доходов осуществляли хозяева по своему усмотрению, и следовательно, речь об эксплуатации была вполне уместна. Но теперь рабочие, объединившись в профсоюзы, добились такого влияния, что часть, идущая владельцам капитала, понизилась до уровня процента, достаточно высокого лишь для того, чтобы капиталы не утекали из предприятий. В некоторых странах уже идет речь о «профсоюзной диктатуре», при которой требования рабочих порой превышают грань, необходимую для возмещения затраченных на произ-

⁵ См. статьи José Nun и Richard N. Adams в сборнике *The Politics of Conformity in Latin America*, ed. by Claudio Veliz. Oxford University Press, New York, 2nd edition, 1970.

водство средств, что приводит либо к закрытию отдельных предприятий, либо, когда это явление принимает всеобщий масштаб, к инфляции.

Аналогично обстоит дело и с участием трудящихся в жизни предприятия. В распределении доходов они уже участвуют. К организации же предприятия, в границах их технических знаний, их привлекают сами предприниматели, по понятным причинам. Вне этих границ их участие имело бы катастрофические последствия (если бы рабочий разбирался в инженерном, или в финансовом деле, он не был бы больше рабочим). Но если рабочие хотят получить предприятие в полную собственность, то могут объединяться в кооперативы, как они существуют во всех западных странах. Что же касается участия в политике, то тут рабочий имеет те же возможности, что и другие граждане.

На это социалисты любят отвечать, что права рабочих на Западе — «формальные». Но всякое право «формально», если его субъект не располагает силой, собственной или одолженной, чтобы в нужный момент обеспечить его выполнение. Как раз эту силу на Западе рабочие имеют: во-первых, силу государства, которое обеспечивает исполнение широкого законодательства в их пользу (всеобщее страхование против болезней, несчастных случаев, безработицы, регламентация увольнений, минимальные ставки и т. п.); а во-вторых, вырастающую из их объединения в крупные профсоюзы экономическую и физическую силу, которая им позволяет использовать на деле все возможности, вытекающие из свободы договоров, из свободы слова и других, обеспеченных в их странах, свобод и прав.

Во всяком случае, они располагают гораздо большей силой, чем в социалистических странах, где сила — монополия властей, которые ее используют, как правило, в собственную выгоду.

Нельзя, конечно, отрицать, что всякое абсолютное, неотчуждаемое и т. п. право, провозглашенное в Конституции, всегда в какой-то мере остается лишь абстракцией. Но это касается рабочих не больше, чем любых других граждан.

Абсолютно не согласен я и с другим типично-социалистическим возражением, будто достижения Запада — результат эксплуатации Третьего мира. Беда жителей Третьего мира не в том, что их «эксплуатируют». Примитивное земледелие и низкий промыш-

ленный уровень не дают им возможности активно участвовать в хозяйственном кругообороте. Во всяком случае, весьма прискорбное положение развивающихся стран не имеет сегодня никакого отношения ко внутреннему экономическому строю стран, уже развитых.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ РЕЦЕПТ

Мы готовы согласиться с тем, что сегодня ни на Западе, ни на Востоке нет безупречного строя. Из-за этого давайте ознакомимся с рецептом лечения, предлагаемым социализмом.

При этом мы не предлагаем слушать ни оголтелых волосатых революционеров, ни догматиков марксизма-ленинизма. Первые еще ничего не создали, вторые же натворили уже столько, что слушать их не стоит. Обратимся к самым уважаемым защитникам социализма, как виднейший теоретик лейборизма Джеймс Рамсей Макдональд, философ Бертран Рассел и академик А. Д. Сахаров. Их политическую формулу можно свести к двум, независимым друг от друга, пунктам: государственная собственность на средства производства плюс демократический контроль над государством⁶). Советское официальное учение, наоборот, утверждает, что демократизм социалистического общества — следствие обобществления средств производства. Порочность подобной точки зрения мы испытали на практике: демократия может быть следствием лишь волевого решения ее установить.

Но передать в руки государства владение средствами производства и управление — это означает оставить их в руках бюрократии, у которой тогда произойдет концентрация всей политической и экономической власти. Даже если она не станет использовать эту огромную власть в свою исключительную пользу, громоздкость и неповоротливость управляющего аппарата пагубно отразится на рентабельности всей системы.

Макдональд на это отвечает, что, будучи социалистическим, государство не будет бюрократическим. Но это утверждение голо-словно: все известные государства действуют через бюрократические органы, не имея

⁶) См. J. R. Macdonald, *Socialismo*, стр. 105, 119, 131; B. Russel, *Elogio...*, стр. 118; Меморандум академика А. Сахарова, стр. 43.

других возможностей для осуществления своих функций.

Внутрироссийская оппозиция, наученная горьким опытом, относится к вопросу серьезнее. Противоядие они видят в народном контроле над государством. Теоретически этого достаточно. Но тут опять заметно (в частности у Зорина и Алексеева) чрезмерное доверие к одному из способов этот контроль осуществить — к выборной демократии. Настоящий контроль должен распространяться на каждое решение, принятое государственными органами, будь то центральными или местными. Но выборная система обеспечивает лишь возможность смены личностей каждое определенное число лет, да и то далеко не всегда на наиболее подходящих людей.

Единственно, где возможен непосредственный народный контроль, это на местах — в селах, районах и даже меньших коллективах. Вот если бы социалистические программы включали широкую децентрализацию, предоставление местным коллективам реальной автономии, то это было бы гораздо убедительнее. Но классический социализм крайне централистичен.

Именно в сторону децентрализации клонят наши оппозиционные социалисты, ссылаясь на Ота Шика и на югославские эксперименты. Так, Зорин и Алексеев предусматривают передачу средств производства в собственность трудовых коллективов, но это предполагает наличие у этих трудящихся желания и умения предприятиями управлять.

Желание может возникнуть только, если передача собственности полная. Однако если у собственника есть одно неотъемлемое право, то это право продать свою собственность. Отсюда следует, что такая собственность (на Западе она называется «кооперативной») не может быть обязательной или исключаяющей другую. Иначе понадобятся опять государственные органы, которые будут следить за тем, чтобы коллективы эти не распались. Иными словами, нельзя исключать (хотя бы в принципе) возможность перехода в частные руки собственности, переданной трудящимся. А это означало бы узаконивание частной собственности на средства производства, или, иными словами, отход от социализма.

Что же касается умения, то его отсутствие может легко повести к «воспитанию»

со стороны государства, со всеми вытекающими из этого последствиями.

Следует предупредить и от «парадоксов социализма» (сходных с известными парадоксами свободы), к которым может привести при социализме демократия. Ведь если социализм, в теории, — строй, наиболее отвечающий интересам народа, то всякая оппозиция к нему начинает рассматриваться как антинародная. От этого к запрету, на практике, лишь один шаг. Политическое соперничество между социалистическими группировками ограничится обсуждением наиболее подходящих средств укрепления социализма, а инакомыслие будет осуждено как «объективная поддержка противников социализма», что опять-таки ведет к запрету. Результат — самая тираническая из диктатур, вместо «демократии нового типа». Лучший пример этому опять-таки у нас на родине. А какой социалистический строй застрахован от повторения такого процесса?

ОБРАТНЫЙ ХОД

Мы приходим к выводу, что социалистические движения, ни до, ни после прихода к власти, не принесли трудящимся ощутимых выгод, и не верим в «хороший» социализм, которого в природе нет. Что же мы предлагаем вместо него?

Для нормально действующей экономики нужна рыночная система, с конкуренцией и свободным ценообразованием. Но рыночная система несовместима с монопольной государственной собственностью на средства производства, как и со всякой монополией вообще. Отметим, что западные монополии таковыми, по существу, не являются: это просто крупные предприятия. Даже в тех редчайших случаях, когда в стране лишь одно предприятие, производящее данный товар, есть по крайней мере теоретическая возможность возникновения конкурента. Единственные настоящие монополии (как на Востоке, так и на Западе) — государственные.

Монополия и свободный рынок — вещи противоположные, которые вместе существовать не могут. Можно, конечно, представить себе государство-монополиста, пытающегося создать фиктивную конкуренцию между своими предприятиями. Но при свободном рынке предприятие, которое окажется нежизнеспособным, надо будет закрыть,

что государство не сможет сделать. Следовательно, рано или поздно такой монополичный рынок перестанет быть свободным. Именно из-за этого и не могла быть всерьез проведена в жизнь хозяйственная реформа у нас в стране.

Всё это означает, что для того, чтобы нормально поставить экономику, надо ликвидировать государственную монополию на средства производства. При этом можно думать об их передаче в собственность трудовых коллективов, но это всё равно означает восстановление частной собственности на средства производства. А если уж восстановлена частная коллективная собственность, то почему не восстановить единоличную? Не

только пропадает нужда в ее ограничении, но, наоборот, она становится нужной в качестве альтернативы, для конкуренции с коллективной. Таким образом, следует признать: мы предлагаем то, что власть настоячиво называет «реставрацией капитализма».

С технической точки зрения больше, по-нашему, и говорить не о чем. Или надо идти в указанном направлении, или результаты будут обратные тому, чего мы хотим достичь.

Перемены, конечно, нужны не только в социально-экономических средствах и технике. Нужны они и в целях, преследуемых обществом. Но это — уже другая тема.

● ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИИ

Иностранные участники коммунистической революции в России

Проф. И. КУРГАНОВ

1. ВОЕННОПЛЕННЫЕ ИНОСТРАНЦЫ В ЦАРСКОЙ РОССИИ

На территории России к началу революции 1917 года было значительное количество иностранцев. Кто они, эти иностранцы? Это — иностранные рабочие, беженцы и военнопленные.

Иностранные рабочие ввозились в Россию в связи с бурным развитием промышленности в конце прошлого и начале текущего столетия. Одним из крупных центров промышленности был нефтеносный район г. Баку. В 1913 году около трети бакинских рабочих (30,4%) составляли иностранцы — подданные Ирана. Иностранцы работали и в других промышленных районах России. Перед революцией работало в России 200.000 китайцев, 40.000 корейцев и какое-то количество иностранцев других национальностей. Общее количество иностранных рабочих в России к началу революции в точности не известно, но по всей видимости оно было около 300.000 чел.

Беженцы появились в России во время первой мировой войны в связи с наступлением на Восток германской и австро-венгерской армий. Это были, главным образом, старики, дети и женщины из польских и прибалтийских земель. Общее количество беженцев из польских земель в первые месяцы после Октябрьской революции было по подсчетам Народно-комиссариата по делам национальностей около 1.500.000 чел. Значительная часть среди них были в то время русскими подданными.

Военнопленные составляли, несомненно, самую многочисленную и, с точки зрения возможностей использования иностранных сил в Октябрьской революции, самую важную группу иностранцев, временно оказавшихся на территории России к 1917 году. Количество военнопленных в России более или менее известно. Согласно сводкам Красного креста за 1916 год, военнопленных солдат и офицеров в России было:

Германской армии	187.000 чел.
Австро-венгерской армии	2.100.000 чел.
Турецкой армии	63.000 чел.
Болгарской армии	?

Всего, не считая болгар, численность которых требует еще уточнения, военнопленных

было в России 2.350.000 чел. Из них около 80.000 офицеров и 2.270.000 солдат¹⁾.

Военнопленные принадлежали к разным национальностям. В составе военнопленных австро-венгерской армии были австрийцы, венгры, итальянцы (11.000 чел.), чехословаки, сербы, хорваты, словенцы. В составе военнопленных турецкой армии были турки, арабы, курды, азербайджанцы и т. д.

Общее количество иностранцев, оказавшихся перед революцией в России, советские источники определяют величиной «более четырех миллионов человек», скорее всего миллиона четыре с половиной. Если из этой величины исключить беженцев, то общее количество боеспособных иностранцев — рабочих и военнопленных — было в России перед революцией от 2.650.000 до 2.750.000 ч. Основную массу их, как видим, составляли военнопленные. О военнопленных и будет речь в дальнейшем изложении.

В дореволюционной России все военнопленные жили в специально организованных для них лагерях, которые были размещены на огромной территории России с учетом возможностей использования их рабочей силы в народном хозяйстве. И действительно, не менее полутора миллионов военнопленных работали на фабриках, заводах, в шахтах, рудниках, приисках и прочих предприятиях, где они замещали местных рабочих, призванных во время войны в действующую армию. Кроме того, часть военнопленных работала в отдельных семьях в качестве преподавателей языков, рабочих и разного рода ремесленников — портных, столяров, плотников и т. д. В народном хозяйстве России, особенно в промышленности, военнопленные играли очень заметную роль. В составе рабочей силы некоторых отраслей промышленности они имели, например, следующий удельный вес:

В металлургии юга России	25%
В каменноугольной промышленности	27 »
В машиностроительных	
и других предприятиях Урала	50 »
В железнорудной промышленности	60 »

За свою работу военнопленные получали до революции заработную плату несколько пониженную, по сравнению с местными рабочими, но достаточную, чтобы жить безбедно. Так как местные рабочие имели семьи, а

военнопленные были одиночками, то материальный уровень жизни военнопленных был не ниже, а порой и выше, чем у местных рабочих. Но... не хлебом единым жив человек...

2. ВОЕННОПЛЕННЫЕ И ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ

Все военнопленные мечтали вернуться на родину. Понятно поэтому, что все они встретили Февральскую демократическую революцию в России с энтузиазмом: революция вызвала у них надежды на скорое окончание войны, на мир и возвращение в свои семьи.

В результате Февральской революции сразу же улучшилось и положение военнопленных, их лагерная жизнь. Но... война продолжалась и возвращение на родину отодвигалось в неопределенное будущее. Настроение военнопленных постепенно менялось. Энтузиазм, вызванный Февральской революцией в России, рассеивался, наступала полоса разочарования и недовольства. В лагерях появились коммунистические агитаторы и военнопленные начали к ним прислушиваться...

Коммунистическая агитация и пропаганда постепенно изменили характер политической жизни в лагерях. Национальные мотивы стали вытесняться интернациональными. На первый план выдвигалась не национальная, а классовая сплоченность, предполагающая размежевание офицеров и солдат, буржуазных и пролетарских кругов, правых и левых политических деятелей. Коммунисты говорили военнопленным: немецкому солдату-рабочему ближе венгерский или чешский солдат-рабочий, чем немецкий офицер-буржуй. Войны затеваются не рабочими, а буржуями. Буржуям война выгодна, и они не стремятся к миру. Чтобы добиться мира и вернуться на родину к своим семьям, надо сбросить буржуев и всюду организовать пролетарскую власть. В России надо перейти от Февральской буржуазной революции к пролетарской социалистической революции во главе с большевиками-коммунистами. Коммунисты немедленно прекратят войну и всех военнопленных немедленно отправят на родину. Хочешь на родину — борись за коммунистов!

Именно в этом духе коммунисты и развернули в лагерях на немецкие деньги свою огромную пропаганду. Они издавали листовки на всех языках и засыпали ими лагеря. Они организовали свои газеты и широко пользовались существующими в то время демокра-

1) Сборник «Участие трудящихся зарубежных стран в Октябрьской революции». Академия наук СССР. Научный совет по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции». Издательство «Наука». Москва, 1967.

тическими газетами. Они приступили к организации газет на иностранных языках, которыми владели военнопленные. В то же время они с величайшим напором использовали трибуну многочисленных съездов, конференций, собраний, совещаний и митингов.

Понятно, что эта широко организованная пропаганда не прошла бесследно. Во всех или почти во всех лагерях военнопленных активизировались левые элементы, политическая линия которых постепенно сближалась с линией коммунистов. Существовавшие в лагерях общественные организации вступили в полосу ожесточенных споров и приобретали постепенно левый уклон. В ряде лагерей появились революционные ячейки интернационалистов, установивших контакт с местными организациями русских коммунистов. Влияние коммунистов возрастало.

3. ВОЕННОПЛЕННЫЕ И КОМУНИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ

25 октября 1917 года власть в Петрограде была захвачена коммунистами-большевиками, и уже на другой день был опубликован декрет советского правительства о мире. Декрет содержал предложение всем воюющим странам прекратить войну и немедленно начать мирные переговоры. Понятно, что военнопленные встретили это с большим воодушевлением. Многие политически колебавшиеся военнопленные превратились в сторонников советской коммунистической власти.

Но коммунистическая революция произошла пока только в Петрограде. Надо было распространить ее на другие города и селения России и установить советскую власть на местах. Ряд военнопленных — интернационалистов — приняли в этом активное и непосредственное участие²⁾.

Какое количество военнопленных-интернационалистов приняло непосредственное участие в первом этапе Октябрьской революции, то есть в свержении демократической и установлении советской коммунистической власти, нам неизвестно, но общее положение таково:

²⁾ И. Матвеев. «О работе большевиков среди иностранных трудящихся в Сибири»; Н. Субаев. «Иностранные интернационалисты в Татарии»; А. Матвеев. «Буржуазные авторы об иностранных интернационалистах в Средней Азии»; А. Гуляк. «К вопросу о формировании интернациональных отрядов красной гвардии на юге Украины».

«Всюду, где Советская власть устанавливалась вооруженным путем, интернационалисты самоотверженно сражались против сил контрреволюции»³⁾.

Было бы поэтому большой ошибкой не принимать во внимание роль военнопленных интернационалистов в совершении коммунистической революции в России.

Коммунистическая революция внесла большие изменения и в положение самих военнопленных. Уже 15 декабря 1917 г. советское правительство постановило присвоить военнопленным права граждан нейтральных стран; отменило все виды принудительных работ; отменило отличительные знаки на одежде военнопленных и ряд других ограничений. Все военнопленные получили право принимать участие в общественной жизни страны и избирать своих депутатов в советы. Военнопленные-интернационалисты привлекались к работе в партийных и советских учреждениях и пользовались всеми правами местных советских служащих. Вместе с тем улучшались и бытовые условия военнопленных. Военнопленным-интернационалистам разрешалось, например, жить на частных квартирах. В связи с этим население лагерей уменьшилось и, значит, жилищная обстановка в лагерях несколько улучшилась. Принимались меры и к улучшению питания военнопленных, ремонту их одежды и т. д.

Одновременно в огромных масштабах развернулась коммунистическая пропаганда на иностранных языках. Уже выявлено, на основе архивных материалов, существование в то время следующего количества газет и журналов для военнопленных:

на польском языке	38 названий
на венгерском языке	34 названия
на немецком языке	31 название
на чешском и словацком языках	13 названий
на румынском языке	8 названий
на французском языке	6 названий
на языках Югославии	7 названий
на финском языке	3 названия
на болгарском языке	1 название
на английском языке	1 название
на китайском языке	1 название
на турецком языке	1 название
на языке фарси	1 название
на нескольких языках одновременно	15 названий

³⁾ И. Матвеев, стр. 302.

Кроме того, переводились на разные языки и издавались отдельные работы Маркса, Энгельса и Ленина.

Под влиянием широко развернувшейся коммунистической пропаганды в лагерях началась «борьба с контрреволюционной деятельностью» офицеров и ликвидация «пережитков» буржуазных армий — отдание чести, услуги денщиков, преимущества в бытовых условиях и т. д. Обычное на Западе критическое обсуждение офицерами происходящих событий рассматривалось уже как контрреволюционная агитация и подлежало наказанию:

«За контрреволюционную агитацию среди военнопленных саратовскими органами ЧК арестовано 19 военнопленных офицеров⁴⁾».

Вокруг военнопленных офицеров создавалась обстановка подозрительности, отчужденности и сыска. Не все офицеры это выдерживали. Начались побег:

«...из сарапульского лагеря совершили побег 38 военнопленных офицеров. Несколько случаев побега было в Самарской и Симбирской губ.»⁵⁾.

В общем немногочисленные побег офицеров не оказывали на политику партии и ее пропаганду никакого влияния. Пропаганда стремилась воспитать в солдатах дух ненависти к буржуазии, сознание необходимости ее истребления и уверенность в неизбежности мировой революции.

Германское правительство, на средства которого коммунисты развернули в России свою пропаганду, 3 января 1918 г. сделало следующее предупреждение коммунистам:

«Не в наших интересах, что вы предоставляете военнопленным политические вольности»⁶⁾.

Но было уже поздно. Политическая жизнь в России развивалась по логике того времени. В результате коммунистической пропаганды всё возрастающее число военнопленных переходило на сторону советской власти.

На Западе полагали, что рост численности военнопленных, переходящих на сторону советской власти, происходит под влиянием голода, карьеристических соображений, порой

и в результате прямого принуждения. В СССР по этому вопросу теперь пишут:

«Конечно, среди бывших пленных были люди, которые становились на сторону Советской власти в надежде получить... материальные блага... верно и то, что во время гражданской войны... имели место отдельные случаи принудительных мер по отношению к военнопленным. Но подавляющее большинство... встало на сторону Советской власти совершенно добровольно»⁷⁾.

Массовая промывка мозгов путем широко организованной пропаганды и явное стремление советской власти закончить «империалистическую» войну (чтобы развернуть войну гражданскую) свое дело делали: большинство военнопленных становилось на сторону советской власти действительно добровольно.

Переход на сторону советской власти огромного количества военнопленных вызвал необходимость разработки для них новой общественной и партийной организации или организационной структуры.

Общественная организация военнопленных существовала в виде самостоятельных местных комитетов и союзов, во главе которых перед Октябрьской революцией, как правило, стояли уже коммунисты. После Октябрьской революции в целях лучшего использования военнопленных в интересах коммунизма было учреждено централизованное руководство общественными организациями. Для такого руководства было создано при военном отделе ВЦИК «Всероссийское бюро военнопленных». На местах создавались специальные комитеты, руководившие местными объединениями интернационалистов. В частности, Казанский комитет, в состав которого входили 16 венгров, 10 немцев и 9 славян, возглавлял объединение военнопленных-интернационалистов, насчитывавшее в своем составе 1700 чел. Эти комитеты после Октябрьской революции основной задачей ставили мобилизацию военнопленных на защиту советской власти.

Партийная организация до Октябрьской революции строилась среди военнопленных в форме коммунистических ячеек. Польские социал-демократы в сибирских лагерях уже в апреле 1917 г. имели свои ячейки, входившие в состав коммунистической партии большевиков. После Октябрьской революции формирование партийных кадров расшири-

⁴⁾ А. Мальков. «Деятельность партийных и советских органов Поволжья среди военнопленных после заключения Брестского мира», стр. 276.

⁵⁾ А. Мальков, стр. 273.

⁶⁾ А. Манусевич. «Состояние и задачи изучения истории интернационалистского движения в России в 1917-1920 гг.», стр. 25.

⁷⁾ А. Матвеев, стр. 311.

лось и партийное их построение менялось. Сначала это было вкрапление иностранцев в общий состав коммунистической партии (РСДРПб) на общих основаниях. «Вкрапленные» иностранцы в некоторых случаях составляли в партии довольно значительный удельный вес. В составе рабочих анжеро-судженских копей было 1 075 коммунистов и среди них 300 военнопленных из Германии и Австро-Венгрии. Тем не менее, никаких подразделений по национальному признаку в партии не было. Но уже в 1918 году появляются в партии национальные секции и группы. Жизнь показала, что руководство иностранцами оказывается более эффективным, когда в партии есть национальные группы, возглавляемые своими коммунистами. В 1918 году были организованы национальные группы венгров, румын, немцев, югославов, чехословаков, французов, турок, болгар, поляков и англо-американцев. Все эти группы иностранных коммунистов были объединены в центральную федерацию при ЦК партии, которая и осуществляла по партийной линии единое централизованное руководство их деятельностью. Общее количество иностранных коммунистов, состоявших в местных группах и действовавших под руководством федерации при ЦК партии, остается пока величиной спорной, так как внутрипартийная статистика была еще не налажена. (В Туркестане по одним документам значилось 2200 коммунистов, по другим — 1545, а наиболее обоснованной считается цифра 1700 чел.). Учитывая, однако, ряд показателей, можно сказать, что иностранных коммунистов было в России во время Октябрьской революции свыше 20. 000 чел. Они-то и составляли «политический хребет» интернациональных воинских частей, боровшихся за установление и расширение коммунистической власти в России.

4. ВОЕННОПЛЕННЫЕ И АНТИКОММУНИСТИЧЕСКИЕ ВОССТАНИЯ В РОССИИ

Прокоммунистическое движение военнопленных было организовано коммунистами для того, чтобы использовать военнопленных в деле завоевания и распространения коммунистической власти. В России, ставшей после Февраля разнузданно-свободной страной, коммунисты, как мы видели, очень широко развернули свою пропаганду и в октябре захватили политическую власть. Но огромное большинство народа было против коммуниз-

ма, и по всей стране начались антикоммунистические восстания. Чтобы удержать захваченную власть, коммунисты приступили к спешной организации воинских отрядов из прокоммунистически настроенных рабочих, солдат, матросов и военнопленных. Так как Россия в военном отношении была в то время страной полностью парализованной, поскольку старая армия развалилась, а новая армия ни у коммунистов, ни у антикоммунистов еще не сложилась, то эти спешно организованные коммунистами воинские отряды, в том числе и отряды военнопленных иностранцев, имели в судьбах России огромное значение.

Отряды иностранцев назывались интернациональными. В их состав входили прежде всего иностранные коммунисты-интернационалисты, которые еще при вступлении в партию давали обязательство «...в случае контрреволюционных выступлений, с оружием в руках защищать завоевания революции»; затем — не состоящие в партии военнопленные-интернационалисты, считавшие коммунистическую революцию в России началом мировой революции и, следовательно, началом революции в их странах. Наконец, в интернациональные отряды входили иностранные военнопленные, оказавшиеся по разным причинам в фарватере коммунизма, а также коммунистически настроенные иностранные рабочие.

Организация интернациональных отрядов начиналась обычно митингами, принимавшими нужные коммунистам резолюции о необходимости защиты Октября с оружием в руках. Для иллюстрации приведем одну из таких резолюций, принятую 20 февраля 1918 г. в Петрограде на митинге военнопленных немцев, австрийцев, чехов и венгров:

«Судьба Советской республики прежде всего теснейшим образом связана с будущим всемирной пролетарской революции. Поэтому задача и долг каждого военнопленного — защищать эту республику от всех покушений всеми силами и всеми возможными средствами»⁸).

На основе такого рода резолюций коммунисты уже имели право предлагать и предлагали военнопленным вступать в интернациональные части и не на словах, а на деле принять активное участие в подавлении антикоммунистических восстаний.

⁸ Л. Яковлев. Об источниковедческой базе изучения истории интернациональной солидарности трудящихся», стр. 51.

Сформированные таким «добровольно-принудительным» путем интернациональные части имели большое значение, так как состояли из дисциплинированных бойцов, имевших отличную военную подготовку и необходимую идейную зарядку.

Восстаний после Октября было огромное количество. Вся Россия полыхала антикоммунистическими восстаниями. Это были сотни (сотни!) восстаний главным образом крестьянского населения. Все восстания были стихийными, разрозненными и очень плохо вооруженными. Их легко и с невероятной жестокостью подавляли организованные коммунистами хорошо обученные и хорошо вооруженные отряды. В число этих отрядов входили прежде всего отряды палачей из ЧК, затем отряды молодых коммунистов, которые должны были кровью убиваемых повстанцев доказать свою преданность коммунизму, и, наконец, отряды латышей и военнопленных интернационалистов. Приведем такой пример:

«Зимой 1920 г. смежные уезды Казанской, Уфимской и Самарской губерний охватило контрреволюционное восстание «вилочников»... Отряды ЧК, местные коммунистические отряды, несколько групп войск Запасной армии были брошены на подавление этого восстания. В состав одной из групп Запасной армии, выделенной на борьбу с «вилочниками», входил интернациональный батальон под командованием И. Папп»⁹⁾.

Значит, отряды ЧК, отряды коммунистов, отряды «Запасной армии», в которую входили и латыши и военнопленные интернационалисты, — вот кто подавлял антикоммунистические восстания русского народа и утверждал в России коммунизм.

Отряды интернационалистов состояли иногда из бойцов одной нации (например, китайцы), но очень часто из бойцов, принадлежащих к разным национальностям. Так, например, в августе 1918 г. на помощь коммунистам Азербайджана был послан интернациональный отряд.

«В отряд вошло 400 чел.: 100 болгар, 100 венгров, 200 югославов. Почти все бойцы этого отряда героически сражались и погибли в неравных боях»¹⁰⁾.

В боях за коммунизм в Азербайджане сражались и турецкие военнопленные — аске-

ры, и иранские рабочие из отрядов «Адалят», и коммунисты других национальностей.

То же можно сказать и о Туркестане, где в подавлении басмаческих восстаний принимали активное участие военнопленные разных национальностей — венгры, сербы, хорваты и пр. Оценивая роль военнопленных в Туркестане, англичанин А. Кероу писал:

«Интересно, что действительной силой, которая вытянула их (коммунистов. — К.) из кризиса были в основном... военнопленные»¹¹⁾.

Несомненно, военнопленные играли большую роль в подавлении многочисленных восстаний, в том числе и крупных восстаний, как Тамбовское, Ярославское, Поволжское, Красноярское и т. п. В ряде случаев они и были той силой, которая определяла победу коммунистов над восставшим большинством русского народа.

5. ВОЕННОПЛЕННЫЕ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ

В то время, как вся Россия была охвачена антикоммунистическими восстаниями, с которыми вели борьбу спешно сформированные коммунистами разнообразные отряды, началась организация и регулярных армий. Советское правительство издало 28 января 1918 года декрет об организации Красной армии на добровольных началах. Однако добровольцев было мало, и 29 мая 1918 г. было опубликовано постановление о переходе от добровольчества ко всеобщей воинской повинности. В Красную армию поступили сотни тысяч новобранцев. Обучение их военному делу во многих случаях вели военнопленные интернационалисты. В октябре 1918 г. Красная армия имела уже 800.000 чел., а в январе 1919 г. — около миллиона.

С другой стороны, летом 1918 г. генералы Корнилов, Алексеев, Деникин, Врангель, Краснов создали Добровольческую армию на юге России. Кроме того, 25 мая началось выступление Чехословацкого корпуса и формирование Народной армии на востоке России и 2 августа на севере России.

Таким образом, в 1918 году сложились Красная и Белая армии и началась тяжелая гражданская война. В гражданской войне активное участие принимали и отряды военнопленных, которые теперь включились в состав Красной армии в виде ее интернациональных частей.

⁹⁾ Н. Субаев, стр. 313.

¹⁰⁾ А. Бачинский, М. Дыхан, М. Раковский. «Деятельность болгар-интернационалистов на юге Украины», стр. 188.

¹¹⁾ А. Матвеев, стр. 313.

Включение военнопленных в состав Красной армии противоречило Брестскому мирному договору и могло вызвать международное осложнение. Однако коммунисты заключают международные договоры отнюдь не для того, чтобы их выполняло советское правительство, а исключительно для того, чтобы их выполняли партнеры. В данном случае:

«Для того, чтобы дать возможность военнопленным принять участие в борьбе против врагов Советской власти и в то же время лишить германских и австро-венгерских представителей возможности обвинять Советское правительство в нарушении мирного договора, ВЦИК 1 апреля 1918 г. принял декрет о приобретении прав российского гражданства»¹²⁾.

Был установлен крайне упрощенный порядок оформления гражданства. Право такого оформления имел любой местный совет. Желающие принять российское гражданство могли подавать и коллективные заявления. Так, 27 бойцов одного интернационального отряда подали такое заявление: «Мы все коммунисты, служим в Красной армии и просим принять нас в советское гражданство». Все были приняты. Прием в российское гражданство носил одно время массовый характер. Брестский договор коммунисты «соблюдали свято».

Переформирование и включение интернациональных отрядов в состав Красной армии началось одновременно с организацией самой армии. Уже в июне 1918 г. сообщения с мест говорили, что

«В Самаре, помимо уже существовавших интернациональных подразделений под руководством Л. Гашека (автор книги «Похождения храброго солдата Швейка». — К.) была сформирована интернациональная рота численностью 200 бойцов.

В Саратове интернациональный эскадрон был развернут в кавалерийский интернациональный полк, вошедший в состав 25-ой стрелковой дивизии»¹³⁾.

и т. д. Постепенно работа по вовлечению военнопленных в состав Красной армии усиливалась, и в результате

«...в составе Красной армии действовали польские, финские, венгерские, немецкие, чехословацкие, китайские, югославские полки,

персидский полк, французский батальон, русские батальоны, итальянские, турецкие подразделения, среди красноармейцев были и корейцы, и афганцы, и индусы, и представители многих других народов»¹⁴⁾.

В общем, были образованы в составе Красной армии боровшиеся против русских Белых армий в 1919–1920 гг. следующие воинские части иностранцев:

две дивизии
три бригады
43 полка
28 отдельных батальонов
6 отдельных рот
1 французский взвод
46 отдельных смешанных отрядов.

По подсчетам Н. Галай, сделанным на основе советских источников, в этих интернациональных частях было от 220.000 до 250.000 бойцов¹⁵⁾. Кроме того, действовали латышские части, финские и другие добровольцы.

Несомненно, и интернациональные части, состоящие из иностранцев, так же, как латыши, проделали на просторах России «славный» боевой путь в борьбе с антикоммунистически настроенным народом, защищавшим лишь свое право самостоятельно решать свою судьбу (Учредительное собрание). Введенные коммунистической пропагандой в заблуждение бойцы интернациональных частей сражались за «диктатуру пролетариата» и «советскую» коммунистическую власть, не щадя своей жизни. В документах ЦГАСА (Центральный государственный архив Советской армии) есть, например, донесение о боях в районе села Верхний Игорец, где погибло 200 бойцов Люблинского интернационального батальона, состоявшего из военнопленных-иностранцев. Командир батальона доносит: «Люди дрались не могу как описать, нет слов тому героизму, который они проявили. Я еще за время войны не видел, чтобы так дрались солдаты».

Поэтому было бы ошибкой недооценивать боевую роль иностранцев, составлявших интернациональные части Красной армии. Эта роль иностранцев в гражданской войне будет ясна, если учесть, что Красная армия имела следующий состав:

¹⁴⁾ А. Манусевич, стр. 29.

¹⁵⁾ Н. Я. Галай. «Связи и взаимовлияния между социальной структурой общества и его военной системой на примере СССР». Статья в журнале «Часовой» (Брюссель) № 5, 1967, стр. 8.

¹²⁾ А. Мальков, стр. 277.

¹³⁾ А. Мальков, стр. 281.

на 1. 5. 1918	264.000 бойцов
на 1. 7. 1918	362.000 »
на 1. 10. 1918	примерно 800.000 »
на 1. 3. 1919	1.500.000 ч. (на фронте около половины)

И в этом составе Красной армии было 250.000 иностранцев, представлявших собою, как правило, высококвалифицированных, крепко спаянных, вполне дисциплинированных, первоклассных бойцов интернациональных частей, а кроме того — большое количество латышей. Ясно, что в руках партии это была сила, имевшая в победе коммунистического меньшинства над народным большинством немалое значение.

6. ВОЕННОПЛЕННЫЕ И ИНОСТРАННАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В РОССИИ

Революция фактически вывела Россию из строя воюющих государств и осложнила положение союзников в первой мировой войне. Союзники решили послать в Россию свои небольшие воинские части и известную материальную помощь здоровым элементам страны, чтобы в случае их победы договориться с ними о продолжении войны, а если этого не случится, то по крайней мере быть на месте событий и защищать в России свои интересы примерно так же, как защищают свои интересы родственники умирающего богача, зорко следящие друг за другом и вовремя пресекающие все их «поползновения».

Воинские части, отправленные в Россию в 1918 г., носили не столько боевой, сколько политический характер, но коммунисты считали их оккупационными войсками интервентов и развернули специфическую для коммунизма борьбу с ними. Ленин полагал, что борьба с противником должна вестись

«...не только путем национальной войны, но и путем пропаганды и разложения его изнутри»¹⁶⁾.

Пропаганда и разложение интервентов внутри осуществлялась военнопленными-интернационалистами, знающими иностранные языки и обстановку в соответствующих странах. Пропаганда на иностранных языках велась и раньше, но с появлением в России иностранных войск эта пропаганда была резко усилена.

Одним из центров пропаганды на английском языке была англо-американская группа интернационалистов, направлявшая свою литературу англо-американским частям на Севере и Дальнем Востоке. Литература отправлялась со специальными курьерами и передавалась в воинские части с помощью подпольщиков, местного населения и сочувствующих солдат в самих англо-американских частях.

Другим центром пропаганды была действующая в тылу противника т. н. «иностранная коллегия», в руководство которой входили три интернационалиста — русский, француз и англичанин, носившие вымышленные фамилии. Эта группа вела пропаганду и большую работу по разложению южной группы англо-французских войск.

В результате коммунистической пропаганды и военных неудач в англо-французских частях началось брожение и в апреле 1919 г. вспыхнуло восстание на французских кораблях, где были подняты красные флаги. Союзники были вынуждены увести свои войска и очистить юг России. Шестого апреля 1919 г. Красная армия вступила в Одессу и в конце апреля заняла Крым. Ленин по этому поводу говорил, что успехи Красной армии объясняются «Не одними победами на фронте, а тем, что мы привлекли на свою сторону солдат, воюющих с нами государств», то есть умело организованной пропагандой, которую вели, главным образом, военнопленные интернационалисты.

Пропаганда не ограничивалась только войсковыми частями, посланными в Россию; она велась и среди населения «буржуазных» стран. Уже в первые дни Октябрьской революции был образован при Наркоминделе (Народный комиссариат иностранных дел) специальный отдел международной пропаганды, в работе которого принимали участие и военнопленные интернационалисты. Пропаганда этого отдела объясняла Октябрьскую революцию в России как революцию рабочую и социалистическую, которая только и может обеспечить построение основанного на принципах свободы, равенства и братства нового общества.

Отдел международной пропаганды установил контакты с левыми кругами Англии, Франции и США, финансировал и инструктировал их в целях организации местной прокоммунистической пропаганды, воздействующей на общественное мнение соответствующих стран. Поэтому во всех демократических

¹⁶⁾ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 212.

странах, особенно в США, развернулась кампания протеста против участия в антисоветской интервенции. В США была создана «Лига друзей Советской России», которая организовала сбор подписей под петицией правительству и привлекла к этому движению около 100 профсоюзов. Одновременно был создан комитет «Руки прочь от России», который устраивал массовые демонстрации и походы против интервенции в России и за поддержку «великого эксперимента». Была проведена забастовка портовых рабочих, которые отказались грузить пароходы, предназначенные для воинских частей США в России и для антикоммунистических Белых армий. В результате:

«В 1920 г. американское правительство было вынуждено отозвать свои войска из России»¹⁷⁾.

Примерно то же происходило в Англии и Франции. Они тоже свои войска отозвали и требование улицы «Руки прочь от России» выполнили.

Такова сила пропаганды, против которой западные политические деятели оказались совершенно беспомощными, так как коммунизма они не понимали, в русских делах не разбирались и организовать свою пропаганду они не умели. Россией они интересовались только с точки зрения своих выгод. Если выгод не находили, то легче успокаивались на мысли: «Чем хуже, тем лучше», чем больше «русские разбойники» разрушают Россию, тем скорее мы ею распорядимся.

¹⁷⁾ Большая Советская Энциклопедия, т. 39, стр. 599.

● ЮГОСЛАВИЯ

Историческая роль Югославии

(Историко-философские, а не политические размышления)

Михаил МИХАЙЛОВ

I

Югославия, маленькая и небогатая балканская страна, в настоящее время стала ретортой, в которой бурлят видимые социально-политические и невидимые духовные процессы и происходит попытка зарождения будущего всей Европы, Запада, а в дальнейшем и всего человечества. И это происходит не в мощном тоталитарном Советском Союзе, не в богатейшей технически Америке, не в фанатичном Китае, не в сверхцивилизованной Швеции, а именно в Югославии! Многим это утверждение может показаться странным, неверным и даже смешным. Но это так, хотя и в самой Югославии очень немногие осознают это.

Югославия едва ли не единственная страна в мире, которая для того, чтобы продолжать свое существование, принуждена разрешать почти что все противоречия, в наше время раздирающие человечество. Я не знаю другой такой страны, кроме СССР. Но там давление тоталитарной диктатуры настолько сильно, что о разрешении каких-либо противоречий и думать пока не следует. В этом смысле

Югославия находится на исторической дороге далеко впереди. Все то, за что ведет борьбу молодежь на Востоке (демократизация, свобода слова и культуры, децентрализация хозяйства и т. д.) и на Западе (социализм, рабочее участие в управлении промышленностью и прочее), — в Югославии в некотором смысле начало осуществляться, и дальнейшее существование Югославии, как единого государства, находится в прямой зависимости от радикального разрешения противоречий как Восточного, так и Западного мира.

Через Югославию проходит граница Восточной и Западной Европы: западная часть страны — католическая, восточная — православная. Кроме все еще продолжающихся противоречий между социализмом и политической демократией, Югославию раздирают противоречия социально-экономические: районы с среднеевропейским промышленным уровнем на севере и азиатской неразвитостью на юге. В Югославии множество языков и религий, включая магометанскую. Но преимущество Югославии перед Западной Европой в том, что Югославия в основном уже пережила болезнь тоталитаризма, а преимущество перед Восточной Европой в том, что,

отталкиваясь от сталинизма, она, хоть и не быстро, но все-таки двинулась к демократии некапиталистической. Так исторически создались в Югославии предпосылки для разрешения противоречий и Запада, и Востока. А эти противоречия, в сочетании с геополитическим положением Югославии, находящейся на стыке не только двух культур, но и двух враждующих социальных систем, — если они не будут разрешены, приведут к дезинтеграции страны. Перед Югославией, одновременно со смертельной угрозой, появилась возможность пробить брешь в будущее человечества.

Такое критическое положение народов, населяющих Югославию, в некотором смысле исторически традиционно: ведь еще во времена исламских нашествий на Европу народам теперешней Югославии было дано название «*antimurales christianorum*» («щит христианства»). Опыт Чехословакии, Польши, Венгрии показывает, что в подсоветских странах никакое радикальное движение к демократии в ближайшем будущем невозможно. Оно всегда будет подавляться извне до тех пор, пока положение не изменится в самом СССР. А развитие в Советском Союзе, несомненно, — хотя и с временными отступлениями, — движется югославским путем. Как некогда Югославия от СССР, так теперь, в свою очередь, СССР будет отталкиваться от Китая. Поэтому значения югославского примера для всей Восточной Европы невозможно переоценить. Югославия, в некотором смысле, по отношению к социалистическому лагерю находится в положении Иудеи по отношению к Римской империи.

II

Югославия почти ровесница Советского Союза. Оба государства создались в результате первой мировой войны на развалинах старых империй: СССР — России, Югославия — Австро-Венгрии. Новая, коммунистическая, Югославия возникла во время второй мировой войны, она ровесница Советской восточноевропейской империи. Есть какая-то историческая синхронность (но не тождественность) в развитии Югославии и Восточной Европы. Так, например, 1948 год был началом самостоятельного пути югославских коммунистов, и тот же год для восточноевропейских стран был годом окончательного порабощения.

В Югославии живут четыре славянских народа и крупные неславянские меньшинст-

ва. С одной стороны, эта смесь народов и религий создает немалые трудности для существования государства, но с другой стороны, в такой этнической пестроте, при отсутствии одного большого народа, своей численностью абсолютно превышающего все остальные народы (как, например, русский народ в СССР), совершенно невозможен единый национальный или религиозный фанатизм, от которого в нашем столетии так страдали и страдают большие европейские народы. Кстати, именно это и создало предпосылки для возможности независимого пути югославских коммунистов и относительной демократии по сравнению с Советским Союзом.

У наблюдателей югославских событий часто возникает впечатление, что нетерпимость между двумя наиболее многочисленными народами в Югославии, сербами и хорватами, — коренная проблема страны. Хотя это весьма упрощенно, но в этом есть доля правды. Положение сербов, самого большого югославского народа, преобладающего в восточной части страны, можно в некотором смысле сравнить с положением русских в Советском Союзе. Сербы — самая сильная связывающая сила страны. В то же время сербы духовные наследники православной византийской культуры, не прошедшие через западноевропейскую школу правосознания, через которую история провела хорватов. Поэтому здесь можно наблюдать столкновение двух культур: западноевропейской (католической) и восточноевропейской (православной). Дело только осложняется тем, что языки обоих народов почти что тождественны. Сербской центристской тяге в течение полувека югославской истории всегда противостояла хорватская центробежная, нередко вырождавшаяся в крайний национализм и сепаратизм. Дело не в том, что хорваты (я опять подчеркиваю — это крайне упрощенная схема) против сожительства с сербским народом в одном государстве — ведь сама идея Югославии хорватского, а не сербского происхождения, а оба народа географически настолько смешаны, что какое-либо разделение абсолютно невозможно, — дело в исконном влечении, присущем хорватскому народу, к демократическому правовому строю западноевропейского типа. Происходит то же, что и в Восточной Европе по отношению к русским. Сербам приписываются все грехи общественной системы, что, конечно, ложно и несправедливо. Это значит валить на чужие плечи и свой собственный грех, пусть несколько

меньший. Придет время и люди поймут, что все народы, пережившие тоталитаризм, более или менее виноваты в нем, хотя бы даже за пассивное соучастие.

Упрощенно говоря, когда дело идет о существовании единой Югославии, правда на стороне сербов, но неправда их в том, что такая единая Югославия мыслится только авторитарной и недемократической; правда хорватов в том, что Югославия должна быть демократической, а неправда в том, что, поскольку это якобы невозможно, — следует отделяться. Можно сказать, что все бы было очень просто и легко решить, если бы сербы считали, что демократия ценнее единого государства, а хорваты — что демократия ценнее, чем независимое государство. Значит, решение вопроса возможно только на основе наднациональной демократической идеи.

Духовной предпосылкой для основания Югославии была наднациональная идея государства южных славян, в которое должна была быть включена и Болгария, чего не произошло. Формированием государства в 1918 году эта идея была осуществлена и тем самым — исчерпана, а Югославия, раздираемая социально-политическими противоречиями, кое-как продержалась до начала второй мировой войны и разлетелась на части от удара немецкого кулака. Новая Югославия была снова создана и опять на наднациональной идее. На этот раз — коммунистической, в настоящее время тоже изжившей себя. Поэтому теперь и можно наблюдать процесс становления обособленных национальных компартий в пределах страны. Но главное дело в том, что Югославия не может долго существовать, не имея наднациональной идеи. Этой третьей, по югославскому счету, наднациональной идеи пока нет, хотя думается, что это должна была бы быть идея демократического социализма, имеющего мало общего с однопартийностью, хотя даже и раздробленной на несколько национальных компартий. Эта же идея демократического социализма, если обстановка резко не изменится, несомненно станет фундаментом объединенной Европы.

III

Парадоксально то, что в Югославии не философы, в подавляющем большинстве склоняющиеся к «новой левой», а именно политические деятели понимают историческое значение югославского опыта, хотя осмыслить его им все еще мешает марксистский догматизм. Но жизнь их толкает в направле-

нии третьего пути — не коммунистического и не капиталистического. Идеи международного мирного сосуществования, рабочего самоуправления, относительная терпимость к религии, свободный экономический рынок при социализме, свобода культурного творчества — все это хотя часто и сводится на нет из-за монополии одной партии, но все же зародилось и существует именно в Югославии.

Правда, есть люди, считающие, что в Югославии преобладают отрицательные черты обеих общественных систем (с Востока — однопартийность и ее последствия, а с Запада — свободный рынок, вызывающий конкуренцию, социальное неравенство и безработицу, вследствие которой почти миллион рабочих принужден постоянно работать в капиталистических странах). Однако если это в некотором отношении и верно, то это только подтверждает мою мысль о том, что Югославии придется разрешать проблемы и Востока и Запада, ибо, не разрешив их, она распадется на куски. Другим странам это не угрожает. Перед Югославией — задача воплощения в жизнь положительных черт обеих систем и ликвидации отрицательных. Возможно ли это — покажет будущее.

Благодаря тому, что в Югославии борьба с декларированным сталинизмом не возникла в результате общенародного порыва к демократии, а велась «сверху» коммунистической партией, к сожалению, нужно признать, что идея диктатуры и насилия не совсем еще изжита, особенно у молодежи, и это, по-моему, представляет большую опасность для будущего страны. Вторичное подчинение Югославии Москве было бы трагедией, равнозначной распаду страны, не говоря о том, насколько бы такой оборот дела отрицательно повлиял на процесс демократизации в СССР.

Но это вряд ли случится, кроме всего и потому, что югославская левая молодежь, как и западная, больше склоняется к «новой левой» и маоизму. Против идейного соблазна насильственного устройства человеческой жизни возможно бороться только с демократических позиций, и в этом отношении огромную роль могла бы сыграть тут независимая печать, которой, к сожалению, все еще нет. Опасность усиливает и то обстоятельство, что в Югославии и по сей день невозможно говорить правду о том, что сталинизм есть логическое и полноправное продолжение ленинизма. Ленин возведен в святые и не подлежит никакой критике.

Если Югославии не удастся сделать рывок к демократии и если она в будущем потеряет свою независимость, то несомненно прошедшие четверть века, вопреки всем отрицательным явлениям, сохранятся в народной памяти как идиллические времена. И действительно, можно только удивляться тому, что югославским коммунистам удалось настолько смягчить то, что по своей природе нечеловечно — однопартийную диктатуру. Если удастся переход к демократическому социализму, то это будет благодаря — кроме всего прочего — и этому мудрому смягчению.

За конституционными переменами в Югославии в настоящее время следит вся мировая общественность. Положительный ли или отрицательный это процесс? Я бы сказал, что этот процесс двойственный. Поскольку изменение структуры государства ведет к демократизации (ликвидация административного централизма, национальное равноправие), то это процесс несомненно положительный. Но

поскольку и в такой системе остается однопартийность, то и борьба за дальнейшую демократизацию может осложниться разъединенностью демократических сил в рамках отдельных национальностей. Раздробление единой партии на несколько национальных, конечно, не решает вопроса демократии, а поэтому не дает гарантий продолжительному существованию Югославии. Единое югославское государство в будущем сможет существовать исключительно на демократических основах. Только свобода подлинно объединяет. Возможен ли безболезненный путь к посткоммунистическому, демократическому обществу — покажет будущее Югославии. Думается, что темные силы всех мастей поражаются, если у Югославии не будет будущего, то есть если никакой Югославии вообще не будет, ибо это бы означало, что будущего не будет и у европейской цивилизации.

Белград, 1971

● КНИГИ

Говорит Кув де Мюрвиль

Речь идет о книге, посвященной в основном внешней политике голлистского правительства Франции и озаглавленной: «Иностранная политика от 1958 до 1969 года»^{*}). Автор — Морис Кув де Мюрвиль — был в пятидесятых годах послом в Бонне, а затем, в течение одиннадцатилетнего властвования генерала де Голля, неизменным его сотрудником в составе правительства: около десяти лет министром иностранных дел, а затем около года — главой правительства.

Тема книги касается не только Франции, а охватывает всю Европу, в частности взаимоотношения между западным европейским сообществом и блоком европейских коммунистических государств. Книга представляет актуальный политический интерес, так как ряд поставленных в ней вопросов еще не разрешен и находится в центре современных международных переговоров. Однако сам автор придает своему труду лишь историческое значение. В беседе по телевидению, состоявшейся в октябре 1971 года (перед выходом книги), Кув де Мюрвиль подчеркнул, что он, в течение одиннадцати лет своей ми-

нистерской деятельности, проводил *определенную* внешнюю политику, которой весной 1969 года (с уходом генерала де Голля и с его собственной отставкой) был положен предел. Как выразился Кув де Мюрвиль, другие люди, вставшие у рычагов власти (следовательно, Помпиду и Шабан Дельмас — А. С.), начали проводить иную внешнюю политику, о результатах которой можно будет судить лет через десять.

В своей книге автор сосредоточивается на двух, по его мнению ключевых, вопросах: политическое и экономическое объединение Западной Европы и, с другой стороны, отношения Франции с государствами Восточной Европы, в первую очередь с СССР.

Остановимся на этих двух темах поочередно.

✱

«Европа шести» (включающая и Францию), иначе говоря — «Общий рынок» или Европейское Экономическое Сообщество, была создана задолго до правительственной деятельности Кув де Мюрвиля; она процветала, с экономической точки зрения. Франция вошла, во времена Кув де Мюрвиля, в столкновение со своими партнерами не по экономи-

^{*}) Maurice Couve de Murville. „Une politique étrangère. 1958-1969“. Edition Plon. Paris, 1971.

ческим, а по политическим причинам. Согласно концепциям генерала де Голля, верным проводником которых был наш автор, сверхнациональное объединение Западной Европы должно было, в общем, ограничиться таможенной унией. Политическое объединение должно было идти по старомодному пути двухсторонних договоров о дружбе и сотрудничестве. Эта обширная гамма двухсторонних договоров должна была охватить первоначально лишь континентальную Западную Европу, а затем перехлестнуть и на Восточную Европу. Отсюда — возникновение пресловутых де-голлевских формул: «Европа наций», «Европа от Атлантического океана до Урала». Отсюда — упорное желание де-голлевского правительства не допустить в европейское сообщество Великобританию — державу морскую, обращенную к заморским странам.

Идея Западной Европы как федерации, как единого организма, в котором государства-участники уступают часть своих суверенных политических прав сверхнациональным инстанциям, была де Голлю и его министру неприемлема и чужда. Вследствие этого имели место резкие неполадки на протяжении всех описываемых одиннадцати лет, в особенности с Голландией и Бельгией. На многих страницах книги говорится о необходимости освободить Францию от «атлантического соблазна». Согласно с этой формулой Кув де Мюрвиль и проводил свою политику — постепенный вывод, начиная с 7 марта 1959 года, французских военных сил из-под объединенного командования НАТО, французское «вето», наложенное в 1967 году на вхождение Великобритании в европейское сообщество, и т. д.

Краеугольным камнем политического объединения Европы, на основании двухсторонних соглашений, должно было быть (и эту тему автор в своей книге рассматривает подробно) тесное сотрудничество Франции с Федеративной Республикой Германии. И тут, в вопросе, которому наш министр придает исключительное значение, натывается на ряд противоречий. В частности, трудно понять позицию Кув де Мюрвиля в проблеме Западного Берлина.

В одном месте он, весьма справедливо, пишет:

«Тем временем произошло новое, роковое событие: 13 августа 1961 года правительство Восточной Германии начало сооружать преграду между двумя частями Берлина, препятствующую сообщению между обеими

частями города... Этим был нанесен последний удар четырехстороннему статусу всего Берлина, окончательно разделенного на две части».

Читатель вправе думать, что из этой констатации министр сделает единственно возможный логический вывод: либо надо было добиваться восстановления для всего Берлина четырехстороннего статуса, либо признать Западный Берлин частью ФРГ. Но в книге мы читаем совсем иное: *«Касательно Западного Берлина я недвусмысленно изложил позицию Франции. Территория этого города не является частью Федеративной Республики и не должна быть к ней присоединена. Вследствие этого мы относились весьма несочувственно ко всей политической деятельности западных немцев в Берлине: к парламентским сессиям, к выборам в этом городе президента Федеративной Республики и т. д.»*.

Во времена Аденауэра франко-германский разнобой ощущался мало. Затем, как пишет автор, противоречия между Парижем и Бонном в ряде вопросов (в частности, в вопросе о политике по отношению к коммунистическому блоку) непрерывно усиливались. И так было до появления на боннской политической арене нынешнего канцлера Вилли Брандта...

Второй вопрос, занимающий в книге не менее значительное место, — это вопрос сближения Франции с коммунистическим европейским блоком, в частности с Советским Союзом. В этом вопросе автор составил, задним числом, очевидно для него удобный политический календарь. Мы, для ясности изложения, с ним по этой хронологии последуем, хотя по ряду причин с ней согласиться не можем.

Первые шесть лет своей министерской деятельности (1958 — 1964) Кув де Мюрвиль называет «временем угроз» — так и названа одна из основных глав его книги. Исходный для него момент: западноберлинский кризис, кризис, затеянный советским правительством Хрущева в ноябре 1958 года, поставивший мир на грань третьей мировой войны. Затем наступает перелом. Автор пишет:

«В деле отношений Франции с СССР и с другими странами Восточной Европы 1963 год был годом ожиданий... 1964 году суждено было стать годом оттепели, то есть годом нормализации».

Для так называемой «нормализации» министр нашел объяснение весьма простое: она,

видите ли, стала возможной благодаря падению Хрущева.

«Наступил на неопределенное время, — пишет он, — конец единоличного властвования, и произошло восстановление коллективного руководства. Раз ход событий не зависел более от решений или даже от импульсов одного человека, то можно было ожидать большего спокойствия».

Ох, как не хочется с автором полемизировать! Но как не напомнить, что Хрущев отнюдь не был единоличным хозяином страны. А если уже говорить о его личной роли, то нельзя не сказать, что, несмотря на ряд zig-zagов, Никита Сергеевич всё же был начинщиком этого самого пресловутого «мирного сосуществования»...

*

О настоящих причинах желания СССР сблизиться с Западной Европой автор либо вообще не упоминает, либо говорит мимоходом, как бы нехотя. А их, по существу, две.

Первая — это рост освободительного движения в России и связанное с этим стремление советского руководства найти среди руководителей западных стран добрых друзей, чтобы оппозиционным кругам в СССР (даже самым умеренным, типа академика Сахарова) ясно стало, что в правительственных западных кругах они никакой серьезной поддержки получить не могут. Освободительного движения Кув де Мюрвиль вообще не заметил, или заметить не хотел. Он пишет, что когда он был в Москве вскоре после войны, в сталинские времена, то обстановка в стране была напряженной; когда же он снова побывал в нашей столице в 1965 году, то застал там тишь и гладь. А ведь это был год, когда подготовлялся процесс Синявского и Даниэля...

Вторая причина — усиление напряженности на границах Китая и, следовательно, необходимость для советского руководства нормализовать отношения с Западной Европой, чтобы обеспечить свой тыл. Любопытно, что и об этой стороне дела министру писать нет охоты и советским руководителям как бы приходится самим ему на это указывать. Кув де Мюрвиль был в Москве с 20 по 30 июня 1966 года (совместно с генералом де Голлем), т. е. в тот период, когда конфликт между СССР и Китаем начал вступать в острую фазу. По поводу этого своего московского пребывания автор отмечает: «Брежнев тогда

впервые высказал мысль о созыве европейского совещания по вопросу о безопасности». Читая книгу, получаешь впечатление, что Брежневу эта мысль пришла просто так, из доброты сердечной. Никакой связи между брежневской инициативой и началом пограничных столкновений на советско-китайских рубежах автор не видит.

Особенно интересен (и это, пожалуй, самое ценное место книги) имевший место годом ранее разговор между Кув де Мюрвилем и Косыгиным. Вот что об этом сказано:

«С характерной для него простотой советский глава правительства высказал мне свои заботы. Помимо тех, которые были мне уже известны и о которых мы говорили много раз, это была Америка и это был Китай. Америка была ему непонятна и казалась ему опасной... Китай тоже казался ему угрожающим. Но в связи с этим, быть может, наибольшее беспокойство вызывала в нем неизвестность касательно дальнейшей тактики Соединенных Штатов. Возможность американо-китайского сближения представлялась ему самой страшной угрозой будущего».

Показательно, между прочим, что среди всех советских руководителей, доброжелательно и бережно описанных автором, один Косыгин выглядит живым существом, способным изложить идеи и концепции. Вся остальная галерея — Брежнев, Подгорный, Громыко — это только, несмотря на все усилия автора, какие-то автоматы: не люди, а восковые куклы.

*

Ну, а дальше, в повествовании Кув де Мюрвиля, франко-советское сотрудничество катится как по маслу. Все неудобства, все препятствия должны быть устранены, а если происходят события, явно противоречащие теории Кув де Мюрвиля о том, что настала «оттепель», то на них надо закрывать глаза. К таким неприятным событиям относится вторжение советских войск в Чехословакию в августе 1968 года. Автор не может все-таки за это КПСС похвалить. Но всё же старается свалить хоть часть вины на других: на деятелей «пражской весны», которых чёрт дернул захотеть слишком много свободы; на Западную Германию, которая захотела с этой освободившейся Чехословакией завязать слишком тесные экономические связи... Вообще во всей книге проходит красной нитью мысль о том, что государства Восточной Европы, попавшие из-за Ялтинского договора в сферу

влияния СССР, должны сидеть смирно и общаться с Западом лишь постольку, поскольку Москва им это позволяет. Почему страны Западной Европы — и в частности Франция — должны и могут сговариваться с коммунистическим блоком каждая по своему почину и без общего между ними сговора, а страны Восточной Европы поступать таким же образом не должны и не могут, действуя лишь по инструкциям Брежнева и Косыгина, автор не говорит.

Зато он долго объясняет, на какие усилия и уступки пришлось пойти его правительству, чтобы наладить во что бы то ни стало хоть какое-то подобие двухстороннего франко-советского сотрудничества. Особенно это выглядит ярко (и несколько обидно для нашего национального достоинства), когда министр повествует о том, как был заключен франко-советский торговый договор 30 октября 1964 года:

«По этому случаю, — пишет он, — встал вопрос о предоставляемых нами кредитах. До той поры всегда ограничивались сроком на пять лет, согласно международной договоренности... Правильно понимаемая торговая выгода побудила нас нарушить этот распорядок в деле торговых обменов с Россией. Так оно и произошло, хотя СССР — не одна из тех недоразвитых стран, в пользу которых обычно делаются подобные отступления от общего правила».

✱

Теперь времени «отступлений от общих правил» в пользу СССР пришел конец. И Кув де Мюрвиль ощущает этот перелом, как он это дал понять в интервью по телевидению, о котором мы упоминали. Общественное мнение Франции дезавуалировало его самого и его восточную политику. Доказательством тому служит факт, что он дважды потерпел поражение на парламентских выборах: впервые на всеобщих выборах в марте 1967 года, когда его победил консервативный кандидат Фредерик Дюпон, а вторично на частичных выборах в октябре 1969 года, когда избиратели предпочли ему Мишеля Рокара, представителя нового ультралевого течения. Дезавуалировала европейские концепции Кув де Мюрвиля и новая правительственная экипа Франции. Новый президент Франции Жорж Помпиду, на созванном по его почину в Гааге совещании глав государств и правительств европейского сообщества, изложил свою доктрину политического объединения Европы,

нацеленную на создание общей западноевропейской конфедерации. Эта же доктрина лежала в основе переговоров Помпиду с английским премьер-министром Хитом, открывших дорогу ко вступлению Великобритании в европейское сообщество.

В западноевропейской политике открылась новая страница. Но с исторической точки зрения книга Кув де Мюрвиля представляет, несомненно, большой интерес как показатель определенной политической психологии нашего времени.

Аркадий СТОЛЫПИН

ЛИНДЕКС предлагает

своим клиентам для получения в СССР:

- 1) Прекрасные шерстяные платки из Киева, 90 × 90, по ДМ 15,—
- 2) Еще бóльший выбор товаров в своем расширенном складе
- 3) Новые модели автомобилей советского производства:

впервые

«Жигули» ВАС 2101 за ДМ 9.950,—

кроме того

Москвич 408 IE за ДМ 9.300,—

Москвич 412 IE за ДМ 9.950,—

Запорожец ЗАЗ 966 за ДМ 6.300,—

Внимание! Сниженная цена

- 4) На новые модели мотоциклов по Вашему требованию сообщим Вам цены.

Посылайте посылки-подарки из товаров советского производства путем заказов через нас денежных сертификатов

Бюро путешествий «Линдекс» предлагает Вам удешевленные туристические поездки в Советский Союз — как групповые, так и индивидуальные

Пошлины на посылки-подарки остаются без изменений

Будем рады приветствовать Вас в нашей фирме

LINDEX Versand-Reisen

— Посылки — Путешествия

Раухштр. 2 и 5, Мюнхен

Тел.: 98 16 27; 98 13 75; 98 20 38

Телекс 05-23 173

ПОПРАВКИ

В «Посеве» № 3 на странице 16 в строке 11 от конца должно быть: еврейским. На странице 17 в строке 7: 1946 года. На странице 20, справа, в строке 21: Политического.

Без руля и без ветрил

В вихре революционных событий и гражданской войны в России зародились разные военно-политические движения, группировки, отряды, а то и просто банды. В частности, на Украине возникло крестьянское движение, известное под названием махновщина.

Главарь движения — Нестор Махно, выходец из крестьянской бедноты, примкнул еще до революции к анархистам. Совершенно необразованный, но отличался отвагой, умел зажечь массы и обладал недюжинными военными способностями для партизанской войны.

Численный состав махновских отрядов колебался от двух до двадцати тысяч шашек и штыков, в зависимости от положения на фронте и общей ситуации в стране. Орудовали махновцы в юго-восточной части Украины, в Екатеринославской и Таврической губерниях, охватывая примерно 32 волости, но часто случалось, что отряд (под натиском белых или красных) уходил далеко за пределы своего района действия.

Центром махновцев был городок Гуляйполе в нынешней Запорожской области. Боевое крещение махновское движение получило в 1918 году в борьбе с австро-немецкими оккупантами и частями марионеточного правительства Скоропадского. После их исчезновения с политической арены Украины махновцы с оружием в руках выступают против украинских националистов Петлюры.

Несколько позже они ликвидируют Григорьева — главаря крупного партизанского соединения, показавшегося батьке Махно слишком опасным соперником. Махно пригласил Григорьева на совещание, которое на самом деле оказалось засадой, и коварно убил его вместе с приближенными.

Однако основным врагом махновцев были белые. С ним они вели ожесточенную и длительную борьбу. Несмотря на свою сравнительную малочисленность, махновцы сыграли роковую роль в гражданской войне: им удалось перерезать пути снабжения Белой армии так, что наступление на Москву захлебнулось, а в 1920 году махновцы в союзе с Красной армией участвовали в решительном наступлении на Врангеля, ворвались вместе с красными частями в Крым, окончательно

доконали белых и помогли укрепить коммунистическую диктатуру в стране.

Но «мавр сделал свое дело, мавр может уйти». Не успели еще отзвучать последние выстрелы в Крыму, как Фрунзе обрушился на своих союзников — махновцев. К середине 1921 года, после бесчисленных наступлений и отступлений, махновцы под напором Красной армии были вынуждены покинуть Украину и уйти в Румынию. Так кончилась махновщина. Отверженный и всеми забытый умер батько Махно в Париже в 1935 году, 46 лет от роду.

Под флагом анархизма, не признавая никакой государственной власти, резко отрицательно относясь к централизму большевиков (не говоря уже о «реакции» белых), принимая лишь социальную революцию, в которой определяющим мерилom должен был быть труд, а управление осуществляется при прямом и непосредственном участии масс, — вот за что стоял батько Махно. Но даже на занимаемой им территории он не смог осуществить нового порядка, если не считать нескольких кратковременных по своему значению мероприятий.

Тут следует отметить, что русские анархисты заняли настороженно-выжидательную позицию к махновскому движению и за редким исключением предпочли остаться в стороне. По выражению автора книги, они проспали махновщину.

Книга — один из немногих исторических документов о махновщине — снабжена вводной статьей Волина, одного из теоретиков русского анархизма, участвовавшего в махновском движении. Затем идет предисловие самого автора — убежденного анархиста. Послесловие написано издателем, который называет себя специалистом по русской истории и литературе.

В конце книги интересна глава «Махновщина и анархизм», где Аршинов излагает свои мысли об анархизме. В отличие от коммунистического учения, где, как известно, все закончено, все совершенно, все точно согласованно, где всякая критика вызывает пароксизмы страха и злобы, анархизм в представлении автора гибок и даже расплывчат. Сам автор, например, не доктринер и критикует некоторые стороны анархизма.

Батько Махно и его вольница не создали ничего положительного. Зато они прославились зверскими расправами с интеллигенцией, имевшей несчастье оказаться в районе их

действия. С нескрываемой гордостью рассказывает автор о том, как офицеры, священники, помещики, кулаки и прочие подвергались физическому уничтожению.

Поскольку точных границ между данными категориями и другими представителями интеллигенции не было (инженер мог быть совладельцем завода, врач мог быть помещиком, сын священника журналистом и т. д.), то речь шла о систематическом уничтожении «буржуев» вообще. В этом отношении махновцы мало чем отличались от большевиков, подстрекавших темные массы против русской интеллигенции.

На основании мемуарной литературы того времени и рассказов оставшихся еще в живых свидетелей можно привести неисчислимы примеры, как разнужданные массы, во главе с махновцами, большевиками и прочим революционным «активом», расправлялись с «буржуями», причем сплошь да рядом самым зверским образом убивали не только главу семьи, но и жену, сестер, детей, стариков, равно как и преданных слуг. Аршинов скромно умалчивает об этой роли махновцев, а советская литература тем более хранит гробовое молчание о тогдашней страшной роли большевиков.

Несмотря на все попытки автора обелить махновское движение и представить отряд как высокодисциплинированную военную силу, все оценки — и красных, и белых, и нейтральных — сходятся на том, что махновцы имели очень смутное представление о дисциплине и высоких целях анархизма.

Вот, например, мнение совершенно постороннего наблюдателя, который приводит разговор с начальником небольшого махновского отряда:

«Наш батька», поведал он нам, «сам генерал, он царской армии подпоручик, он коммунист настоящий, не то, что петлюровцы, жидками купленные. Махно каждому позволяет взять по одной паре всего, сколько нужно, чтобы на себе носить. А кто больше возьмет, тех всех расстреливает. Мы только жидов и немцев режем — они-то и есть главные буржуи» (Архив русской революции, том 3-й).

Другое свидетельство:

«Воспользовавшись общей свалкой, Махно, грабивший тогда только маленькие уездные города, решил побывать и в «губернии» (имеется в виду Екатеринослав. — А. Т.).

Когда махновцы в числе около 300 человек вошли в город и каждого встречавшегося на улице тут же безо всяких расспросов расстреливали, все участники уличного боя попрятались. Ограбив крупнейшие магазины Озерного базара, махновцы подожгли здания магазинов и вся привокзальная часть города озарилась ярким светом пламени.

Сам Махно поставил посреди проспекта трехдюймовую пушку и в упор стрелял в наиболее высокие и красивые дома.

Первое кровавое посещение Махно Екатеринослава прибавило к общему числу жертв свыше 300 трупов...» (Архив русской революции, том 12-й).

Таким образом, путь махновских банд «к светлому будущему» был усеян убитыми.

Советские источники предпочитают обходить молчанием махновщину. В тех случаях, когда это невозможно, утверждается, что банды Махно состояли из контрреволюционных кулацких элементов и что Махно открыл фронт Деникину. И то и другое, конечно, ложь. Махновцы были враждебно настроены к зажиточному крестьянству и, как активные носители революции, были органическими врагами белых с начала и до конца гражданской войны.

В Советском Союзе, разумеется, давно уже исчезли данные о том, как большевики договаривались с махновцами о совместной борьбе против белых, как высокопоставленные товарищи приезжали в «ставку батьки Махно», какие хвалебные статьи советские газеты того периода публиковали о махновцах, как махновские отряды во главе с Каретником одними из первых ворвались в Крым.

Стыдно теперь признаться, что имели такого союзника, а еще стыднее, может быть, говорить о том, как коварно с ним поступили.

Руководители махновского движения прекрасно отдавали себе отчет в том, что такое большевизм и не имели на этот счет никаких иллюзий. Они уже тогда понимали, что большевизм по своей натуре не терпит инакомыслия. Им было ясно, что все инакомыслящие будут подвергнуты физическому уничтожению. Уже тогда русские анархисты видели, что у советов народных депутатов нет никакой власти, что зародился новый класс правителей.

И несмотря на все это и многое другое, махновцы все-таки шли на сотрудничество с большевиками, таким образом прокладывая путь к победе коммунистической диктатуры и к собственному поражению. Да и сам автор книги, старый анархист Аршинов, ушедший после ликвидации махновщины в эмиграцию, вернулся в Россию в тридцатых годах, вступил в партию и был вскоре ликвидирован в подвалах НКВД. Горбатого исправила могила!

Чем объясняется эта политическая неадекватность? Малограмотностью батьки Махно? Отчасти. Ненавистью к белым? Отчасти.

Больше всего — слепой верой в общую пролетарско-революционную «благодать» коммунистов и анархистов, веру в духовное родство.

И разве история сегодня не повторяется? Анархисты во Франции, Италии и в студенческой среде некоторых других стран страдают той же политической неадаптивностью, что и русские анархисты времен революции. Они всегда готовы к разрушению и неспособны на созидание. Своими подчас отчаянными, но всегда несуразными действиями анархисты и сегодня льют воду на мельницу коммунистов, представляющих (в отличие от анархистов — этого движения без руля и без ветрил) спаянную, целеустремленную, организованную силу.

Рецензируемая книга одновременно и исторический документ и материал на злобу дня. В послесловии сказано, что это заслуга крайне левых кругов Франции, что махновщину вспомнили. Естественно, так как беспорядки в Париже весной 1968 года в значительной степени проходили под лозунгами анархистов.

«Махновщина — постоянно повторяющееся явление, оно бессмертно», — пишет автор. Несомненно, в каждом народе подспудно нарастают разрушительные силы, которые в какие-то моменты прорываются наружу, сметая все на своем пути, неся горе и страдания, не создавая ничего положительного. «Божья кара», — сказали бы в старину.

Издав заново эту книгу о махновщине, вышедшую в начале двадцатых годов, крайние левые круги надеялись возбудить интерес к анархизму в мире. На самом деле книга о махновщине, этой страшной и кровавой странице из истории русского народа, должна послужить грозным предупреждением: остерегайтесь буйных политических импотентов, называемых анархистами!

А. ТИМОФЕЕВ

Борьба с религией пыткой сумасшествия

Г. М. ШИМАНОВ

Записки из Красного дома

Очерк, распространяемый Самиздатом

Цена брошюры 3.00 н. м.

● ПИСЬМА

КТО НАШИ ПРЕДКИ

По поводу доклада А. Н. Артемова

Доклад А. Н. Артемова на последнем совещании «Посева» преподносит много бесспорных истин и богат информативным материалом. Но имеются диссонансы и спорные утверждения.

Так, говоря о месте солидаризма под солнцем, докладчик постулирует: «Наша линия в истории России определялась по цепи: Новиков — декабристы — Герцен — народники».

Посмотрим, что из себя представляют эти, приписываемые нам, предки.

Новиков — один из первых борцов с крепостничеством. Но... он был также одним из руководителей русского масонства.

Далее — декабристы. Мы не отрицаем личное мужество, патриотизм и идеализм этих людей. Но наш народ они не знали и не понимали. Их вдохновляли идеи французской революции. Их тактика, построенная на обмане простого русского солдата, несколько не делает им чести (Конституция, каковую солдаты принимали за жену Константина). А как охарактеризовать бессмысленное убийство героя 1812 года — генерала Милорадовича?

Герцен — красочная фигура середины 19 века. Но, каков был его подлинный облик? Ведь не требовалось большого героизма потрясать кулаками из красного далека и звонить в «Колокол», порою на радость ненавистников России, как это имело место во время польского восстания. Герцен косвенно поддерживал вмешательство Англии и Франции в русские дела, в русско-польский спор. Всю жизнь он был плакальщиком о судьбе русского мужика, а в то же время безбедно жил на копейки, выкачиваемые из этого самого крестьянина.

Наконец — народники. Это слоёный пирог с весьма пряной начинкой. В этом симбиозе можно встретить примитива-позитивиста, глупого фанатика и просто прохвоста. Поглядим поближе.

Чернышевский — одно время «властитель дум» молодого поколения. Сколько на его совести искалеченных молодых жизней и отравленных душ! Его роман, — бездарнейшее произведение, бывшее долгое время «бестселлером» у полуинтеллигентов, — был настольной книгой у юного, тогда еще, Владимира Ульянова... За ним те же идеи развивал его верный последователь — Добролюбов.

Тургенев непревзойденно изобразил продукт этой идеологической обработки в лице Базарова («Отцы и дети»). Остановимся еще, пожалуй, на самой яркой фигуре народничества — на Нечаеве. В его пресловутом «Манифесте» сказано: «Мы против знати, чиновничества, духовенства, сословий, ростовщиков. Объединимся с разбойниками — единственными истинными русскими революционерами». Нечаевская психология полностью воспринята большевизмом. Достоевский пророчески вывел революционеров подполья в своем романе «Бесы».

Не хочется обойти молчанием и фанатика-террориста Каракозова, стрелявшего в царя-освободителя, идеолога-позитивиста Лаврова и, разумеется, Натансона — лидера партии «Земля и Воля». Это ли наши духовные предки? Это ли то светлое и великое, которое нас должно воодушевлять?

Думаем, что зачинатели Союза неспроста выбрали нашим духовным покровителем св. Владимира, а его родовой знак — эмблемой НТС. Другим нашим идеалом стал не просто князь Александр Невский, а именно святой Александр Невский. Его девиз «Не в силе Бог, а в правде» до сих пор украшает «Посев», не всегда христианский по своему духу.

Все предки, которыми нас награждает докладчик (вероятно, не вполне сознательно), растлевали духовно Россию и разрушали ее физически. Нас же вдохновляют бесчисленные, известные и безвестные, строители России, создавшие с Божьей помощью небывалую в истории империю.

В. Молчанов

США, февраль 1972

По поводу письма В. Молчанова

Тот пассаж в моем последнем докладе, который цитирует В. Молчанов, в тексте выглядит так: «На совещании «Посева» 1962 года наша линия в истории России определялась по цепи Новиков — декабристы — Герцен — народники». Это сказано бегло, но есть указание, что подробнее тема развита в докладе 1962 года (не вызвавшем тогда возражений).

В том докладе (см. «Посев» 1. 2. 63) развитие этой темы начато таким абзацем: «Историческая цепь политического развития нашей общественности может быть, сугубо схематически, в соответствии с нынешними представлениями молодежи, изображена следующим рядом явлений: Новиков (просветители-энциклопедисты) — декабристы (революционная организация без массы) — Герцен (политическая публицистика) — народники (поход интеллигенции в массы). Дальше начинается разветвление: марксистски привой (легальные марксисты, меньшевики, большевики) противостоит ствольной верхушке, пучку народнических партий нашего века. Из них, в частности, интересны трудовики, и мысль невольно толкается к ассоциации «народников»-«трудовиков» в прошлом с Народно-Трудовым Союзом в настоящем; интересны также народные социалисты, с которыми трудовики слились в 1917 году и о которых один из их основателей, наш друг С. П. Мельгунов говорил, что они должны были бы назвать себя солидаристами, но поддались тогдашней моде на социализм, подчеркнув, однако, его «народнический», то есть антимарксистский характер». Далее следует расшифровка каждого этапа, отбор приемлемых и отклонение неприемлемых элементов. К сожалению, как на последнем совещании, так и сейчас у меня нет возможности входить в детали аргументации (отсылаю к докладу 1962 года).

Но какие контраргументы выдвигает В. Молчанов?

Н. И. Новиков действительно был масоном. Ну и что? Это аргумент для Третьего Рейха, но не для нас. Масонство (особенно раннее) захватывало самых выдающихся людей. Масонами были Гёте, Лессинг, Моцарт, Франклин, Вашингтон, у нас многие аристократы (включая князей), крупнейший государственный деятель М. М. Сперанский, сам царь Александр Благословенный был близок к масонам, а во времена Новикова у царицы Екатерины секретарем был известный масон сенатор И. П. Елагин.

Важно другое: в шестидесятые годы XVIII века возникла и развилась независимая российская общественность — просветительство, печать, а самой яркой личностью в ней был Новиков. Естественно,

что после отвратительного аморального «Манифеста о вольности дворянской» Новиков не мог не стать «одним из первых борцов с крепостничеством». А о моральном облике его свидетельствует такой факт: митрополит Платон, по поручению царицы «проверивший» его религиозность, отозвался потом, что он в жизни не встречал лучшего христианина, чем Новиков.

Декабристы были жертвенными идеалистами и патриотами. Они дрались против наполеоновских полчищ и отстаивали отечество, но они не хотели мириться с автократией и крепостным рабством, поскольку их вдохновляли идеи свободы. Для нас важно, что их пример четверть века назад приводил в наши ряды тех офицеров и солдат Советской армии в Восточной Германии, которые тоже дрались против чужеземных захватчиков и отстаивали отечество, но тоже не хотели мириться с коммунистической диктатурой и колхозным рабством (см. статью Н. Осипова о декабристах в «Посеве» № 52, 1950).

Гимназический анекдот про «царицу Конституцию» мало что меняет, хотя он вполне правдоподобен. Убийство генерала Милорадовича можно охарактеризовать как бессмысленное (сколько таких бессмысленностей было в Будапеште и сколько может быть при любом восстании?), а как охарактеризовать то, что военный суд приговорил солдата-декабриста Федора Аноиченко к 12 тысячам палочных ударов (надо полагать, не за «царицу Конституцию»)?

О Герцене В. Молчанов пишет, что он «потрясал кулаками из прекрасного далека», «был плакальщиком», а сам жил на средства, «выкачиваемые» из народа (последнее просто неверно, т. к. Сенат лишил его «всех прав состояния»). Такая аргументация как бы нарочно списана из чекистского «Голоса родины», где все эмигранты — «бегуны», «плакальщики», частью проживают капиталы отцов-эксплуататоров («выкачанные» из народа), а частью, как бывшие советские граждане, остаются в долгу у советского государства, поскольку «учились на народный счет». Но именно потому, что честные люди чувствуют свой долг перед народом, они скорбят о его судьбе и отдают свои силы, средства, жизнь борьбе за улучшение его доли (откуда и как вести борьбу — это дело стратегического или тактического расчета).

Конечно, каждую освободительную борьбу можно зачислить в деятельность «на радость врагам», тут трагедия любой оппозиции. Но что касается Польши, то позволительно вообще усомниться в правильности русской политики по этой части. Недавно П. А. Столыпин (полвека спустя после Герцена) настаивал на предоставлении независимости полякам (и можно представить себе, какой оборот могла принять мировая война, когда свободные поляки, опираясь на нас, стали бы драться за свои земли, нахвачанные немцами и австрийцами). Но это — особая тема.

Герцен дорог нам как глашатай любви к человеку, к свободе, к родине и как практик вольного печатного слова (основатель Вольной русской типографии). И нас увлекает «нравственный импульс герценовской отдачи себя борьбе за свободу» (Л. Сергеева. Герценовский рычаг. «Посев» 8. 4. 62).

О «народниках» В. Молчанов верно пишет, что это понятие «слоёное», и под такой этикеткой мож-

но встретить «примитива, фанатика и прохвоста» (их можно встретить во все времена у всех народов и на всех этажах, вплоть до тронов). Но он не очень стремится отсоединить побочное и выделить основное, генеральное. А у нас это сделано, потому и разговор ведется определенный.

Чернышевский, Добролюбов, Писарев просто сюда не относятся, какое бы там влияние они на кого ни оказывали. Нечаев — аморальный нигилист, которого чуждались все, вплоть до самых левых (Маркс называл его «проходимцем», а Энгельс «прохвостом»). Идеино-политические направления «народничества» обычно сводят к трем: «бакунизм» (М. Бакунин), «ткачевизм» (П. Ткачев), «лавризм» (П. Лавров). Но Бакунин — анархист, а Ткачев — бланкист. В качестве оригинальной и стержневой идеино-политической линии народничества я в своем первом докладе (1962 года) рассматривал линию П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского. Так же поступил и С. А. Левицкий, который в своей последней книге «Очерки по истории русской философской и общественной мысли» (1968) цитирует персоналистические и солидаристические высказывания этих идеологов и считает народничество синтезом между славянофильством и западничеством, то есть, по существу, венцом нашего общественно-политического развития.

Владимир Святой и Александр Невский, а равно Владимир Мономах и Дмитрий Донской (с Сергием Радонежским) — конечно, предки для нас (хотя и не только для нас), в широком историческом плане. И «Посев» — христианский как раз «по своему духу» (а остальное для общероссийского политического журнала второстепенно).

Но в плане общественно-политическом (грубо говоря, по линии, проходящей через шестидесятые годы 18-го, 19-го и 20-го веков) наш народно-трудовой солидаризм лежит в русле центральных течений. Мы должны отметить как Бакунина, Плеханова, Ленина, так и Аракчеева, Уварова, Победоносцева. И Россию растлевали и разрушали как левые бунтари, так и правые реакционеры (включая карьеристов), которые, в конце концов, бросили своего государя (вспомним его стон: «кругом измена, трусость и обман»). И наоборот, ее строили и оздоравливали не только государи и служилые люди, но и общественность, включая оппозицию, конструктивно-критическую роль которой в историческом процессе нам пора научиться ценить.

А. Артемов

ПРОТИВ САМОУБАЮКИВАНИЯ

Дорогая Редакция!

Разрешите еще раз вернуться к докладу Л. Сергеевой «Становление независимой общественности» («Посев» № 1) и высказать мысли, которые возникли при внимательном ознакомлении с напечатанным текстом.

В докладе много ценных мыслей, в частности, хорошо сформулирована идея консолидации общественных сил. Однако в целом, как мне кажется, доклад недостаточно критичен, недостаточно объективен, излишне национально-сентиментален.

К опасной, самоубаюкивающей сентиментальности отношу, например, такие образы: «Мы — не народ пьяных мужиков. Мы народ умельцев, знающих как творить и как строить. У нас всегда была тоска по созидательной гражданственности, как тоска по не-

развитому таланту». Это верно, тоска была и есть, но тоска — это еще не умение гражданина жить достойно, это всего лишь заявка, не гарантирующая конечного результата. Опасно давать самим себе такие лестные оценки. Илья Габай, описывая толпу перед зданием суда во время дела Литвинова, Дремлюги и других (9. 10. 1968 г.), говорит: «Нагнали сотню пьяниц — могли нагнать и тысячу. Ограничились оскорблениями, а приказали бы — могли и убивать. И очень может быть, что кое-кто из этой черни действительно токарь 6 разряда и действительно висит на доске почета своего предприятия. Можно пожалеть этих людей — за то, что они такие темные, за то, что так искалечены их души, за то, что они так безнадежно жестоки и слепы» (Н. Горбаневская, «Полдень», стр. 329). И. Габай знает, что власти организовали хулиганство, но только этим не может объяснить страшную картину разгула черни. Мы должны любить наш народ, верить в него, но не закрывать глаза на наши пороки.

Некритичность доклада вижу в том, что получается, будто власть повсюду отступает, а независимая общественность всюду побеждает: «она — больше не хозяин», «власть становится беспомощной», «право на свободу слова и мнения утвердили де-факто и де-юре», «современный период — это период окончательного сплочения освободительных сил...»

Доклад не дает почувствовать, как тяжело достается каждый шаг. В докладе не отмечено, что подписантов в защиту Галанского и Гинзбурга были тысячи, позднее, в защиту Литвинова и Даниэля — сотни, а теперь, в защиту Буковского — только десятки. Автор также упустила, что большая часть Инициативной группы арестована, а пополнений нет. В воззваниях жены Григоренко и матери Буковского — женщин чрезвычайно мужественных — нет победных нот, а лишь отчаяние, крик о помощи из последних сил.

Поступки Буковского перед арестом можно сравнить с самосожжением Яна Палаха. Этим индивидуальным актом «самосапания», который легко может кончиться смертью, Буковский хочет разбудить совесть людей, в первую очередь русских людей, его окружающих. Пассивность людей, которую чувствуют на себе борцы, стоящие в первом ряду, это чувство одиночества, которое их порой охватывает, автор доклада почти обходит молчанием. Больше того, докладчица говорит, что ведущие борьбу «гаранты того, что поднятое знамя освобождения не будет опущено, что однажды отвоеванное у власти не будет ей возвращено». Нет — этого они нам не гарантируют. Они делают свое дело и призывают других следовать их примеру.

Конечно, если смотреть в перспективе ста лет, то процент роста законности необратим. Но на протяжении ближайших 10-20 лет борьбу за законность можно и подавить.

Сообщают о решении Политбюро ликвидировать оппозицию, в январе прошла волна арестов и обысков, подбираются к П. Якиру и А. Сахарову. Нет оснований для легковесного оптимизма, хотя это и не значит, что мы должны в унынии и безнадежности опустить руки.

Если мы, как Буковский, осознаем свой долг, то число наших последователей и сроки теряют первостепенное значение. Докладчица права, когда говорит, что «новый гражданин и новое общество создают свою Россию уже сегодня. Сейчас». Если мы можем сегодня служить народу и строить Рос-

сию, то наши действия становятся осмысленными. Если есть силы, то служить можно и в советский период истории, и в переходной, и при какой-то новой форме государственности.

А оглянувшись, потом, мы приходим к выводу, что служение всегда было одинаково трудно.

Ф Р Г, февраль 1972

С приветом
И. Агрозв

ПО ПОВОДУ ПИСЬМА И. АГРОЗОВА

Редакция любезно ознакомила меня с письмом И. И. Агрозова, которого я благодарю за внимание к моему выступлению и мыслям. В ряде оценок современного положения и достижений освободительной борьбы, а также в подходе к нашему народу мы с автором письма не сходимся. Но поскольку мы оба думаем о судьбе нашего общего дома — России, такие расхождения могут быть даже плодотворными (особенно, если мы будем избегать вешать ярлыки на неподходящие нам взгляды). Могу заверить своего оппонента, что существующие трудности мне столь же видны, как и ему. Судьба Нины Ивановны и Зинаиды Михайловны мне столь же дорога, и я за них так же болею, как за судьбы миллионов русских матерей и жен. Но я считаю, что изменить участь их всех мы можем только вспомнив, наконец, что «мы — не народ пьяных мужиков».

Озадачило меня, однако, что Иван Иванович создал себе на самом деле искаженное впечатление о моих высказываниях и приписывает мне свои собственные выводы. Из доклада не получается, будто «власть всюду отступает», хотя бы потому, что речь в докладе идет только о независимой общественности, к которой и относится приведенная в письме цитата. Стоит вспомнить тот контекст, из которого она взята: «В сознании творцов независимой общественности (выделено сейчас мною. — Л. С.) власть перестала быть довлеющим и всеведующим началом. Власть ощущают как помеху, с карательными органами, с лживыми словами. Но она — больше не хозяин. Произошла ее демистификация. И все, что созидает независимая общественность, она творит помимо власти, вопреки ее желаниям». О том, что в докладе нет голословного утверждения, что общественность «всюду» побеждает, свидетельствует, в частности, и конкретность выбранной И. И. Агрозвым цитаты. Здесь речь идет только о Самиздате, в котором я вижу яркий пример утверждения «самостоятельности и самообслуживания независимой общественности».

Что же касается замечания Ивана Ивановича по поводу моих слов о политической обывательщине, то мне хотелось бы дать некоторые пояснения. Народ для меня, это — вся совокупность общества, а не «простонародье», или «толпа», или «чернь», которым противостоит «интеллигенция». Поэтому к «активности народа» относится всё, что говорится мною о независимой общественности и об освободительных силах. Они-то и состоят из активных представителей народа. А то, что народ не классовое, социальное, и даже не только государственное понятие, никто не сказал лучше Солженицына: «Народ — это не все, говорящие на нашем языке, но и не избранцы, отмеченные огненным знаком гения. Не по рождению, не по труду своих рук, и не по кры-

лам своей образованности отбираются люди в народ. А — по душе. Душу же выковывает себе каждый сам, год от году. Надо стараться закалить, отграничить себе такую душу, чтобы стать человеком. И через то — крупницей своего народа».

Л. Сергеева

Мы рады, что два наших читателя еще раз вернулись к докладам на ноябрьском совещании «Посева». Но мы просили докладчиков ответить на эти «выступления в прениях» не только оттого, что им полагается «заключительное слово», но и для полноты картины для тех наших читателей, которые увидят только этот выпуск журнала. — Ред.

НЕ 15, А 72

Многоуважаемый г-н редактор!

Я удивлен тем, что в № 12 «Посева» Вы напечатали письмо М. Арцимовича без редакционного комментария или хотя бы фактических поправок к нему. Например, о Соборе Русской Церкви в Загорске (30 мая по 2 июня 1971 года) М. Арцимович пишет, что «на всю Россию смогли тоже собрать немногим больше 15 архиереев, притом несвободных». Однако известно, что на Соборе присутствовал весь епископат Русской Православной Церкви, кроме отсутствующего по болезни архиепископа Новосибирского и Барнаульского Павла: 9 митрополитов, 29 архиепископов и 39 епископов от 67 внутрироссийских и 14 зарубежных епархий. Итого 72 архиерея!..

Вопрос о «пародийности» этого Собора, мне кажется, лучше было бы оставить на суд церковной истории.

С уважением
С Ш А, февраль 1972 г. Александр Голубов

КНИГИ, ПОЛУЧЕННЫЕ НА ОТЗЫВ

Аркадий и Борис Стругацкие. Улитка на склоне. Сказка о тройке. Обложка работы художника Н. И. Николенко. Издательство «Посев», Франкфурт-на-Майне, 1972. 278 стр. Цена 16.80 н. м., в США и Канаде — 5.60 дол.

Г. Померанц. Неопубликованное. Большие и маленькие эссе. Публицистика. Издательство «Посев», Франкфурт-на-Майне, 1972. 336 стр. Цена 16.20 н. м., в США и Канаде — 5.40 дол.

Л. Ржевский. Три темы по Достоевскому. Издательство «Посев», Франкфурт-на-Майне, 1972. 58 стр. Цена 3.30 н. м., в США и Канаде — 1.10 дол.

Nina Karsov, Szymon Szechter. Nie kocha sie Pomników. Nakładem Polskiej Fundacji Kulturalnej, Londyn 1970. 313 str.

Die „Neue Krankheit“ Schisoinakomyslie. Dokumente zum geistigen Mord an «schizoiden Andersdenkenden» in der Sowjetunion. Wladimir Bukowskij, Victor Fainberg, Sergej Rasumnij, Alexander Solschenizyn, Genadij Michailowitsch Schimanow. Kuratorium Geistige Freiheit. Bern 1971. S. 40.

Pjotr Grigorenko. Aufzeichnungen aus Gefängnis und Irrenhaus. Geleitwort von Valerij Tarsis. Kuratorium Geistige Freiheit. Bern 1970. S. 24.

Специальная больница по терапии клеток

по методу проф. Ниханса

Обращайтесь при старческих недомоганиях, нарушениях местного кровообращения, кардио- и артериосклерозе, старческом сахарном диабете, болезнях обмена веществ, а также при монголизме и спастическом детском параличе и т. п.

Врачебное наблюдение

**Spezialklinik für Zelltherapie
D-6050 Offenbach/Main, Frankfurter Straße 110**

Телефоны: (0611) 88 85 86, 88 67 66 и 88 34 24

Необходима предварительная
письменная заявка

«Посев» в Германии

ПРОДАЕТСЯ В ГОРОДАХ:

Baden-Baden, Sofienstr. 3
Bonn, Bundeskanzlerplatz B 210
Bremen, Sögestr. 29
Düren, Kölnstr. 7
Erlangen, Hauptstr. 4
Frankfurt/M., Hauptbahnhof
Frankfurt/M., Hauptwache
Hamburg, Hamburger Straße 43
Hamburg-Altona, Neue Grosse Bergstr. 18b
Heidelberg, Hauptstr. 42
Karlsruhe, Kaiserstr. 88
Nürnberg, Breite Gasse 30
München, Hauptbahnhof
Offenbach/Main, Große Marktstr. 3
Oldenburg, Schüttingstr. 7-8
Solingen, Einkaufszentrum, Kölner Straße 99
Wiesbaden, Kirchgasse 51

«ПОСЕВ» и «ГРАНИ» Парижское представительство

125 bis, rue Blomet
Paris 15
Tel.: 250-62-06

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПОСЕВ“

Издает: общественно-политический журнал «ПОСЕВ» (12 выпусков в год), брошюры «ВОЛЬНОЕ СЛОВО. Самиздат. Избранное. Документальная серия» (6 в год), литературно-публицистический журнал «ГРАНИ» (4 раза в год), брошюры и книги на русском, немецком и других языках.

При издательстве — книжный склад.

VERLAG — POSSEV — REDAKTION
D - 6230 Frankfurt/M. 80, Flurscheideweg 15
Telefon: 34 12 65. Postscheckkonto 33461 Frankfurt/M.
Bank: Nassauische Sparkasse 161 001 163 Frankfurt/M.
Telegramme: Posseverlag Frankfurtmain

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ИЗДАТЕЛЬСТВА:

АВСТРАЛИЯ. „Possev“ c/o „Unification“, 497, Collins St., Melbourne C. 1.
АНГЛИЯ. D. Bilenko, 58 Leamington St., Oak Lane, Heaton, Bradford 9.
АРГЕНТИНА. Sra. I. Grechishkin, C. Correo № 7. Suc. Villa S. Andres F. C. B. M. Buenos Aires.
БЕЛЬГИЯ. Boite postale 1094, Bruxelles 1.
БРАЗИЛИЯ. I. Alexandrow, Av. Lavandisca 648, Indianopolis, Sao Paulo.
ВЕНЕСУЭЛА. ДУТА, Aportado del correo 51.241 z. p. 105, Caracas.
ГОЛЛАНДИЯ. Postbus 325. Rotterdam.
ДАНИЯ. D. Schewitsch, Ordrupvej 64/III, 2920 København-Charl.
ИЗРАИЛЬ. Yair's Bookshop, Hahashmal St. 1. Tel Aviv. Tel.: 62 40 57.
ИТАЛИЯ. A. Konovets, Cassella Postale 429, Roma-Centro.
НОРВЕГИЯ. Jan Evland, Klemetsrud, Oslo. Tel.: 28 48 26.
США. V. Molchanov, P. O. Box 187, New Lots Station, Brooklyn, N. Y. 11208. ♦ „Possev“, 11128 Wagner St., Culver City, Calif., 90230.
ФРАНЦИЯ. „Possev“, 125 bis, rue Blomet, Paris 15. Tel.: 250 — 62-06. ♦ N. Altoff, Maison „Albert Morlot“, 53, rue Pierre Baizet, 69 - Lyon 9.
ШВЕЙЦАРИЯ. Leo Grossen, Postfach, Locarno.
ШВЕЦИЯ. Tidskriften „Possev“, Box 4054, 15104 Södertälje.
ЯПОНИЯ. A. Bakulevsky, 437 Iwai-cho, Hodogaya-ku, Yokohama.

УСЛОВИЯ ГОДОВОЙ ПОДПИСКИ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ

«Посев» и 6 брошюр «Вольного слова»: в Европе — 60 н. м., в США и Канаде — 36 ам. дол. (воздухом) или 27 ам. дол. (простой почтой).
«Посев»: в Европе — 40 н. м., в США и Канаде — 24 ам. дол. (воздухом) или 18 ам. дол. (простой почтой).
«Грани»: в Европе — 30 н. м., в США и Канаде — 10 ам. дол.

УСЛОВИЯ ГОДОВОЙ ПОДПИСКИ ЧЕРЕЗ МАГАЗИНЫ ИЛИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА

«Посев» и 6 брошюр «Вольного слова»: в Европе — 72 н. м., в США и Канаде — 40 ам. дол. (воздухом) или 31 ам. дол. (простой почтой), в Австралии — 27.50 ав. дол. (воздухом).
«Посев»: в Европе — 48 н. м., в США и Канаде — 27 ам. дол. (воздухом) или 21 ам. дол. (простой почтой), в Австралии — 18.30 ав. дол. (воздухом).
«Грани»: в Европе — 36 н. м., в США и Канаде — 12 ам. дол.
Стоимость подписки в неевропейских странах, кроме США, Канады и Австралии, простой почтой — та же, что и в Европе; авиапочтой — с доплатой за пересылку.

Ответственный издатель В. Я. Горачек. Главный редактор Л. А. Рар. Ответственный секретарь А. А. Кандауров. Редакционная коллегия: А. Н. Артемов, Г. А. Рар, С. И. Семенов, А. П. Стольпин, Я. А. Трушнович, Ю. В. Чикарлеев.

Статьи, подписанные фамилией или инициалами автора, обязательно выражают мнение редакции. Перепечатывать, переводить на иностранные языки, использовать в выдержках материалы, не снабженные «copyright», разрешается без предварительного согласования с издательством, но с обязательной ссылкой на источник.

Книги в издательстве «Посев»

Булат Окуджава

ТОМ ПЕРВЫЙ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Будь здоров, школяр

Промоксис

Стихи и песни

Стр. 320. Цена: 19.— н. м. В США 5.50 ам. дол.

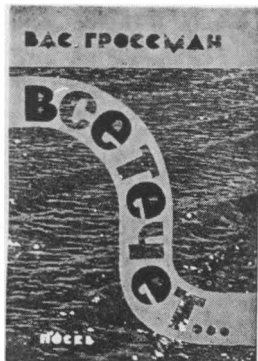
ТОМ ВТОРОЙ

ДВА РОМАНА

Бедный Авросимов

Фотограф Жора

Стр. 430. Цена: 22.50 н. м. В США 6.50 ам. дол.

Вас. Гроссман

Все течет...

Социально-
критический
роман, вышедший
в Самиздате

Автор нашумевшего романа «За правое дело»

В своем романе Вас. Гроссман развенчивает
культ личности Ленина

Обложка работы художника Н. И. Николенко
В книге — 208 стр.

Цена в твердом переплете — 18.80 н. м.,
в мягком — 15.50 н. м. В США и Канаде
— 6.30 ам. дол. и 5. 20 ам. дол.

Г. Померанц

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ

БОЛЬШИЕ И МАЛЕНЬКИЕ ЭССЕ.
ПУБЛИЦИСТИКА.

Книга распространяется Самиздатом.

Карманный формат, 336 стр. Обложка
работы художника А. В. Русака.

Цена 16.20 н. м. В США и Канаде 5.40 дол.

**А. АНАТОЛИЙ
(Кузнецов)**

Бабий Яр

Роман-документ

Обложка художника Н. Николенко, мягкий
переплет, карманный формат, 488 стр.

Цена 18.80 н. м.

В США и Канаде — 6.50 ам. дол.

Н. Горбаневская

ПОЛДЕНЬ

Книга в 4-х частях:

Красная площадь. — Дело о нарушении об-
щественного порядка. — Шемякин суд. —
Судьба Виктора Файнберга

В книге 500 стр. Мягкий переплет
Цена 17.— н. м. В США 5.— дол.

В. МАКСИМОВ

7 ДНЕЙ ТВОРЕНИЯ

Роман В. Максимова охватывает исторический период от революции до наших дней. Он состоит из 6-ти частей. Все они объединены судьбой семьи Лашковых. С братом героя читатели знакомы по отрывку романа «Дворник Лашков» («Грани» № 64) и «Поздний свет» («Грани» № 80).

Роман посвящен не только судьбам людей, но и судьбам России.

Книга большого формата, 512 стр., твердый переплет с золотым тиснением. Суперобложка работы художника Н. И. Николенко

Цена 28.80 н. м. В США и Канаде — 9.60 ам. дол.

«— Почему до сих пор не издан роман Бека «Новое назначение»? Лучшие, самые опытные литераторы высказались за издание книги Бека...» (В. Каверин. Запись обсуждения «Ракового корпуса» на заседании Московской писательской организации 16. 11. 66)

Александр Бек

НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

Роман о сталинском
правлящем классе

Большой формат, 234 стр., твердый переплет с золотым тиснением, худож. суперобложка. Цена 18.80 н. м.

В США — 6.30 дол.

БЕЛЛА АХМАДУЛИНА

ОЗНОБ

Избранные произведения

«Предлагаемая читателю книга — первая попытка собрать воедино произведения Беллы Ахмадулиной, молодого российского поэта «четвертого поколения» (род. в 1937 г. в Москве).

...В книгу почти целиком вошел сборник стихов «Струна» (1962 г.), стихотворения, опубликованные в молодежном рукописном журнале «Синтаксис» (1959–60 гг., см. «Грани» № 58, 1965 г.), и наконец стихи, записанные во время публичных выступлений Ахмадулиной...» (Из предисловия Н. Тарасовой, редактировавшей эту книгу.)

Книга содержит 136 стихотворений, 3 произведения в прозе и 16 стихотворных переводов грузинских поэтов, а также портрет поэтессы.

В книге 272 страницы. Цена 18.80 н. м. В Канаде и США — 5 ам. дол.

